

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

ISSN: 3034-3666

2025 • Том 2 • № 1

2025 • Vol. 2 • no.1

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

EXTREME PSYCHOLOGY AND PERSONAL SAFETY

Экстремальная психология и безопасность личности

2025. Том 2. № 1

Extreme Psychology and Personal Safety

2025. Vol. 2, no. 1

Экстремальная психология и безопасность личности

Сетевой научный журнал
«Экстремальная психология и безопасность
личности»

Редакционная коллегия

Бережина Т.Н. (Россия) – главный редактор

Баева И.А. (Россия), Балан И.С. (США),
Барабанщикова В.В. (Россия), Бриль М.С. (Россия),
Горностаев С.В. (Россия), Деулин Д.В. (Россия),
Екимова В.И. (Россия), Караяни А.Г. (Россия),
Носс И.Н. (Россия), Пергаменщик Л.А. (Беларусь),
Петровский В.А. (Россия), Поздняков В.М. (Россия),
Розенова М.И. (Россия), Селиванов В.В. (Россия),
Федотов А.Ю. (Россия), Харламенкова Н.Е.
(Россия), Цветков В.Л. (Россия), Шаранов Ю.А.
(Россия), Марьин М.И. (Россия), Рыбцов С.А.
(Россия), Стельмах С.А. (Казахстан)

Ответственный секретарь

Пахалкова А.А.

Редактор и корректор

Муратханов В.А.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ФГБОУ ВО

«Московский государственный психолого-
педагогический университет»

Адрес редакции

Россия, 123290, Москва, Шелепихинская
набережная, д.2А, строение 3, кабинет 207
Телефон: +7 (499) 244-07-10

E-mail: epsyps@mgppu.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/journals/epps/contacts>

Издается с 2024 года

Периодичность: 4 раза в год

Свидетельство о регистрации СМИ:
серия Эл № ФС77-86694 от 22 января 2024 г.

Все права защищены. Название журнала, логотип,
рубрики, все тексты и иллюстрации являются
собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены
авторским правом. Перепечатка материалов
журнала и использование иллюстраций допускается
только с письменного разрешения редакции.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет», 2025

Extreme Psychology and Personal Safety

Electronic Scientific Journal

“Extreme Psychology and Personal Safety”

Editorial board

Berezina T.N. (Russia) – **editor-in-chief**

Baeva I.A. (Russia), Balan I.S. (USA),
Barabanshchikova V.V. (Russia), Bril M.S. (Russia),
Gornostaev S.V. (Russia), Deulin D.V. (Russia),
Ekimova V.I. (Russia), Karayani A.G. (Russia),
Noss I.N. (Russia), Pergamenshchik L.A. (Belarus),
Petrowskiy V.A. (Russia), Pozdnyakov V.M. (Russia),
Rosenova M.I. (Russia), Selivanov V.V. (Russia),
Fedotov A.Y. (Russia), Kharlamenkova N.E. (Russia),
Tsvetkov V.L. (Russia), Sharanov Y.A. (Russia),
Maryin M.I. (Russia), Rybtsov S.A. (Russia),
Stelmakh S.A. (Kazakhstan)

Executive secretary

Pakhalkova A.A.

Editor and proofreader

Muratkhanov V.A.

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education
(MSUPE)

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, building 3, office
207, Moscow, Russia, 123290
Phone: +7 (499) 244-07-10

E-mail: epsyps@mgppu.ru

Web: <https://psyjournals.ru/journals/epps/contacts>

Published quarterly since 2024

The mass medium registration certificate:
EL № FS77-86694, registry date 22.01.2024

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text
and images are the property of MSUPE and
copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed
only with the written permission of the publisher.

© MSUPE, 2025

**Содержание журнала
«Экстремальная психология и безопасность личности»**

2025. Том 2. № 1.

<i>Рубрики, авторы, статьи</i>	<i>Страницы</i>
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	
Пергаменщик Л.А. Определение методологического основания кризисной психологии	5—15
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ	
Клейберг Ю.А., Деулин Д.В. Квадробинг как угроза психологической безопасности личности несовершеннолетнего	16—25
ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИЙ ОСОБОГО РИСКА	
Гнездилов Г.В., Киселев В.В. К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО	26—39
Сечко А.В., Лопатинская А.С. Формирование экипажей многоместных самолетов военной авиации на основе учета индивидуально-психологических характеристик, обеспечивающих психологическую совместимость их членов	40—59
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	
Неврюев А.Н. Развитие цифровой зависимости: обзор современных зарубежных исследований	60—74
ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Петров В.Е. Влияние личностного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье	75—88
МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ	
Финогенова Т.А. Стандартизация «Анкеты угроз психологической безопасности»	89—105
Павлова Г.Г. Модификация и стандартизация личностного опросника для определения типа акцентуаций К. Леонгарда, Г. Шмишека	106—122

**Contents of the e-journal
“Extreme Psychology and Personal Safety”**

Vol. 2, #1—2025

<i>Columns, manuscripts, authors</i>	<i>Pages</i>
THEORETICAL RESEARCH	
Pergamenshchik L.A. Definition of the Methodological Basis of Crisis Psychology	5—15
PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN AGE-RELATED PSYCHOLOGY	
Kleyberg Y.A., Deulin D.V. Quad-Banding as a Threat to the Psychological Safety of a Minor's Personality	16—25
PSYCHOLOGY OF SPECIAL RISK PROFESSIONS	
Gnezdilov G.V., Kiselev V.V. On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the SMO	26—39
Sechko A.V., Lopatinskaya A.S. Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on the Basis of Taking into Account Individual Psychological Characteristics that Ensure the Psychological Compatibility of their Members	40—59
PSYCHOLOGICAL SAFETY OF DIGITAL TECHNOLOGIES	
Nevryuev A.N. The Development of Digital Dependency: a Review of Current Foreign Research	60—74
EXTREME PSYCHOLOGY	
Petrov V.E. The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family	75—88
METHODOLOGICAL TOOLS	
Finogenova T.A. Standardization of the “Questionnaire of Threats to Psychological Safety”	89—105
Pavlova G.G. Modification and standardization of the personality questionnaire to determine the type of accentuation K. Leonhard, G. Shmishek	106—122

Определение методологического основания кризисной психологии

Пергаменщик Л.А.

Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка (УО «БГПУ имени М. Танка»), Минск, Республика Беларусь

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X>?lang=ru, e-mail: leonpergam@gmail.com

Резюме

В статье рассматриваются состояние и место кризисной психологии в ряду других направлений психологии и дается ее определение. Выдвинуто положение о «потере» человека в современной психологии, анализируются причины произошедшей смены диалога монологом и замены души на понятие «психика». Отмечается, что отечественная академическая психология по-прежнему недостаточно вторгается в реальную жизнь, изучая не конкретных людей, а некие схемы, замещая живую действительность абстрактными определениями и условными операциональными «эквивалентами». В качестве возможного теоретического основания кризисной психологии предложена психология повседневности. Выделены следующие положения, которые могут служить теоретическим основанием для кризисной психологии: 1) в основу методического инструментария следует положить диалог, как так он позволяет человеку оставаться субъектом при его изучении; 2) психобиографический подход необходимо рассматривать как основной для изучения личности в кризисной ситуации (как это сделано в психологии повседневности); 3) во главу исследования следует ставить реальность, имеющую субъективную значимость, и субъективную интерпретацию этой реальности; 4) необходим контроль исследования с позиций того, сохранится ли человек в процессе исследования за столбиками цифр и формул, не произошла ли замена жизненного мира человека субъективной репрезентацией исследователя. Обосновывается положение, что вместе с психологией повседневности в кризисную психологию приходят идеи феноменологии, конструктивизма, этнометодологии, интерпретативной антропологии. Вывод: для кризисной психологии лучше использовать качественные методы исследования: наблюдение (в том числе включенное), изучение биографий, интервью, интерпретация символических форм, фокус-группы и др.

Ключевые слова: диалог, душа, интерпретация, жизненный путь, кризисная психология, событие, переживание, психобиографический подход, психология повседневности, репрезентация

Для цитаты: Пергаменщик Л.А. Определение методологического основания кризисной психологии [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 1. С. 5—15. DOI:10.17759/epps.2025020101

Definition of the Methodological Basis of Crisis Psychology

Leonid A. Pergamenshchik

Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University, Minsk, Belarus

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X?lang=ru>, e-mail: leonpergam@gmail.com

Abstract

The article examines the state and place of crisis psychology among other areas of psychology and provides its definition. The article puts forward the proposition about the “loss” of a person in modern psychology, analyzes the reasons for the change of dialogue to monologue and the replacement of the soul with the concept of “psyche”. It is noted that domestic academic psychology still does not sufficiently interfere with real life, studying not real people, but some schemes, replacing living reality with abstract definitions and conditional operational “equivalents”. Everyday psychology is proposed as a possible theoretical basis for crisis psychology. The following provisions are highlighted that can serve as a theoretical basis for crisis psychology: 1) dialogue should be taken as the basis for the methodological tools, since it allows a person to remain a subject during its study; 2) the psychobiographical approach should be considered as the main one for studying a personality in a crisis situation (as is done in everyday psychology); 3) reality, which has subjective significance and subjective interpretation of this reality, should be put at the head of the study; 4) it is necessary to control the research from the standpoint of whether the person will remain in the process of the research behind the columns of numbers and formulas; whether the life world of the person has been replaced by the subjective representation of the researcher. The position is substantiated that along with the psychology of everyday life, the ideas of phenomenology, constructivism, ethnomethodology, and interpretive anthropology come to crisis psychology. Conclusion: for crisis psychology, it is better to use qualitative research methods: observation (including participant observation), study of biographies, interviews, interpretation of symbolic forms, focus groups, etc.

Keywords: dialogue, soul, interpretation, life path, crisis psychology, event, experience, psychobiographical approach, psychology of everyday life, representation

For citation: Pergamenshchik L.A. Definition of the Methodological Basis of Crisis Psychology. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 5—15 (In Russ.). DOI:10.17759/epps.20250200101

Введение

В конце прошлого века (конец 80-х — начало 90-х годов) автор этих строк в белорусской психологии возглавил направление по изучению чернобыльской катастрофы. Сначала реализовывалась всесоюзная, а далее республиканская программа: «Социально-педагогическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС» [16]. Именно это направление в 1997 году в Беларуси было названо термином «кризисная психология» [6]. Сначала программа разрабатывалась как практико-ориентированная, но это не соответствовало

возможностям отечественной психологии. Постепенно пришло понимание необходимости выбора основного методологического направления, которое могло бы дать объяснение как теории, так и практики в работе психологов по преодолению последствий чернойбыльской катастрофы, равно как и любых кризисных событий.

Ситуация, в которой мы начинали работать (психологи России, Украины, Беларуси), характеризовалась тем, что перед психологами по вполне определенным причинам более 50 лет не стояла задача выбора методологического основания психологических исследований, так как методология заранее была определена раз и — долгое время казалось — навсегда. Имя этой методологии марксизм-ленинизм, задача которого состояла не столько в помощи, сколько в строительстве нового человека по определенным требованиям, правилам, параметрам.

К началу 90-х годов в связи с перестройкой в социальной жизни абсолютный диктат марксистской идеологии был слегка нарушен, но не поколеблен, однако для психологии это означало появление возможности выбора адекватного направления для решения как теоретических, так и практических задач.

Так в отечественную психологию пришел психоанализ, экзистенциальная и гуманистическая психология, бихевиоризм и т. д. Но, повторяю, чаще всего мы осваивали не теоретические основы психологических направлений, а практики психологической помощи и кризисного вмешательства. Возник явный парадокс: психологическая практика кризисного вмешательства использовала самые различные инструменты психологической помощи из самых различных теорий, а академическая психология продолжала функционировать на базе единственно правильной — марксистской.

Попытки рефлексии состояния отечественной психологии

В конце 1980-х — начале 1990-х годов в российской психологии неоднократно предпринимались попытки ревизии советской психологии. Давайте обратимся к тому, что мы считаем наиболее систематической попыткой анализа. В 1988 году журнал «Вопросы психологии» организовал обсуждение состояния психологической науки и практики в форме круглого стола «Перестройка психологии: проблемы, решения». На страницах четырех номеров журнала 28 психологов из Московского, Ленинградского, Киевского и восьми других региональных педагогических институтов дали оценку уровня развития советской психологии и соответствия ее мировым стандартам. Исследователи предположили возможные причины ее застоя и наметили направления преодоления кризиса. Оказалось, что на момент запуска программы психологической помощи детям и подросткам, пострадавшим от последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, отечественная психология не имела ни теоретической базы, ни практического инструментария. Это следовало из дискуссии и четко видно из публикаций ведущих исследователей, представленных на круглом столе. Рассмотрим их аргументацию подробнее.

Для анализа результатов, полученных на круглом столе, предлагаю рассмотреть три статьи известных советских психологов.

1. Редактор журнала «Вопросы психологии» Е.В. Щедрина отметила, что на сегодняшний день, на ее взгляд, психология почти не работает в области реальной жизни, и это несмотря на то, что в обществе существует запрос на психологическую помощь [11]. На наш взгляд, это утверждение верное, но слишком осторожное; психология в нашей стране никогда не видела человека за общими словами, поскольку перед ней обычно ставились совсем другие задачи.

Подчеркнем вывод, который сделала Е.В. Щедрина: **психология недостаточно вторгается в реальную жизнь.**

2. Л.А. Радзиховский (НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР) полагает, что в настоящее время психология изучает **некие схемы, а не реальных людей**; эти схемы образуются путем угадывания того, что сегодня соответствует актуальным идеологическим клише, указаниям «сверху», вместо того, чтобы устанавливать истину в процессе свободного научного диалога. По его мнению, психология имеет низкий авторитет в обществе, потому что исследователи не занимаются реальной человеческой жизнью [12].

3. Известный исследователь А.У. Хараш с факультета психологии МГУ сделала вывод исходя из дискуссии: психология в нашей стране изначально изучала не живых людей в их реальной жизни, а некие операциональные «эквиваленты» и абстрактные определения [13]. Проанализировав ее статью, можно вывести основное положение, которое развивает автор: происходит **механистическая редукция психологии**, и она вполне может затмить основной объект исследования — человека.

Таким образом, мы видим, что три авторитетных ученых пришли к выводу о кризисе в психологии, потому что реальный человек со своим внутренним миром и своей жизнью оказался вне сферы исследований психологии как науки. На страницах четырех научных журналов известные исследователи отмечали, какие проблемы существуют в советской психологии: 1) отсутствие свободного диалога внутри профессионального сообщества; 2) отсутствие новых парадигм; 3) полная оторванность отечественной психологии от мировой научной мысли; 4) отсутствие психологической помощи — психология не развивает ни теорию, ни практику такой помощи; 5) психология как наука существует в условном вакууме, в отрыве от реальной жизни.

Со времени этой дискуссии прошло почти сорок лет. Попробуем оценить, какие изменения произошли с отечественной психологией. Из позитивного можно отметить, что мировая психология теперь пришла к нам, отечественные психологи ознакомились с большим количеством теоретических и практических направлений мировой науки и теперь имеют возможность выбирать методологическую основу для своей работы из большого количества теорий. Также отечественные исследователи смогли познакомиться с теорией и практикой кризисного вмешательства в мировой психологии. Студент-психолог получил возможность читать в подлиннике мировую классику (хотя, к сожалению, он, в лучшем случае читает учебники).

Несмотря на все изменения к лучшему, отечественная психология в недостаточной степени использовала новые возможности. В результате мы пришли к следующему.

- Нынешняя психология по-прежнему слабо влияет на реальную жизнь. То, к чему призывали психологи круглого стола, а именно к гуманитарному пересмотру принимаемых решений, так и не реализовалось.

- Психология до сих пор изучает абстрактные схемы, а не реальных людей, она больше опирается на математическую статистику, чем на субъективные переживания. Психологов не волнует тот факт, что только сам человек является подлинным экспертом своего жизненного пути (Х. Томэ). Психологи не вступают с человеком в прямой диалог, они заменили его на тесты, посредством которых и общаются с людьми [17].

- Механистическая редукция психологии продолжается. До сих пор наблюдается подмена живой реальности абстрактными определениями тех или иных понятий и условными

«эквивалентами», вычисленными с помощью обобщений.

Причины незавершенности перестройки отечественной психологии

Сделаем попытку ответить на этот очень важный и смелый вопрос. В процессе чтения работ круглого стола [10; 11; 12; 13; 14] мы заметили, что отечественные психологи в своих выступлениях не проводят анализ теоретических оснований советской психологии, не оценивают ее адекватность. Действительно, никто из авторов круглого стола не коснулся теоретических основ отечественной психологии, т. е. позитивистская модель науки «психология» в виде ленинской теории отражения не собиралась сдаваться и продолжала успешно функционировать.

Кроме того, в отечественной психологии не проведена основательная проработка двух коллективных профессиональных травм: 1) постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (1936 г.) и 2) павловская сессия (28 июня — 4 июля 1950 г.). Кроме этих глобальных и губительных вмешательств в профессиональную жизнь психологов было и ряд частных. Например, закрытие ГАХН — института, который на протяжении ряда лет (1921—1931) объединял вокруг себя цвет отечественной культуры, где ведущую методологическую роль играл Густав Шпет, представитель феноменологии и герменевтики, где трудились психологи Г.И. Челпанов, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, С.С. Четвериков, читал лекции Л.С. Выготский [8].

Коллективные травмы советской психологии не были проработаны в свободном научном диалоге, они замалчиваются, поэтому мы до сих пор сталкиваемся с их последствиями в виде «метастазов» в научной (академической) психологии, и особенно при попытке развития направлений психологической помощи людям.

Мы можем выделить последствия непроработанности коллективных травм отечественной психологии в ее теоретико-методологических основах. Произошло следующее: личность в психологии оказалось стертой, в работе психолога **преобладает монолог, а не живой диалог**; и, наконец, психологи до сих пор **вместо души изучают психику**.

Причина исчезновения человека в психологии связана с тем, что исследователи опираются на точные науки, пытаются изучать человека так же, как изучают вещи и предметы, не понимая, что между ними есть огромная разница.

Психологи в качестве методологической основы выбрали объяснение, а не понимание. Объяснение требует дать определение сущности изучаемого объекта, потом описать его составляющие, выявить причины развития и т. п. Именно так строят свою методологию естественные науки. Они выводят общие законы для своего предмета, сводя индивидуальное между изучаемыми объектами к незначительному.

А ведь психология — это гуманитарная наука и как все гуманитарные науки должна изучать именно индивидуальное, неповторимое, своеобразное (людей, действия, причины, отношения). Иными словами, методологический подход в психологии должен быть таким же, как во всех гуманитарных науках: нужно не обобщение, а конкретизация, которая позволит сохранить неповторимость и индивидуальность каждого человека.

В то же время, в гуманитарной науке давно уже было выявлено, что использование обобщений и обобщенных и формальных знаний для понимания личности недостаточно. Данный тезис поддерживал М.М. Бахтин (в свою очередь, опираясь на идеи Г. Риккера) [2]. Он отмечал, что обобщенный подход не только недостаточен, но часто просто невозможен,

поскольку игнорирует все то, что делает человека человеком (всю его индивидуальность и уникальность). Обобщая, мы теряем человека и вернуться к нему потом не можем.

Предметом исследования в психологии (следуя М.М. Бахтину) должен быть поступок — уникальный и неповторимый акт человеческого самовыражения. И это как нельзя более важно именно для кризисной психологии, поскольку при оказании помощи мы должны основываться на представлении жертвы о ситуации, на ее мыслях, переживаниях, словах.

Итак, для психологии основной исследовательский метод — это «**понимание**», в то время, как в естественных науках это **объяснение**.

Замена души на психику. Если мы согласны с высказыванием, что «чужая душа — потемки», то зачем нам наука, которая ходит во тьме? Лучше заменить предмет психологии, отказаться от изучения души и изучать психику.

Примечательно, что, познавая душу другого, мы должны делать акцент не на познании души, а на ее освещении, чтобы преодолеть чужую чуждость, рассуждает Б.С. Братусь [3]. Как не процитировать постулат Мартина Бубера о том, что «Я» самого по себе нет, есть только «Я» основного слова «Я-Ты»... Есть жизнь с духовными сущностями [4].

Однако, поскольку у личности нет пределов, невозможно и не нужно до предела высвечивать внутренний мир другого человека и делать его своим. Для науки о человеке, где каждое значение уникально, полнота **понимания** определяется глубиной **проникновения** во внутренний мир. Иными словами, для психологии глубина — аналог точности в естественных науках. Нам трудно принять этот тезис: он ставит под сомнение принадлежность психологии к науке вообще и признает ее недостатки, поскольку психология никогда не будет «точной наукой». Но не стоит надеяться устранить эту слабость какими-то методическими приемами (точными методами). В то же время мы должны понимать, что эта слабость должна непрерывно перерабатываться напряжением научной воли — в этом сила и гордость психологии как науки. Конечно, психология — «строгая» наука (напомню, что «строгость» — аналог глубины у М.М. Бахтина), но ее «строгость» не в искусственной точности математического аппарата, а в постоянном интеллектуальном усилии по преодолению произвола и освобождению возможностей человеческого понимания [2].

Понимание другого человека — это специфическая задача психологии с определенными ограничениями: не превращать его в объект «вычисления», не отражать собственные эмоции. При этом чем выше уровень психологической науки (постоянное интеллектуальное усилие), тем точнее она поможет выполнить эту задачу. Психология — это служба понимания, и с этим выводом Ф.Е. Василюка нельзя не согласиться [5].

Замена диалога на монолог. Поскольку наука о человеке (гуманитарное знание), в отличие от науки о вещах (научное знание), реализуется в парадигме понимания, то и требования к ней (и, в частности, к психологии) иные. В процессе исследования необходимы как минимум два субъекта, вовлеченных в диалог, поскольку диалог — единственно возможная форма человеческого существования. Слова существуют только в столкновении, в конфликте с другими словами, идеи развиваются во взаимодействии с противоположными идеями. Человек может понять себя, только если он сможет увидеть себя глазами других: «Быть — значит общаться диалогически. Когда диалог заканчивается, все заканчивается» [2, с. 280].

Таким образом, замена души психикой и диалога монологом завершила «победу» научного подхода к психологии.

Есть ли у современной психологии возможность стать подлинной наукой?

Посмотрим, как ответил на этот вопрос Ф.Е. Василюк в своей монографии «Методологический анализ в психологии», опубликованной в 2003 г. Он считал, что такая возможность у психологии, конечно же, есть. Но чтобы реализовать ее, ей самой нужно **кардинально измениться**. По его убеждению, такая возможность вписана в саму природу отечественной психологии, и чтобы ее реализовать, психологии просто нужно стать самой собой — наукой о душе, и трансформироваться из деятельностной в **жизненную** [5]. Через 20 лет Е.Е Соколова написала, что подобная трансформация уже происходит, но необходимо прикладывать дополнительные усилия, чтобы пройти весь путь, иначе психология так и останется наукой о процессах и свойствах, а не о живом, действующем и активном человеке [15].

Психология повседневности. Одним из первых исследователей, кто отозвался на призыв внедрить отечественную психологию в практику, стала известный психолог из института психологии РАН Л.И. Анцыферова. Она опубликовала статью, в которой заявила, что перед психологией в конце XX века встала проблема помощи людям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях [1]. Также она писала, что в отечественной психологии пока нет понятийной системы: ни теорий, ни методического аппарата, ни практических наработок по оказанию помощи людям в экстремальных ситуациях, — поскольку поведение человека в таких ситуациях пока никем не изучалось. Необходимо разработать новую теорию психологии, создать концептуальную систему для работы в кризисных ситуациях. Однако возникает вопрос: а что взять за основу кризисной психологии? Л.И. Анцыферова для описания контуров ее будущего оперировала понятиями психологии повседневности: жизненный путь, личность, жизненный мир, событие, переживание, биографический метод, восприятие, представления, когнитивно-феноменологическая направленность.

В статье «Психология повседневности: жизненный мир личности и “техники” ее бытия» Л.И. Анцыферова ответила на вопрос, какая психология может стать основой кризисной психологии (хотя такого термина она не употребляла). По ее мнению, это психология повседневности [1]. В данном случае я ее полностью поддерживаю: действительно, психология повседневности может выступить в качестве теоретико-методологической основы кризисной психологии. Для этого есть ряд важных теоретико-методологических оснований.

Основные положения психологии повседневности были сформулированы А. Шюцом — учеником Э. Гуссерля. Самым важным здесь является методология, которая позволяет человеку оставаться человеком, даже когда происходит его изучение. Во-первых, метод исследования — диалог, а не монолог. Во-вторых, используется психобиографический подход (Х. Томэ), который позволяет сосредоточиться на уникальном жизненном пути каждого человека. В-третьих, исследуется реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира (П. Бергер, Т. Лукман). В-четвертых, психолог направленно изучает субъективные репрезентации жизненного мира каждого исследуемого им человека [8].

Опираясь на это, мы можем предложить следующее определение предмета кризисной психологии как науки: **субъективные репрезентации жизненного мира человека. Он тот же, что и в психологии повседневности.**

Поясним предлагаемую позицию, указав основные черты концепции обыденной психологии: 1) нет бытия без отношения к этому бытию; 2) повседневная психология изучает субъективные представления о жизненном мире человека; 3) повседневная жизнь — это реальность, которая

интерпретируется; 4) единицей измерения в повседневной психологии является событие, которое переживается и интерпретируется; 5) человеческий мир изменчив и неопределен и требует активного управления; 6) существует возможность восстановления целостности повседневной идентичности и жизненного пути; 7) уровень повседневности — уровень обычной жизнедеятельности, изучение которого определяется представлением о человеке как субъекте деятельности; 8) внимание сосредоточено не на характеристиках и свойствах личности, а на ее интегральных чертах, таких как концепция стиля или жизненный опыт.

Надо признать, что каждый пункт этого рассуждения требует развернутого толкования — подтверждения связи каждого тезиса с положениями кризисной психологии, но провести подробный анализ в рамках отдельной статьи крайне затруднительно.

Точки пересечения психологии повседневности и кризисной психологии

Смысл и интерпретация событий. Как человек интерпретирует свой опыт и понимает, что происходит? В повседневной психологии люди пытаются осмыслить свои действия и взаимодействия в обычных ситуациях, чтобы сохранить свою идентичность. В кризисной психологии кризисные события нарушают привычный мир человека и требуют переосмысления себя, нарушенной идентичности и реальности существования.

Социальное взаимодействие. Интерсубъективность и социальная поддержка. Подчеркивается важность социального взаимодействия и коллективных смыслов: в повседневной психологии каждый человек существует в социально структурированном мире, в котором типы и роли облегчают взаимодействие и обеспечивают предсказуемость. Кризисная психология идет дальше и рассматривает другого (межсубъектные связи) как потенциал социальной поддержки — важнейший дополнительный ресурс для преодоления кризиса и восстановления идентичности.

Сопротивление и преодоление. Роль адаптации и сопротивления изменениям. Повседневная психология анализирует механизмы адаптации, которые помогают людям сохранять стабильность и благополучие в повседневной жизни. Кризисная психология также изучает механизмы адаптации в условиях нестабильности и стресса.

Повседневные стратегии преодоления выступают в качестве личного ресурса в повседневной жизни и позволяют человеку сохранять чувство контроля и стабильности, что особенно важно в условиях кризиса.

Концепция жизненного мира и нарушение его целостности. Для повседневной психологии мир структурирован и предсказуем, в нем «Я» находит свое место и зависит от стабильных культурных и социальных элементов. Кризис заставляет человека переосмыслить свое мировоззрение и найти новые пути восстановления внутренней целостности, восстановления нарушенной непрерывности бытия.

Восстановление идентичности после кризиса. Повседневная психология обеспечивает поддержание стабильной идентичности посредством повседневных практик и привычных действий. Кризисная психология исследует идентичность в ее динамике. Важной задачей является восстановление и воссоздание своей идентичности после разрушительного события. Человек также начинает искать новые стратегии преодоления трудностей, чтобы установить новую форму нормальности (посттравматический рост).

Экзистенциальное измерение. Обе дисциплины пересекаются в экзистенциальных аспектах: признании конечности жизни, смысле существования и выборе. Если повседневная

психология предлагает рассмотреть, как люди находят смысл в рутинных аспектах жизни и избегают экзистенциальных тревог с помощью привычных действий и устоявшихся ритуалов, то кризисная психология ставит человека перед экзистенциальными вопросами в ситуациях, когда рутина больше не помогает и есть потребность понимания и интерпретации мира, в котором мы живем, для экзистенциального роста.

Заключение

Мы завершаем поиски ответа на вопрос: почему отечественная психология не смогла стать теоретическим основанием кризисной психологии. В данной статье мы показали, что отечественная психология в 1993 году предложила первую попытку [1], которая не получила должного развития. Но уже в 2010-х годах в России оформилась психология повседневности в качестве самостоятельного, ориентированного на междисциплинарность исследовательского направления. Ее появление было инициировано Т.Д. Марцинковской и представлено работами неформальной исследовательской группы (Н.В. Гришина, М.С. Гусельцева, Д.А. Хорошилов и др.). Это позволило утверждать, что кризисная психология в поисках теоретических оснований своего развития может опираться на психологию повседневности [6].

Теоретическими источниками психологии повседневности служат идеи Э. Гуссерля, А. Шюца, Н. Элиаса, К. Гергена, Х. Томэ, Г. Шпета, этнометодологии Г. Гарфинкеля и интерпретативной антропологии К. Гирца [7; 8; 9].

Выдвинутые теоретические основания позволяют определиться с исследовательским инструментарием кризисной психологии: интервью (феноменологическое, нарративное, полуструктурированное) герменевтический анализ источников, интерпретация символических форм (слов, образов, поступков), case studies, включенное наблюдение, изучение фокус-групп и биографий.

Список источников / References

1. Анцыферова, Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 2. С. 3—16.
Ancyferova, L.I. Psychology of everyday life: the life world of a personality and the “techniques” of its being. *Psychological Journal*. 1993. Vol. 14, no. 2, pp. 3—16. (In Russ.).
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
Bakhtin, M.M. Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed. Moscow: Art, 1986. 445 p. (In Russ.).
3. Братусь, Б.С. Психология — наука о психике или учение о душе? // *Человек*, 2000. № 4. С. 30—37.
Bratus', B.S. Is psychology the science of the psyche or the study of the soul? *The Human Being*, 2000, no. 4. pp. 30—37. (In Russ.).
4. Бубер, М. Два образа веры. М.: Республика. 1995. 592 с.
Buber, M. Two images of faith. Moscow: Republic. 1995. 592 p. (In Russ.).
5. Василюк, Ф.В. Методологический анализ в психологии. М.:р Московский государственный психолого-педагогический университет ; Смысл, 2003. 240 с.
Vasilyuk, F.V. Methodological analysis in psychology. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education ; Smysl, 2003. 240 p. (In Russ.).
6. Гусельцева, М.С. Психология повседневности: методология, история, перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. URL:

- <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/397/909> (дата обращения: 20.01.2025).
<https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.397>
Guseltseva, M.S. Everyday life psychology: methodology, history and perspectives [Electronic resource]. *Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 51. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/397/909> (viewed 20.01.2025) (In Russ.).
<https://doi.org/10.54359/ps.v10i51.397>
7. Пергаменщик, Л.А. Методологические аспекты кризисной психологии // Кризисные события и психологические проблемы человека. Минск: НИО, 1997. С. 5—16.
Pergamenshchik, L.A. Methodological aspects of crisis psychology. *Crisis events and psychological problems of a person*. Minsk: National Institute of Education, 1997. pp. 5—16. (In Russ.).
 8. Пергаменщик, Л.А. Кризисная психология: учебное пособие. Минск: Выш. шк., 2004. 239 с.
Pergamenshchik, L.A. Crisis Psychology: a textbook. Minsk: Higher school, 2004. 239 p. (In Russ.).
 9. Пергаменщик, Л.А. По следам истории создания и развития кризисной психологии в Беларуси // *Адукацыя і выхаванне*, 2022. № 1 (361). С. 65—71.
Pergamenshchik, L.A. Following the history of the creation and development of crisis psychology in Belarus. *Education and upbringing*, 2022, no. 1 (361), pp. 65—71. (In Russ.).
 10. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии, 1988. № 1. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 1. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881005.htm> (viewed 20.01.2025)
 11. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 2. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/882/882005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 2. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/882/882005.htm> (viewed 20.01.2025)
 12. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 3. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/883/883005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 3. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/883/883005.htm> (viewed 20.01.2025)
 13. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 4. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/884/884005.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy Psychologii*. 1988, no. 4. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/884/884005.htm> (viewed 20.01.2025)
 14. Перестройка психологии: проблемы, пути решения («круглый стол») [Электронный

Пергаменщик Л.А.
Определение методологического основания
кризисной психологии
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 5–15.

Pergamenshchik L.A.
Definition of the Methodological Basis of Crisis
Psychology
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 5–15.

- ресурс] // Вопросы психологии. 1988. № 6. С. 16 URL:
<http://www.voppsy.ru/issues/1988/885/885016.htm> (дата обращения: 20.01.2025)
Rebuilding of psychology: problems, solutions (round table) [Electronic resource]. *Voprosy
Psichologii*. 1988, no. 6. (In Russ.). URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/885/885016.htm>
(viewed 20.01.2025)
15. Соколова, Е.Е. Превратить психологию «в науку о живом человеке...»: О
психотехническом характере исследований школы А.Н. Леонтьева 1940-х гг. // Культурно-
историческая психология. 2024. Т. 20. № 3. С. 109—118.
<https://doi.org/10.17759/chp.2024200311>
Sokolova, E.E. To Turn Psychology “into a Science of the Living Human Being...”: On the
Psychotechnical Character of Research of the A.N. Leontiev school of the 1940s. *Cultural-
Historical Psychology*. 2024. Vol 20, no. 3, pp. 109—118. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17759/chp.2024200311>
16. Социально-психологическая реабилитация детей и подростков, пострадавших от
катастрофы на ЧАЭС. Минск : Центр психол.-пед. проблем Чернобыля Нац. ин-та
образования Респ. Беларусь, 1993. 112 с.
Socio-psychological rehabilitation of children and adolescents affected by the Chernobyl
disaster. Minsk: The Center for Psychological and Pedagogical Problems of Chernobyl at the
National Institute of Education of the Republic of Belarus, 1993. 112 p. (In Russ.).
17. Thomae, H. Das Individuum und seine Welt. Eine Persönlichkeitstheorie. Gottingen : Verlag für
Psychologie, 1968. 661 p.

Информация об авторе

Леонид Абрамович Пергаменщик, доктор психологических наук, профессор кафедры
социальной и семейной психологии, факультет психологии, Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка (УО «БГПУ имени М. Танка»), Минск,
Беларусь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X>?lang=ru, e-mail: leonpergam@gmail.com

Information about the author

Leonid A. Pergamenshchik, Doctor of Psychology, Professor, Department of Social and Family
Psychology, Faculty of Psychology, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim
Tank, Minsk, Belarus, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6412-346X>?lang=ru, e-mail:
leonpergam@gmail.com

Получена 21.01.2025
Принята в печать 14.03.2025

Received 21.01.2025
Accepted 14.03.2025

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОЗРАСТНОЙ ПСИХОЛОГИИ |
PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SAFETY IN AGE-RELATED PSYCHOLOGY

Квадробинг как угроза психологической безопасности личности несовершеннолетнего

Клейберг Ю.А.

Академия национального образования и науки, Международная ассоциация девиантологов, Тверь, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6757-0102, e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Деулин Д.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6517-5061, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Резюме

В научной работе предпринята попытка осмысления феномена «квадробинга» психолого-педагогическими средствами. Авторы анализируют представленное явление в системе координат угроз психологической безопасности личности несовершеннолетнего. На основе контент-анализа осуществляется изучение отечественных и зарубежных подходов и раскрывается феноменология «психологической безопасности личности-квадробера». Выдвигается идея социального разрушения личности несовершеннолетнего, занимающегося квадратобингом. Соотносятся понятие и содержание психического здоровья и психологических последствий «хождения на четвереньках», сравниваются модели биологического поведения животных и человека.

Ключевые слова: психологическая безопасность, квадратобинг, несовершеннолетние, угрозы психологической безопасности, синдром Маугли, девиантное поведение

Для цитаты: Клейберг Ю.А., Деулин Д.В. Квадробинг как угроза психологической безопасности личности несовершеннолетнего [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 1. С. 16—25. DOI:10.17759/epps.2025020102

Quadrobing as a Threat to the Psychological Safety of a Minor's Personality

Yury A. Kleyberg

Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, Tver,

Клейберг Ю.А., Деулин Д.В.
Квадробинг как угроза психологической
безопасности личности несовершеннолетнего
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 16–25.

Kleyberg Yu.A., Deulin D.V.
Quadrobing as a Threat to the Psychological Safety of a
Minor's Personality
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 16–25.

Russian Federation

ORCID: 0000-0001-6757-0102, e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Dmitry V. Deulin

Moscow State Psychological and Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6517-5061>, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Abstract

The scientific work attempts to understand the phenomenon of "quadrobing" by psychological and pedagogical means. The authors analyze the presented phenomenon in the coordinate system of threats to the psychological security of a minor's personality. Based on the content analysis, the study of domestic and foreign approaches is carried out and the phenomenology of the "psychological security of the individual-quadrobera" is revealed. The idea of social destruction of the personality of a minor engaged in quadrobing is put forward. The concept and content of mental health and the psychological consequences of "walking on all fours" are correlated, models of biological behavior of animals and humans are compared.

Keywords: psychological safety, quadrobing, minors, threats to psychological safety, Mowgli syndrome, deviant behavior

For citation: Kleyberg Yu.A., Deulin D.V. Quadrobing as a Threat to the Psychological Safety of a Minor's Personality. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*. 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 16—25. DOI:10.17759/epps.2025020102

Введение

Современное постиндустриальное общество переживает сложные времена, человек подвергается испытаниям пандемий, экономических кризисов, войн, стихийных бедствий, технологических переходов и др. Перед вызовами современности особенной уязвимостью отличается молодое поколение. Среди многочисленных проблем отмечаются риски ранней цифровизации и возникновение в связи с этим процессом определенных угроз психологической защищенности личности несовершеннолетнего от негативного информационного воздействия. В настоящее время в информационной среде появляются сообщества, пропагандирующие неофициальный вид спорта, суть которого заключается в беге и прыжках на четырех конечностях в масках и костюмах животных. Как правило, возрастной диапазон данной группы оценивают в 7—14 лет, то есть это дети младшего школьного и подросткового возрастов. Но есть и упоминания о единичных случаях вовлечения в занятие так называемым «квадробингом» представителей других возрастных групп. Новое течение представляет интерес с точки зрения психологической науки.

Теоретическое осмысление проблемы квадробинга

Под «квадробикой» или «квадробингом» понимают субкультуру, члены которой интересуются «антропоморфными» животными, приобретают соответствующие декорации и включают в свой репертуар деятельности элементы поведения животных. Важно отметить, что данное увлечение характерно не только для несовершеннолетних граждан России. Имеется достаточно много сведений о том, что в зарубежных странах этот вид экстремальной

деятельности широко тиражируется в поведении молодежи. В некоторых зарубежных исследованиях упоминаются похожие на квадробинг упражнения (quadrupedal movement training, буквально «тренировка четвероногих движений»), которые представляют собой тренировку движений с опорой сразу на четыре конечности и являются новой альтернативной формой упражнений, которая показывает улучшение нескольких характеристик физической подготовки, включая гибкость, качество движений и динамическое равновесие. Изучая интенсивность тренировок и расход энергии, авторы приходят к заключению, что такая «гимнастика» представляет собой приемлемую альтернативную форму физической активности, потенциально способную принести несколько важных преимуществ для здоровья, и дает обоснование для расширения рекомендаций по включению этого стиля физической активности в рекомендованные [14]. Со спортивной точки зрения, quadrupedal movement training обеспечивает существенную стимуляцию мышц верхних и нижних конечностей, а также мышц туловища. В других исследованиях показано, что занятие этим видом спортивной деятельности сопоставимо, а в некоторых случаях и превосходит традиционные упражнения в отношении уровней активации мышц. Таким образом, предполагается, что «квадробика» может быть полезна в программах реабилитации на поздних стадиях, а также для общего укрепления верхних и нижних конечностей и туловища [13]. Но важно отметить, что описываемые в научных статьях эксперименты, ограничиваются «статическими движениями», обследуемые не перемещаются активно на четвереньках, как, скажем, это характерно для собак или кошек. Испытуемые занимают какое-то стабильное положение и не подвергают суставы и мышцы чрезмерной нагрузке. Описываемое явление больше похоже на растяжку перед физическими упражнениями, на «разогрев» мышц. Авторы новой методики называют это концепцией Animal Flow, где сочетается имитация движений животных с элементами из йоги и гимнастики. Например, волны, позы краба, скорпиона, походка зверя. Упражнения развивают силу, мышечную выносливость, гибкость и баланс. В некоторых исследованиях действительно показано, что регулярное занятие подобными физическими упражнениями способствует улучшению самочувствия, связанного со сном, длительным сидением или стоянием, ходьбой, переноской тяжестей, облегчает болезненные симптомы в пояснице и др. [17]. Было бы нелепо опровергать пользу для здоровья от увлечения именно подобными занятиями в спортивных залах.

В целом, по инструкции так называемая «тренировка четвероногих движений» должна включать последовательность упражнений, в которых все четыре конечности контактируют с землей. Эти программы отражают философию «фундаментальных движений» функциональной подготовки, которая заключается в том, что владение человеком несколькими простыми, но важными моделями движений определяет его способность выполнять сложные модели движений [15]. Эффективность подобных упражнений определяется и положительным воздействием их на когнитивную сферу. Так, в одном из исследований программа обучения четвероногой походке дала значительные улучшения как чувства изменения положения суставов, так и когнитивного контроля в течение четырех недель [18].

Вместе с тем, обзор научной литературы все-таки демонстрирует разность в упражнениях, которые осуществляются в подобных спортивных экспериментах — и в условиях уличного, подлинного квадробинга, которым увлекаются несовершеннолетние дети. Вызывает определенную обеспокоенность одна удивительная зарубежная публикация, где сравниваются

«двуногий» и «четвероногий» забеги спортсменов и делается вывод, что, видимо, на будущих олимпиадах самым быстрым человеком на планете может стать «четвероногий» бегун, который использует две руки и две ноги. В подобных публикациях оспаривается вообще продуктивность «прямохождения» и предлагается вернуться к архаичным формам перемещения человека, которые были присущи первым человекообразным обезьянам [16].

Стоит отметить, что из чисто спортивной дисциплины занятие это со временем получило свое развитие в детских развлечениях и стало называться «квадробикой» или «квадробингом».

Теоретический анализ феномена «квадробинг» позволяет с определенной степенью уверенности сказать, что он может являться формой экстремальной деятельности. Существуют различные подходы к осмыслению экстремальной деятельности, но большинство сводятся к тому, что она создает ситуацию угрозы психологическому и физическому здоровью человека. В некоторых работах указывается, что экстремальной может называться деятельность, которая выходит за пределы привычного для человека психофизического напряжения [6]. А квадробика может потенцировать возникновение рисков для жизни и здоровья человека. Давайте попробуем рассмотреть эти тезисы с научной точки зрения, с позиции теоретических подходов.

В настоящее время проблема распространения квадробики обсуждается в русскоязычном сегменте Интернета. Отмечается, что в условиях занятий квадробикой ребенок может перенимать агрессивные формы активности животного и это может приводить не только к физическим травмам его самого и окружающих, но и травмировать еще неокрепшую детскую психику. Происходит «расчеловечивание», акцентирование животных инстинктов, а значит, осложняется социальная адаптация и полноценная социализация, возникают сложности и дискомфорт в общении, освобождение себя от социальных ролей и связанных с ними обязанностей и др. С точки зрения ювенально-девиантологического дискурса, можно сказать, что квадробика как современное течение является детско-подростковой расчеловеченной субкультурой [9]. В целом, девиантное поведение является результатом деформации ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, т. е. системы внутренней регуляции поведения, поэтому девиантное поведение — это специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью (социальной группой) ценностного отношения к ним [12]. В этой связи нельзя исключать девиантный характер «квадробики», поскольку именно здесь возникает вопрос противоречия социальным нормам поведения. Понимание того, что распространение квадробинга обеспечивается информационными средами, наталкивает на мысль, что именно телекоммуникационные сети (Интернет) могут определять рост и усложнение форм девиантного поведения среди несовершеннолетних. Как справедливо отмечает М.В. Мороз, традиционные виды девиаций дополняются новыми, обусловленными стремительным социально-экономическим и технологическим развитием общества [11]. По данным социологических исследований (ВЦИОМ) о квадробинге известно 58% гражданам России. На степень осведомленности влияет возраст респондентов. В группе от 25 до 35 лет показатель осведомленности достигает 87%. Скорее всего, это обстоятельство связано с активным использованием сети Интернет. Также родители несовершеннолетних (73%) имеют представление об этой новой «субкультуре».

Диаграмма 1. Причины распространения квадробинга

Опрошенные ВЦИОМ граждане России считают, что основными причинами распространения квадробинга являются: **внешнее негативное социокультурное воздействие** (35%, из них: соцсетей и интернета — 15%, а также моды — 7%, западной культуры — 6%, СМИ — 2%, социальной среды — 2% и общей подверженности влиянию/подражанию (3%); **плохое воспитание и образование** (32%, из них: в семье — 16%), в школе — 2%, а также дефицит внимания к молодежи — 8%, вседозволенность — 3%, нехватка культуры, бездуховность — 3%); **возрастные особенности** (25%, из них: баловство, игра — 7%, способ выплеснуть энергию — 6%, самовыражение — 5%, желание быть причастным к субкультуре или найти друзей — 4%, инфантильность — 2%, свойственные детям проявления — 1%); **проблемы детского и подросткового досуга** (8%, из них: безделье — 4%, отсутствие организованного досуга — 2%, чрезмерное увлечение гаджетами — 2%) (диаграмма 1) [4].

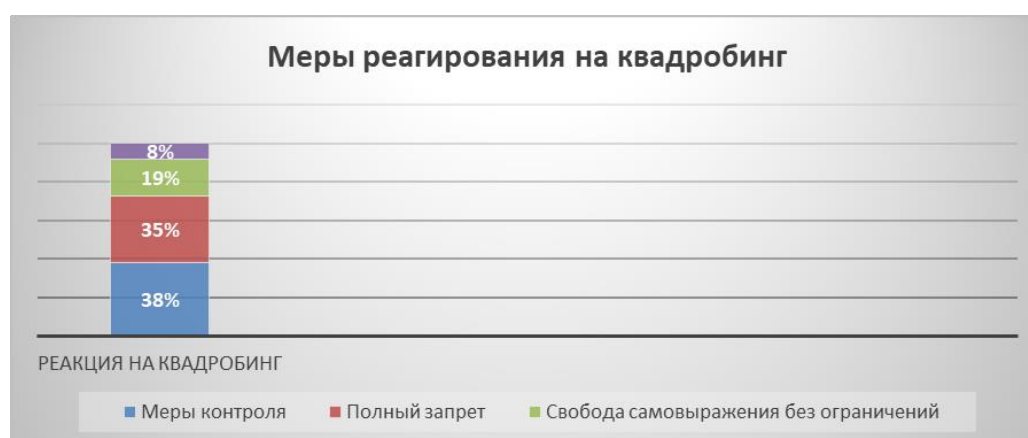

Диаграмма 2. Меры реагирования на квадробинг

По вопросу увлечения несовершеннолетними квадробингом 74% граждан России высказали беспокойство. Среди всех опрошенных 38% выступают за меры контроля, 35% — за полный запрет, 19% выступили против запретов, 8% воздержались от ответа (диаграмма 2).

Таким образом, проведенный социологический опрос показал, что большинство граждан России испытывают опасения в связи с распространением квадробинга и значительная часть граждан предлагает принять меры, направленные на контроль или запрет этого явления. Биологизация поведения несовершеннолетнего, выхолащивание социального содержания могут обуславливать угрозу психологической безопасности личности несовершеннолетнего.

Угрозы психологической безопасности личности несовершеннолетнего «квадробера»

В некоторых источниках психологическая безопасность рассматривается через информационную безопасность [5]. В целом, психологическую безопасность личности определяют, как состояние, обусловленное социальной средой и способствующее психологическому самосохранению. Также она понимается как психологическая защищенность субъекта, его устойчивость, уверенность и др. К значимым факторам, защищающим социальный аспект личности, относятся общепринятые стандартные нормативы, обусловленные культурно-историческими особенностями развития общества: личностный потенциал адаптивных возможностей человека в рамках социально приемлемых нравственных норм, умение понимать и принимать других, быть социально значимым среди других, принятым другими [1]. Соответственно, чрезмерная вульгарно-внушенная биологизация в поведении человека, которая характерна для квадробинга, снижает социальную адаптивность, девальвирует морально-нравственную сферу личности, искажает приемлемые стандарты поведения в обществе.

В некоторых исследованиях показано, что ценностно-смысловая сфера личности подростков имеет огромное значение и определяет социальное поведение человека. Соответственно, возникает задача создания и поддержания такой социальной среды, которая будет способствовать развитию личностного потенциала подростка [2]. Квадробика как практика биологического подражания животным, напротив, вырывает ребенка из социального контекста, препятствует его социализации и, следовательно, образованию высших психических функций в системе социальной инфраструктуры личности.

В теории психологии разработаны концепты потребности в безопасности, потребности в любви и сопричастности, потребности в уважении, познавательные потребности, эстетические потребности, самоактуализация, трансценденции и др. Дети, увлекающиеся квадробикой, отождествляют себя с конкретными животными и используют для этого различного рода декорации. Это позволяет говорить, в том числе, об уходе ребенка от социальной реальности, утрате состояния психологической защищенности. П.А. Кисляков и Е.А. Шмелева в своем исследовании ссылаются на А. Маслоу, который утверждал: отсутствие психологической защищенности человека приводит к тому, что он «воспринимает мир как джунгли, полные угроз, а людей вокруг — опасными и эгоистичными; он чувствует себя отвергнутым и изолированным, встревоженным и враждебно настроенным; склонен к конфликтам, напряженности, закрытости; его беспокоят чувство вины, проблемы с самооценкой; тенденция к невротизму, эгоцентризму» [8] В этой парадигме квадробинг может рассматриваться как закономерное поведение ребенка, утратившего социальную идентичность и подвергающегося угрозам психологической безопасности личности (например, различным формам психологического насилия).

Кроме того, подобное поведение напоминает легкую форму «синдрома Маугли». Это

явление возникает, когда человеческие дети растут в условиях крайней социальной изоляции, которая отмечается дефицитностью социального взаимодействия. Такие дети не испытывают заботы и любви со стороны других людей, у них отсутствует эмпатия. Особенности таких детей могут выражаться в преобладании инстинктивных проявлений, в замкнутости, неумении говорить, либо искажении речи, хождении на четвереньках, отсутствии понятия об этикете, полном отсутствии социализации, устойчивости здоровья, психических отклонениях и др. Изучая «синдром Маугли», П.Н. Ермакова констатирует, что, несмотря на уникальные навыки выживания и умение общаться с животными, такие дети уже не способны адаптироваться к жизни в обществе из-за недостатка социализации и неразвитости коммуникативных и языковых умений. Автор подчеркивает, что подобные примеры подчеркивают важность взаимодействия с человеческим окружением и поддержки в процессе социализации для полноценного развития и адаптации в обществе [7].

В этой связи мы склонны полагать, что ребенок, вовлеченный в занятие квадратобингом, имеет определенную психическую предрасположенность, которая оформляется, когда дети получают недостаточный социальный опыт в дисфункциональных семьях, неполных, в условиях длительной социальной депривации или нахождения с животными. Квадробинг для них становится неким пристанищем, формой эскапизма, бегством от асоциальной реальности. Возможно (не исключается), в семьях, где воспитываются такие дети, содержатся домашние животные. И «общение» с животным становится реально возможной альтернативой общению с другими людьми, замещающим «социальным» аналогом. Отсюда и возникает некая биологическая подражательность, попытка максимально, даже через свой облик (с помощью масок и хвостов), приблизиться к фенотипу животного. Это означает, что, возможно имеет место психолого-педагогическая запущенность, которая может выражаться в несформированности у ребенка свойств субъекта социальной деятельности, общения, самосознания и др.

В контексте психологической безопасности интересным является сравнительное наблюдение за поведением детей и шимпанзе Н.Н. Ладыгиной-Котс. Автор показывает, что отличие заключается именно в анатомическом положении тела. Шимпанзе стоит на четвереньках при наклонном положении оси тела, и в этом положении он может пребывать длительно-устойчиво. Типичное стояние трехлетнего ребенка — вертикальное со сближенными ногами, с опорой на распластанные подошвы ног [10]. Таким образом, уже трехлетний ребенок подготовлен к «прямохождению», тогда как квадратобинг предполагает обратить вспять «эволюцию» этого ребенка, и те завоевания, что давались ему большим трудом, девальвируются странными движениями, имитирующими поведение животных.

Основная угроза личности несовершеннолетнего квадратобера возникает из-за невозможности удовлетворения основных потребностей в личностно-доверительном общении. И.А. Баемой отмечается, что результатом взаимодействия человека с окружающей средой является актуализация психического здоровья. И далее автор уточняет, что в рамках дифференцированного подхода слагаемыми психического здоровья выступают следующие компоненты: соответствие субъективных образов объективной реальности, адекватный возрасту уровень зрелости эмоционально-волевой сферы, познавательной сферы личности, способность к самокоррекции поведения. Но самым главным условием является сведение психического здоровья человека к его социальным взаимосвязям [3]. На наш взгляд очевидно, что продолжительная имитация ребенком поведения животного может приводить к разрыву

социальных контактов, утрате общественной роли и разрушению социальной идентификации.

Выводы

Теоретический анализ проблемы квадробинга показывает потенциальную опасность этого явления для психологической безопасности личности несовершеннолетнего. Проведение эмпирических исследований в этой области затрудняется, во-первых, отсутствием достаточной практики занятий квадробингом среди несовершеннолетних, что позволяло бы утверждать о длительном воздействии явления на субъект. Во-вторых, в настоящее время подобные исследования не представляются возможными, поскольку исключают добровольное согласие родителей детей, которые увлекаются квадробингом из-за наличия различных субъективных представлений и априорной убежденности в безобидности данного явления, сформированной средствами массовой информации.

Список источников / References

1. Агузумцян, Р.В., Мурадян, Е.Б. Психологические аспекты безопасности личности // *Вестник практической психологии образования*. 2009. №2 (19). С. 40—44.
Aguzumtsyan, R.V., Muradyan, E.B. Psychological aspects of personal security. *Bulletin of practical psychology of education*. 2009, no. 2 (19), pp. 40—44. (In Russ.).
2. Баева, И.А., Гаязова, Л.А., Кондакова, И.В., Лактионова, Е.Б. Психологическая безопасность личности и ценности подростков и молодежи // *Психологическая наука и образование*. 2020. Т. 25. № 6. С. 5—18. <https://doi.org/10.17759/pse.2020250601>
Baeva, I.A., Gayazova, L.A., Kondakova, I.V., Laktionova, E.B. Psychological security of the individual and values of adolescents and youth. *Psychological science and education*. 2020. Vol. 25, no. 6, pp. 5—18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2020250601>
3. Баева, И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как ресурс психического здоровья субъектов образования // *Психологическая наука и образование*. 2012. Т. 17. № 4. С. 11—17.
Baeva, I.A. Psychological safety of the educational environment as a resource for the mental health of subjects of education. *Psychological Science and Education*. 2012. Vol. 17, no. 4, pp. 11—17. (In Russ.).
4. ВЦИОМ Новости. Информационный ресурс [Электронный ресурс]. <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvadrobery-kto-eh-to-takie-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 24.02.2025)
VTsIOM News. Information resource [Electronic resource]. Quadrobers: Who are they and do we need to fight them? (In Russ.). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvadrobery-kto-eh-to-takie-i-nuzhno-li-s-nimi-borotsja> (viewed: 24.02.2025)
5. Горбачев, А.Н., Жолнерова, Л.К. Некоторые правовые аспекты обеспечения психологической безопасности детей, нуждающихся в помощи государства [Электронный ресурс] // *Социальные науки и детство*. 2023. Т. 4. № 3. С. 47—58. <https://doi.org/10.17759/ssc.2023040303>
Gorbachev, A.N., Zholnerova, L.K. Some legal aspects of ensuring psychological safety of children in need of state assistance [Electronic resource]. *Social Sciences and Childhood*. 2023. Vol. 4, no. 3, pp. 47—58. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/ssc.2023040303>

6. Гуц, Д.С., Лубочников, П.Г., Нургалеев, В.С. Экстремальная деятельность как предмет психологического анализа // *Сибирский педагогический журнал*. 2010. № 10. С. 259—266.
Guts, D.S., Lubochnikov, P.G., Nurgaleev, V.S. Extreme activity as a subject of psychological analysis. *Siberian pedagogical journal*. 2010, no. 10, pp. 259—266. (In Russ.).
7. Ермакова, П.Н. Социализация детей с синдромом Маугли // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2024. № 1/ С. 24—27. DOI:10.17805/trudy.2024.1.5
Ermakova, P.N. Socialization of children with Mowgli syndrome. *Scientific works of the Moscow Humanitarian University*. 2024, no. 1, pp. 24—27. (In Russ.). DOI:10.17805/trudy.2024.1.5
8. Кисляков, П.А., Шмелева, Е.А. Концептуальные подходы и методы диагностики психологической безопасности за рубежом [Электронный ресурс] // *Современная зарубежная психология*. 2023. Т. 12. № 3. С. 8—18.
<https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120301>
Kislyakov, P.A., Shmeleva, E.A. Conceptual approaches and methods for diagnosing psychological safety abroad [Electronic resource]. *Modern foreign psychology*. 2023. Vol. 12, no. 3. P. 8—18. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120301>
9. Клейберг, Ю.А. Квадроберы: ювенально-девиантологический дискурс // *Вопросы девиантологии*. 2024. № 4 (28). С. 27—34.
Kleyberg, Yu.A. Quadrobers: juvenile-deviantological discourse. *Issues of deviantology*. 2024, no. 4 (28). P. 27—34. (In Russ.).
10. Ладыгина-Котс, Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях [Текст] : со 145 таблицами : в 2 т. / Н.Н. Ладыгина-Котс ; Российская акад. образования, Московский психолого-социальный ин-т. 2-е изд., испр. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2011. Т. 2. 245 с.
Ladygina-Kots, N.N. The chimpanzee child and the human child in their instincts, emotions, games, habits and expressive movements [Text]: with 145 tables: in 2 volumes / N.N. Ladygina-Kots; Russian academician Education, Moscow Psychological and Social Institute. 2nd ed., rev. Moscow: Publishing house of the Moscow Psychological and Social Institute; Voronezh: MODEK, 2011. Vol. 2. 245 p. (In Russ.).
11. Мороз, М.В. Проблемы исследования девиантного поведения несовершеннолетних // *Прикладная юридическая психология*. 2024. № 2 (67). С. 121—128.
Moroz, M.V. Problems of studying deviant behavior of minors. *Applied legal psychology*. 2024, no 2 (67), pp. 121—128 (In Russ.).
12. Психология девиантного поведения: учебник и практикум для вузов / Ю.А. Клейберг. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2016. 290 с.
Psychology of deviant behavior: a textbook and practical training for universities / Yu.A. Kleiberg. 5th ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2016. 290 p. (In Russ.).
13. Buxton, J.D., Daugherty, M., Grubbs, R., Isles, M. Comparison of Muscle Activation During Quadrupedal Movement Training and Traditional Bodyweight Exercises. *Journal of Bodywork and Movement Therapies*. 2024. Vol. 40, pp. 2173—2178.
<https://doi.org/10.1016/j.jbmt.2024.11.002>

Клейберг Ю.А., Деулин Д.В.
Квадробинг как угроза психологической
безопасности личности несовершеннолетнего
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 16–25.

Kleyberg Yu.A., Deulin D.V.
Quadrobing as a Threat to the Psychological Safety of a
Minor's Personality
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 16–25.

14. Buxton, J.D., Sherman, S.A., Sterrett, M.T., et al. A comparison of the energy demands of quadrupedal movement training to walking. *Frontiers in Sports and Active Living*. 2022. Vol. 4. <https://doi.org/10.3389/fspor.2022.992687>
15. Eckart, A.C. Quadrupedal Movement Training: A Brief Review and Practical Guide. *ACSM's Health & Fitness Journal*. 2023. Vol. 27 (4), pp. 19–33. <https://doi.org/10.1249/FIT.0000000000000880>
16. Kinugasa, R., Usami, Y. How Fast Can a Human Run? — Bipedal vs. Quadrupedal Running. *Frontiers in Bioengineering and Biotechnology*. 2016, no. 4. <https://doi.org/10.3389/fbioe.2016.00056>
17. Lenková, R., Pajonková, F., Vasilišínová, V. Effect of postural training on the correction of spinal vertebrogenic disorders in women. *Journal of Physical Education and Sport*. 2023. Vol. 23 (10), pp. 2642—2651. <https://doi.org/10.7752/jpes.2023.10302>
18. Matthews, M.J., Yusuf, M., Doyle, C., Thompson, C. Quadrupedal movement training improves markers of cognition and joint repositioning. *Human Movement Science*. 2016. Vol. 47, pp. 70—80. <https://doi.org/10.1016/j.humov.2016.02.002>

Информация об авторах

Юрий Александрович Клейберг, академик РАН, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, президент-ректор Академии национального образования и науки, президент Международной ассоциации девиантологов, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, ORCID: 0000-0001-6757-0102, e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Дмитрий Владимирович Деулин, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета экстремальной психологии, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-6517-5061, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Information about the authors

Yury A. Kleyberg, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogical Sciences, President-Rector of the Academy of National Education and Science, President of the International Association of Deviants, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in the field of education, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-6757-0102, e-mail: yury.kleyberg@yandex.ru

Dmitry V. Deulin, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-6517-5061, e-mail: ddeulin@yandex.ru

Получена 12.11.2024
Принята в печать 14.03.2025

Received 12.11.2024
Accepted 14.03.2025

К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО

Гнездилов Г.В.

Государственный университет просвещения (ГУП), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5204-9080>, e-mail: gnezdilov@mail.ru

Киселев В.В.

Российский государственный социальный университет (РГСУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4033-2685>, e-mail: quisellov@mail.ru

Резюме

В статье раскрывается история развития представлений о посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР) у военнослужащих: с древнейших времен, когда первые случаи психогенных потерь были описаны в «Истории» Геродота, до Специальной военной операции (СВО) на территории Украины, в ходе которой классический «снарядный шок», известный еще со времен Первой мировой войны, дополнился дронабоязнью и ее психологическими последствиями. **Цель данной статьи** — выявить возможности совершенствования организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО.

Дизайн исследования. На основе анализа реальных случаев ПТСР у военнослужащих, описанных в средствах массовой информации в открытом доступе, осуществить выявление психологических сложностей в решении боевых задач, а также проблем подготовки военнослужащих к условиям СВО и оказания им психореабилитационной помощи в соответствующих учреждениях.

Результаты. В ходе исследования мы пришли к следующим результатам:

1. При подготовке командного состава ВС РФ необходимо максимально насытить программы обучения знаниями, умениями и навыками психологического характера.
2. В рамках психологической подготовки воинов необходимо учитывать особенности возникновения «снарядного шока» и дронабоязни.
3. При реализации психореабилитационных мероприятий необходимо учитывать специфику психотравмирующего опыта бойцов СВО.

Вывод: использование разработанных авторами предложений в организации учебных мероприятий и оказании помощи участникам СВО будет способствовать снижению психогенных потерь в боевой деятельности и повышению боеспособности ВС РФ.

Ключевые слова: воины, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР),

Гнездилов Г.В., Киселев В.В.

К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 26–39.

Gnezdilov G.V., Kiselev V.V.

On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the SMO
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 26–39.

«снарядный шок», психореабилитация, Специальная военная операция (СВО), дронобоязнь, психогенные потери

Для цитаты: *Гнездилов Г.В., Киселев В.В.* К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 1. С. 26—39. DOI:10.17759/epps.20250200103

On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the SMO

Gennady V. Gnezdilov

State University of Education (SUE), Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5204-9080>, e-mail: ggnездиллов@mail.ru

Vadim V. Kiselev

Russian State Social University (RSSU), Moscow, Russia

e-mail: quisellov@mail.ru

Abstract

The history of the development of ideas about post-traumatic stress disorder (PTSD) in military personnel: from ancient times, when the first cases of psychogenic losses were described in Herodotus's "History", to the Special Military Operation (SMO) in Ukraine, during which the classic "shell shock", known since the First World War, was supplemented by dronophobia and its psychological consequences, is revealed in the article.

The purpose of this article is to discover the possibilities of improving the organization of PTSD prevention and psychorehabilitation measures in the work of a psychologist with SMO participants.

Research design. Based on the analysis of real cases of PTSD of military personnel described in the media in the public domain, to identify psychological difficulties in solving combat missions, as well as problems of preparing military personnel for the conditions of the SMO and providing them with psychorehabilitation assistance in the relevant institutions.

Results. During the study, we came to the following results:

1. When training the command staff of the RF Armed Forces, it is necessary to saturate the training programs with knowledge, skills and abilities of a psychological nature as much as possible.
2. As part of the psychological training of soldiers, it is necessary to take into account the peculiarities of the occurrence of "shell shock" and dronophobia.
3. When implementing psychorehabilitation measures, it is necessary to take into account the specifics of the psycho-traumatic experience of the fighters of the SMO.

Conclusion: the use of the proposals developed by the authors in organizing training events

and providing assistance to participants of the SMO will help to reduce psychogenic losses in combat operations and increase the combat readiness of the RF Armed Forces.

Keywords: warriors, post-traumatic stress disorder (PTSD), “shell shock”, psychorehabilitation, Special Military Operation (SMO), dronophobia, psychogenic losses

For citation: Gnezdilov G.V., Kiselev V.V. On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the SMO. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 26–39. DOI:10.17759/epps.2025020103 (In Russ.).

Введение

Несмотря на присутствующую с древних времен в культурах многих народов героизацию воинов, отдающих долг отчизне (у римлян, к примеру, слово *bellum* означало одновременно «война» и «красивое»), ведение боевых действий сопряжено с рядом психотравмирующих факторов, пережить которые без последствий дано далеко не каждому (страх собственной гибели; неприглядный вид умерщвленных и раненных противников, однополчан и случайных жертв из числа мирных граждан с обеих сторон; разрушения гражданской инфраструктуры).

Вероятно, одни из самых первых упоминаний психогенных боевых травм мы можем найти в «Истории» Геродота, который рассказывает о странной, не связанной с физическими ранами слепоте, поразившей Эпизелуса, сына Купфагора, сражавшегося на стороне афинян в битве при Марафоне, при виде сильного и опасного противника [12, с. 416]. Однако зарождение научного и практического интереса к психологическому обеспечению выполнения боевых задач пришлось на годы Первой мировой войны, которую в западной историографии принято называть Великой.

Именно в годы Первой мировой войны появились новые негативные психологические реакции у военнослужащих: танкобоязнь, самолетобоязнь и «снарядный шок», имеющий преимущественно психогенный характер¹ [11]. Идентифицированы специфические характерные признаки проявления этих страхов: скукоживание частей тела, втягивание головы в плечи, подъем вверх плеч и плечевых частей рук, их тремор, дрожание и других частей тела или всего корпуса, наклоны корпуса, быстрый бег согнувшись, приседания, стремление быстрее спрятаться в укрытие, залечь на землю (за бугорок), повышенная потливость, суетливость, сильное покраснение или побледнение лица [13; 14].

Возникновение подобных реакций связано с совершенствованием средств ведения войны и необходимостью находиться под артобстрелами и бомбежками на протяжении долгого времени, что постепенно приводит к адаптации и рутинизации жизни в таких условиях, но поначалу может «вывести из строя» психику бойца.² Тем не менее «снарядный шок» рассматривался военным командованием как проявление трусости у солдат, а не состояние крайнего стресса. Так, в 1917 году в Англии, через два года после введения в научный обиход,

¹ *Первая психическая. Ракурс* (2014, Июнь 02). Kommersant.ru: Журнал «Огонёк». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2480619> (дата обращения: 17.12.2024)

² *What World War I taught us about PTSD*. [б. г.]. Conversation. (2018, November 8). URL: <https://theconversation.com/what-world-war-i-taught-us-about-ptsd-105613> (viewed: 17.12.2024)

понятие «снарядный шок» было запрещено использовать в военно-медицинской документации.^{3 4} Куда более жестоко к психотравмированным инвалидам Первой мировой войны относились в гитлеровской Германии, где они исключались из солдатского сообщества, лишались боевых почестей, а позже даже подвергались физическому уничтожению [7, с. 14].

Тем не менее во время Второй мировой войны количество психогенных потерь оставалось весьма значительным, даже несмотря на наличие у военнослужащих предыдущего боевого опыта, и к признакам ПТСР стали причислять сверхбдительность, депрессивные и параноидальные переживания, психогенную амнезию, а в качестве терапии психиатры в США стали предлагать употребление алкоголя, барбитуратов и отдыха в глубоком тылу⁵.

Опыт противодействия «снарядному шоку» был выработан еще во время наполеоновских войн, что находит отражение в известных исторических случаях и в произведениях искусства, хотя стоит признать, что в этот период точность попадания снарядов и пуль в противника была крайне низкой, а потому шансы выжить были намного выше. Важную роль в ведении боевых действий играла скорость зарядки солдатами пушек и винтовок в целях увеличения количества выстрелов по врагу, что повышало вероятность попадания в цель. Весьма известным примером является сюжет картины «Генерал Бонапарт на Аркольском мосту», изображающей реальную ситуацию боя, когда Наполеон единолично повел за собой французскую армию в атаку на мост при Арколе под шквальным огнем австрийцев в ноябре 1796 года. Аналогичные примеры неоднократно встречались в битве при Бородино и со стороны русской армии [2], что нашло отражение в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» [9]. Так, в сражении под Бородино князь Болконский вел свой полк в атаку на французов под шквальным артиллерийским огнем. При этом он не уклонялся от снарядов врага, показывая своим подчиненным психологическую устойчивость, мужество и героизм. И несмотря на то, что сам он был тяжело ранен в этом бою (а в последующем и потерял жизнь), его подчиненные брали пример со своего командира при выполнении боевых задач и не поддались «снарядному шоку», оставались в боевом строю до конца сражения.

При штурме редутов и необходимости прорыва построений противника в шеренги такая тактика была весьма оправданной, но уже в годы Первой мировой войны стала почти убийственной, что привело к снижению динамики штурмовых действий и переходу к затяжной окопной войне, минимизирующей риски гибели от артобстрелов. Еще менее она применима в современных условиях войны, когда важную роль играет маскировка и незаметность, знание основ передвижения по местности, создание ложных целей, отказ от «кучкования» в группы, незаметные заходы противнику во фланг — в противном случае риск гибели серьезно увеличивается.

К числу психотравмирующих факторов следует отнести не только страх гибели от снарядов, но и само созерцание трупов павших. Подобный случай описывал в своих воспоминаниях об австро-венгерском плене в годы Первой мировой войны сотрудник

³ *World War I. History of PTSD*. [б. г.]. WordPress.com. URL: <https://historyofptsd.wordpress.com/world-war-i/> (viewed: 17.12.2024).

⁴ Alexander, C. *The Shock of War. World War I troops were the first to be diagnosed with shell shock, an injury — by any name — still wreaking havoc*. (2010, September). Smithsonian magazine. World War I: 100 Years Later. URL: <https://www.smithsonianmag.com/history/the-shock-of-war-55376701/> (viewed: 17.12.2024).

⁵ *World War II. History of PTSD*. [б. г.]. WordPress.com. URL: <https://historyofptsd.wordpress.com/world-war-ii/> (дата обращения: 17.12.2024).

Коминтерна Л.В. Кацов, рассказывая о пребывании в лагере «Шлахт фельдерей абтейлунг» под Перемышлем, в котором военнопленных хорошо кормили, поили кофе и ромом, но в их задачу входило разрытие братских могил на поле сражения и отдельное перезахоронение австрийцев от русских, венгров и чехов, что автор рассматривал как признак австрийского национализма [5, с. 126—129]. В результате выполнения такой работы русские военнопленные страдали от кошмаров, им снились покойники и артиллерийский огонь, мерещились призраки, многие сходили с ума, а надежда австрийцев на минимизацию стресса благодаря алкоголю и обильной пище вместо привычного для лагерей жидкого супа не оправдалась.

Еще большее значение данный психотравмирующий фактор приобрел в условиях Специальной военной операции (СВО) на территории Украины, особенно при поражении противоборствующими сторонами складов с боеприпасами, когда возле них собираются представители разных частей и соединений с целью загрузки боеприпасов. Контроль и учет собравшихся на складах военнослужащих (а соответственно, и погибших в ходе ударов по складам) при таких поражениях крайне затруднителен, а после завершения пожаров на складах и разрывов снарядов требуется идентификация погибших военнослужащих для осуществления последующих действий с телами и останками. Бойцам, принимавшим участие в таких мероприятиях, требуется особенно серьезная психологическая помощь. Но направить туда психологов для работы с ними не представляется возможным, в том числе по причине опасности повторных ударов по этим складам, действий диверсионно-разведывательных групп (ДРГ) по пути следования транспорта к месту назначения, необходимости выделения средств боевого охранения и отрыва дополнительных, нередко дефицитных сил для его осуществления.

В годы Великой Отечественной войны негативные психологические реакции проявились у наших воинов в значительной степени, так как технический прогресс позволил, по сравнению с Первой мировой, существенно увеличить скорости движения, размеры технических средств, их боевую и огневую мощь, придать им устрашающий вид. Это потребовало планирования, организации и проведения специальных мероприятий (занятий) по психологической подготовке военнослужащих для целенаправленного преодоления возникающих от этих угроз страхов и обеспечения активного противодействия противнику в бою, который применял эти боевые средства и создавал опасность жизни и здоровью наших бойцов.

В ходе Первой чеченской войны под новый 1995 год в бою на вокзале в Грозном психологический шок испытали наши воины под воздействием минометного и гранатометного обстрела со стороны боевиков. Когда огонь прекратился и появилась возможность организованно отступить, некоторые психотравмированные в бою воины сели на снег вместо осуществления активных тактических действий [1; 6].

В ходе СВО зафиксировано новое негативное психологическое явление, наблюдающееся в процессе различных этапов боевых действий, — дронобоязнь. Использование дронов позволило сделать ведение боевых действий менее контактным и более обезличенным, увеличив при этом эффективность артиллерийских обстрелов и бомбометания в десятки, а то и в сотни раз, что изменило тактику подавления огневых точек противника⁶. При этом

⁶ Эксперт: объективный контроль БПЛА кратно повысил эффективность работы артиллерии в СВО. [б. г.]. ТАСС. Эксклюзив. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/20901137?ysclid=m4sc4pjwe1638108451> (дата обращения: 17.12.2024).

стоимость производства дронов относительно невелика и их можно выпускать массово, в отличие от дорогостоящей авиации. Встреча бойца с дроном становится серьезным испытанием: здесь сказывается фактор неожиданности (внезапности по времени и направлению применения), необходимости быстрого принятия решения (дефицит времени в бою), наличия навыков уничтожения быстро меняющейся в воздухе траекторию цели и способности увернуться от удара дроном или сброшенной с него гранаты, а также любого другого боевого заряда.

Имеются героические примеры противоборства с дронами наших военных. Так, рядовой Рустам Худайнуров отбивался от атаки трех боевых дронов в Марьинке, пригороде Донецка, в 2022 г.⁷ Когда прилетел первый дрон, Рустам и его боевые товарищи открыли по нему огонь. Первая граната от этого дрона досталась именно Рустаму, бронешлем спас живот от поражения, но при этом пострадали нога, рука и голова бойца. Первые 10 минут он не мог двигаться. За это время прилетел второй дрон и кружил над ним. Когда воин зашевелился, коптер сбросил на него вторую гранату. Зная, что в его распоряжении есть 1–2 секунды, Рустам решил откинуть эту гранату от себя. Но, пролетая над его ногами, она взорвалась и поразила ноги в нескольких местах. Пустой вражеский дрон улетел, поэтому воин попытался ползти в сторону своего подразделения, но от потери крови вновь потерял сознание. Он пришел в сознание от того, что над головой завис третий боевой дрон. Вражеский оператор увидел, что наш боец вновь пришел в сознание, и сбросил на него третью гранату. Враг превратил охоту на Рустама в своего рода развлечение: дроны бомбили его, улетали и прилетали вновь. При этом дронавод снимал все происходящее на видео, а затем выложил снятое в Интернет, видимо, полагая, что унижит тем самым российского воина. На деле, не сознавая этого, он придал всеобщей огласке историю настоящего подвига Рустама Худайнурова, не побоявшегося «летающей смерти» в тот момент, когда у него уже почти не осталось никаких физических сил, но не было и страха, ужаса, паники — наоборот, была полная мобилизация последних психофизических ресурсов и четко функционировала мыслительная деятельность. Российский воин продемонстрировал скрытые ресурсы человека: в ситуации борьбы за свою жизнь и стремлении выполнить боевую задачу, бывший донецкий шахтер оказался способен на то, на что в мирной жизни, как ему казалось, способен не был.

Серьезные изменения в тактике боевых действий из-за использования дронов вызвали необходимость создания нового, никогда ранее не существовавшего рода войск — войск беспилотных систем, решение о создании которых в нашей стране было официально объявлено 16 декабря 2024 года министром обороны РФ А.Р. Белоусовым.⁸ В соответствии с этим решением требуется существенное совершенствование тактики противодействия вражеским беспилотникам со стороны наших военнослужащих, что обязательно должно сопровождаться серьезным овладением приемами психологической самопомощи и организацией такой помощи военнослужащим со стороны психологического актива. Даже

⁷ Специальная военная операция. (2022, Ноябрь 26). «Попрощался с жизнью»: Рустам Худайнуров — о схватке с украинским дроном [Видео]. НТВ. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2735225/?ysclid=m5o0ihonc276284616> (дата обращения: 08.01.2025).

⁸ Владимир Путин поручил создать войска беспилотных систем. [б. г.]. METRO: Россия. URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/vladimir-putin-poruchil-sozdat-vojska-bespilotnyh-sistem-16-12-2024> (дата обращения: 08.01.2025)

использование охотничьих ружей в борьбе с летающими беспилотниками, помимо их наличия в войсках, требует специальной психологической подготовки.

Профилактика ПТСР у участников СВО: особенности содержания и организации

Психологическая помощь военнослужащим от дронобоязни должна начинаться заблаговременно, задолго до встречи бойцов с коптерами. Для этого необходимо проводить специальные занятия, воздействующие на сознательную сферу психики воинов:

1) формирующие знания: изучение различных типов этих дронов, их характерных визуальных признаков, размеров, внешнего вида, особенностей звука, издаваемого при движении. Эти знания необходимы для развития навыков точной идентификации типов дронов (как этому учат в системе ПВО по отношению ко всем летающим аппаратам), определения их предназначения (разведывательный или ударный) и отработка тактики противодействия им. Если это боевой дрон, например, «Баба-Яга», значит его задача — убивать наших военнослужащих уже сейчас; если это разведывательный дрон, то он быстро сможет передать разведывательную информацию на командный пункт противника, и вскоре надо будет ждать ударов большой мощности от артиллерии, ракетных установок или боевых дронов;

2) формирующие практические навыки по уничтожению дронов: каждый воин должен быть обучен тому, как он может противодействовать любому из имеющихся типов вражеских дронов, как уничтожить их и остаться при этом живым самому, как уклоняться от них, как применять охотничьи ружья, показавшие большую эффективность на поле боя, нежели специальные китайские антидроновые ружья, способные заглушить любой радиосигнал, но только в нескольких метрах от самого бойца, а в случае их отсутствия — личное вооружение, средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и т. д.

Кроме целенаправленного воздействия на сознательную сферу психики бойцов в ходе специальных занятий, проводимых с ними, наши военнослужащие должны владеть способами оказания психологической помощи самим себе (самопомощи), а также своим боевым товарищам или подчиненным посредством приемов влияния на бессознательную сферу психики. Особую ценность такие психологические знания, равно как умения и навыки действий, имеют для командного состава — начиная с командиров взводов и рот, которые должны понимать психологические механизмы мотивации бойцов для решения боевых задач, а также поддержания боевого духа и дисциплины во вверенных им подразделениях в любых, даже самых экстремальных ситуациях.

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости поиска новых приемов, средств и способов психологической подготовки личного состава ВС РФ к боевой обстановке в условиях быстро изменившейся тактики боевых действий с применением беспилотных летательных и других средств (дронов), дистанционного минирования, огнеметания на большие расстояния, объемных взрывов (газо-воздушной смеси), применения противостоящими сторонами средств радиоэлектронной борьбы (РЭБ), невозможности оперативного внесения функционально-должностных тактических изменений в боевые уставы в процессе самой войны, отсутствия психологов в сетях боевого управления и предусмотренного для них официального рабочего места на командных пунктах и в других

органах управления, что никогда не регламентировалось боевыми уставами. В этой связи выглядит обоснованным:

1) целенаправленное формирование психологического актива из числа командиров всех уровней руководства, младшего командного состава и рядового состава — по аналогии с партийным и комсомольским активом в годы Великой Отечественной войны;

2) перестройка системы подготовки и обучение всех категорий психологического актива:

а) офицеров — в вузах: безусловно требуется увеличение учебных часов на освоение навыков организации и проведения с подчиненными военнослужащими конкретных мероприятий психологической подготовки к боевой деятельности для формирования у них психологической готовности, устойчивости и надежности профессиональных действий в условиях влияния на них негативных психологических факторов современного боя, в том числе и с использованием новых технических средств борьбы, а также увеличение времени обучения в системе командирской и военно-политической подготовки офицеров в частях (в зимнем и летнем периодах обучения войск — по специально разработанным и спланированным программам);

б) прапорщиков (мичманов) — во время обучения в военных вузах на спецфакультетах по отдельным программам, а также в системе военно-политической подготовки прапорщиков (мичманов) в воинских частях (также по специальным программам подготовки в войсках);

в) сержантов — в «учебках» и также по отдельным программам в системе военно-политической подготовки и во время занятий по боевой подготовке в части;

г) психологических активистов из числа рядового состава — в системе военно-политической подготовки рядового состава в воинской части (а до этого в средних школах — в процессе специальной военной подготовки), а также во время воинской службы: перед заступлением в караул и на боевое дежурство, во внутренний и гарнизонный наряды и в ходе выполнения всех этих видов служебных задач (не забывать об этом и во время проверки эффективности выполнения этих видов деятельности со стороны ответственных должностных лиц). На занятиях по боевой подготовке рекомендуется планировать специальные мероприятия по отработке приемов и способов самопомощи и оказания психологической помощи нуждающимся в ней боевым товарищам.

Освоение знаний, умений и навыков оказания в динамике боевой деятельности психологической помощи себе, подчиненным и коллегам должно осуществляться при непосредственном методическом сопровождении военными психологами [4]. Целенаправленная организация такой деятельности призвана обеспечить прирост уровня профессиональной и психологической готовности всех категорий военнослужащих к эффективному выполнению любых задач в быстро меняющихся условиях современной боевой деятельности. Результативность этой работы должна оцениваться отдельно по специально разработанным критериям и показателям в каждом периоде обучения (летнем и зимнем) в ходе боевой подготовки войск, а во время боевых действий — поэтапно в процессе выполнения боевых задач.

Перспективы организации психореабилитационной работы с участниками СВО

Не менее плановой (целенаправленной) организации требует и проведение психологической реабилитационной работы с бывшими участниками боевых действий.

Известно, что даже сегодня, как и во времена Первой мировой войны, вызывает много споров вопрос признания бывших участников сражений лицами с посттравматическим стрессовым расстройством. И это несмотря на то, что в наше время уже накоплено достаточно много психодиагностических средств, необходимых для уверенного определения именно таких категорий военнослужащих. Известно, что такую диагностическую работу осложняет, кроме всего прочего, также и негативное отношение к ней самих ветеранов боевых действий.

Так, военный психолог — участница боевых действий в Чечне майор Светлана Лазарева, воевавшая в той кампании в должности психолога мотострелковой бригады, дала весьма интересное интервью в марте 2024 года, в котором поделилась своими размышлениями о проблемах психологического сопровождения боевых действий наших войск в СВО, и особое внимание уделила анализу трудностей работы психологов с бывшими участниками этой войны, которых принято называть лицами с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР). Как опытный психолог, имеющий реальный боевой опыт и навыки работы с посттравматиками, она с горестью отмечает, что «сегодня вокруг участников СВО возник психологический бум из-за того, что медицинские центры навязчиво предлагают свои услуги по реадaptации их к мирной жизни, а Министерство здравоохранения РФ призвало подведомственные учреждения оказывать участникам спецоперации психологическую помощь».⁹ К сожалению, многие из них стремятся получить госзаказ на данный вид специфической деятельности, естественно, с сопутствующим коммерческим интересом, и не важно, есть ли у них подготовленные кадры для качественной реализации этой деятельности.

Как показывает практика взаимодействия авторов этой статьи с некоторыми из таких организаций, очень большой интерес к развертыванию данного направления работы проявляли уже в 2022—2023 гг. именно те из них, которые своих подготовленных кадров для реализации этой деятельности не имели. А когда под этот вид труда им не удалось получить госзаказ и выделения желанных государственных денежных средств, они, как ни странно, тут же потеряли к нему всякий интерес, несмотря на подготовленную для них специальную комплексную программу психореабилитационной работы с посттравматиками, включающую в себя разделы индивидуальной, групповой и семейной помощи — по всем направлениям взаимодействия с ними: социальная, социально-психологическая и индивидуально-личностная работа. Такая работа предполагает отдельные программные блоки для специальной подготовки психологов, врачей, младшего медицинского персонала и социальных работников к оказанию эффективной психореабилитационной помощи участникам СВО.

В наше время намного качественнее, чем это было в афганскую, чеченскую и другие военные кампании, организовано социальное и медицинское обеспечение бывших бойцов при возвращении их в места постоянного жительства из зоны боевых действий. Однако и сейчас встречаются вопиющие случаи с бывшими участниками СВО. Так, Никита Носов, вернувшийся в Уссурийск без руки, был встречен на малой родине бандитами, которые потребовали «делиться» с ними заработанными в боях деньгами. Когда он пришел в отделение полиции с заявлением об этом, то на его глазах заявление было порвано, и бывший воин

⁹ *Откровения военно-полевого психолога о войне: Кто сможет там выжить, и как это сделать* (2024, Март 10). Dzen: Царьград. URL: <https://dzen.ru/a/Ze3MEuoVMDonBPxU?ysclid=m4txu0qxcz140793140> (дата обращения: 08.01.2025).

получил угрозу, что полиция его защищать перед бандитами не будет, раз он мешает им своими заявлениями. Бывшего бойца СВО, получившего тяжелое ранение, довели на родине до попытки самоубийства.¹⁰

По причине использования командных методов организации психореабилитационной работы в медицинских учреждениях всех ветеранов СВО направляют к психологу, который, реализуя свою профессиональную психодиагностическую функцию, первым делом предлагает им пройти тестирование. Как считает С. Лазарева, это все равно что визит в поликлинику начинать с проктолога: пациенту при этом неудобно и неприятно, ему надо раздеться и «позволить в себя залезть», с той лишь разницей, что психолог пытается «залезть в душу».¹¹ Например, попытка нашего знакомого психолога (бывшего военнослужащего Тульской десантной дивизии, принимавшего участие в миротворческой миссии в Казахстане в 2020—2021 гг.) провести психодиагностическое исследование среди вернувшихся в Тулу участников СВО потерпела фиаско, так как они отказались тестироваться. Такой же отказ получили и психологи этой дивизии, не ездившие в зону СВО. Бывшие участники боевых действий готовы были написать письменные рапорты об отказе пройти у них тестирование. Это характерное проявление посттравматизма у военнослужащих с ПТСР, которое должны учитывать психологи и искать особый контакт для эффективной реализации своей работы с посттравматиками. Тем более нельзя забывать, что методы психологической помощи, используемые в гражданской психологической работе и в медицине, не подходят людям, побывавшим на войне. Для них требуются более активные методы работы с включением психофизических компонентов психореабилитационной деятельности: психофизическая тренировка, психофизический тренинг, цигун с отдельными элементами боевых искусств, медитационные техники и др.

Исключительно эффективно сочетал технологию боевой армейской системы (БАРС) с саморегуляционными техниками для достижения психореабилитационного эффекта в работе с бывшими участниками боевых действий известный психолог А.Ю. Федотов. В прошлом он принимал активное участие в войне в Афганистане в войсках спецназа ГРУ и успешно выполнял там специальные задания (удостоен серьезных правительственных наград). Особое внимание в этих практиках уделяется реализации бихевиоральных стратегий предотвращения рецидивов неуспешности в преодолении посттравматических реакций психики. Как известно, эти психологические стратегии принято подразделять на следующие категории: предвидение трудных ситуаций, регулирование мыслей и чувств, выявление нужных дополнительных навыков, выстраивание благоприятных последствий [10].

Проблема рецидива существует в работе психологов всех направлений деятельности по оказанию психологической помощи. В рамках гуманистической концепции оказания психологической помощи участникам боевых действий работа психолога с «миром клиента» требует соблюдения ряда условий, способствующих процессу позитивных изменений.

¹⁰ *Боец СВО Никита Носов, у которого отобрали все деньги, скоро выйдет из больницы.* (2024, Октябрь 10). Vladivostok1.ru:Криминал. URL: <https://vladivostok1.ru/text/criminal/2024/10/10/74193158/?ysclid=m5o22aaauj431019974> (дата обращения: 08.01.2025).

¹¹ *Откровения военно-полевого психолога о войне: Кто сможет там выжить, и как это сделать.* (2024, Март 10). Dzen: Царьград. URL: <https://dzen.ru/a/Ze3MEuoVMDonBPxU?ysclid=m4txu0qxcz140793140> (дата обращения: 08.01.2025).

Необходимо: сохранять позитивное отношение к выражаемым клиентом чувствам, даже если они идут вразрез с установками психолога; проявлять эмпатию, стремление видеть мир глазами клиента; отказаться от маски «профессионала»; воздерживаться от интерпретации сообщений клиента и от подсказки решения его проблем, выполнять функции зеркала, отражающего мысли и чувства клиента, и формулировать их по-новому.

Психолог в работе с посттравматиками должен также заботиться об установлении доверия к себе с самого начала — с момента первого контакта. Мы имели возможность видеть по телевидению выражение лиц бывших участников боевых действий в зоне СВО, проходивших медицинскую реабилитацию в специальном ортопедическом центре во время посещения его государственными лицами 3 декабря 2024 г.¹² Полное доверие ко всем обещаниям на их лицах трудно было обнаружить, используя техники визуального наблюдения, — скорее, они выражали повышенную настороженность. Не было в их лицах и намека на подобострастие. И это естественно для них. Легко представить, что ждет психолога в самом начале его работы с бывшими бойцами.

Опыт работы с бывшими участниками войны в Афганистане в реабилитационном центре в городе Анапа в январе 1990 г. демонстрирует острую необходимость формирования полного доверия к психологам со стороны участников боевых действий. Тогда это блестяще удалось известному военному психологу — участнику войны в Афганистане С.В. Захару во время представления реабилитантам (бывшим «афганцам») центра вместе с группой психологов, приехавших вместе с ним для работы по оказанию психореабилитационной помощи. После представления у бывших «афганцев» возникло полное доверие не только к С.В. Захару, но и ко всей группе психологов — его коллег, которые опыта участия в боевых действиях в Афганистане не имели [3]. Это обеспечило успех всей последующей совместной психореабилитационной деятельности посттравматиков с психологами.

Выводы и заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. При подготовке командного состава ВС РФ (начиная с командиров взводов и рот) необходимо максимально насытить программы обучения знаниями, умениями и навыками психологического характера, которые требуются для мотивации к решению боевых задач их подчиненными в условиях реальных боевых действий, когда риск жизни и здоровью видится существенным, а также для построения эффективных коммуникаций с ними и оказания первичной психологической помощи в отсутствие возможности эвакуации психотравмированных в глубокий тыл для работы с гражданским психологом.

2. В рамках психологической подготовки воинов к боевым действиям в современных условиях необходимо учитывать особенности возникновения «снарядного шока» и дробиобязни, чтобы минимизировать психогенные потери на фронте, поскольку современные боевые действия и их исход во многом определяются действиями артиллерии и дронеров. В этих целях следует моделировать максимальное количество опасных ситуаций реального боя в ходе подготовки в «учебке», в противном случае неподготовленная психика бойцов может быть поражена нестандартными для нее случаями столкновения с врагом.

¹² Путин прибыл в центр, где проходят реабилитацию бойцы СВО. (2024, Декабрь 3). ИА Регнум. URL: <https://regnum.ru/news/3933170> (дата обращения: 18.12.2024)

3. При реализации психореабилитационных мероприятий необходимо учитывать специфику психотравмирующего опыта бойцов СВО. Многие из них могут быть озлоблены, дезориентированы, дезадаптированы и даже подвергнуты психологическому воздействию экстремистских антигосударственных идеологий (яркий пример — вербовка бывших фронтовиков Первой мировой войны нацистами в свои боевые отряды, представлявшие реальную угрозу конституционному строю германской Веймарской республики) [8]. Услуги психологической реабилитации должны оказываться участникам СВО комплексно, с привлечением лиц из числа психологов, имеющих релевантный боевой опыт и способных организовывать соответствующую работу с участием гражданских психологов.

Таким образом, использование всех указанных выше предложений в практической работе психолога с участниками СВО в рамках организации учебных мероприятий и оказания помощи в специализированных реабилитационных центрах будет способствовать снижению психогенных потерь в боевой деятельности и повышению боеспособности ВС РФ.

Список источников / References

1. Алексеев, Д.Е., Анцупов, А.Я., Баранов, Е.Г. и др. Военная психология: учебное пособие. Минск: Харвест, 2023. 816 с.
Alekseev, D.E., Antsupov, A.Ya., Baranov, E.G., et al. *Military Psychology: A Textbook*. Minsk: Harvest, 2023. 816 p. (In Russ.).
2. Всемирная история в 24 томах. Т. 16. Европа под влиянием Франции / Е.Ф. Конев, А.А. Островцов, Н.М. Волчек и др. – Минск: Литература, 1997. 560 с.
World History in 24 Volumes. Vol. 16. Europe under the Influence of France / E.F. Konev, A.A. Ostrovtsov, N.M. Volchek, et al. Minsk: Literatura, 1997. 560 p. (In Russ.).
3. Гнездилов, Г.В., Киселев, В.В., Гнездилова, М.Г. Особенности психореабилитационной работы с участниками боевых действий с посттравматическим стрессовым расстройством (ПТСР) // Человеческий капитал. 2023. № 11-2 (179). С. 78–89. <https://doi.org/10.25629/HC.2023.11.37>
Gnezdilov, G.V., Kiselev, V.V., Gnezdilova, M.G. Features of psychorehabilitation work with combat veterans with post-traumatic stress disorder (PTSD). *Human capital*. 2023, no. 11-2 (179), pp. 78–89. <https://doi.org/10.25629/HC.2023.11.37> (In Russ.).
4. Гнездилов, Г.В., Крук, В.М., Ионкин, В.Б., Кулик, Д.Ю. Психологическая готовность и надежность личности военнослужащего в контексте профессионального психологического отбора как средства профессиональной и психологической подготовки кадров // Человеческий капитал. 2024. № 6 (186). С. 59–79.
Gnezdilov, G.V., Kruk, V.M., Ionkin, V.B., Kulik, D.Yu. Psychological readiness and reliability of a military serviceman in the context of professional psychological selection as a means of professional and psychological training of personnel. *Human capital*. 2024, no. 6 (186), pp. 59–79. (In Russ.).
5. Кацов, Л.В. Сквозь плен: [воспоминания] / Леонид Кацов; предисл. К. Радека. – [2-е изд.]. – М.: Моск. т-во писателей, 1934. 201 с.

- Katsov, L.V. *Through Captivity: [memories]* / Leonid Katsov; foreword by K. Radek]. [2nd ed.]. Moscow: Moscow Association of Writers, 1934. 201 p. (In Russ.).
6. Крук, В.М., Абдурахманов, Р.А., Анцупов, А.Я. и др. *Военная психология: методология, теория и практика: учебное пособие. Часть 1.* М.: Военный университет, 1998. 192 с.
Kruk, V.M., Abdurahmanov, R.A., Ancupov, A.Ya. *Military psychology: methodology, theory and practice: a textbook. Chapter 1.* Moscow: Military university, 1998. 192 p. (In Russ.).
7. Леффельбайн, Н. О героизме и страданиях инвалидов. Инвалиды Первой мировой войны в Веймарской республике и при национал-социализме / Пер. с нем. И.А. Канакина и Е.А. Либерт [Электронный ресурс] // *Идеи и идеалы.* 2015. № 1 (23). Т. 1. С. 7—19. URL: <https://www.sibran.ru/upload/iblock/335/335a8e3cf6114a531ae093628d4ec5ab.pdf> (дата обращения: 17.12.2024).
Leffelbain N. On the heroism and suffering of the disabled. Disabled people of the First World War in the Weimar Republic and under National Socialism. Translated from German by I.A. Kanakin and E.A. Libert [Electronic resource]. *Ideas and ideals.* 2015, no. 1 (23), Vol. 1, pp. 7—19. (In Russ.). URL: <https://www.sibran.ru/upload/iblock/335/335a8e3cf6114a531ae093628d4ec5ab.pdf> (viewed: 17.12.2024).
8. Петров, В.Е., Кокурин, А.В., Екимова, В.И., Котенева, А.В., Березина, Т.Н. Оценка толерантности военнослужащих к экстремистской идеологии // *Психология и право.* 2019. Т. 9. № 2. С. 69—83. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090205>
Petrov, V.E., Kokurin, A.V., Ekimova, V.I., Koteneva, A.V., Berezina, T.N. Assessing the tolerance of military personnel to extremist ideology. *Psychology and Law.* 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 69—83. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090205> (In Russ.).
9. Толстой, Л.Н. *Война и мир (в 2-х томах).* М.: Эксмо, 2024. 1408 с.
Tolstoy, L.N. *War and Peace (in 2 volumes).* Moscow: Eksmo, 2024. 1408 p. (In Russ.).
10. Федотов, А.Ю. Некоторые особенности начальных этапов развития способности к произвольной психической саморегуляции у специалистов силовых структур // *Человеческий капитал.* 2018. № 12 (120). С. 95—108. <https://doi.org/10.25629/10.25629/HC.2018.12.11>
Fedotov, A.Yu. Some features of the initial stages of development of the ability for voluntary mental self-regulation of specialists of law enforcement agencies. *Human capital.* 2018, no. 12 (120), pp. 95—108. (In Russ.). <https://doi.org/10.25629/10.25629/HC.2018.12.11>
11. Bogacz, T. War Neurosis and Cultural Change in England, 1914-22: The Work of the War Office Committee of Enquiry into 'Shell-Shock'. *Journal of Contemporary History.* 1989, no. 24 (2), pp. 227—256. <https://doi.org/10.1177/002200948902400203>
12. Herodotus. *The Histories.* Translated by George Rawlinson [Electronic resource]. Roman Roads Media, LLC. 2013. 629 p. URL: <https://files.romanroadsstatic.com/materials/herodotus.pdf> (viewed: 17.12.2024).

Гнездилов Г.В., Киселев В.В.

К вопросу о совершенствовании организации профилактики ПТСР и психореабилитационных мероприятий в работе психолога с участниками СВО
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 26–39.

Gnezdilov G.V., Kiselev V.V.

On the Issue of Improving the Organization of PTSD Prevention and Psychorehabilitation Measures in the Work of a Psychologist with Participants of the SMO
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 26–39.

13. Iribarren, J., Prolo, P., Neagos, N., Chiappelli, F. Post-Traumatic Stress Disorder: Evidence-Based Research for the Third Millennium. *Evidence-based Complementary and Alternative Medicine*. 2006, no. 2 (4), pp. 503—512. <https://doi.org/10.1093/ecam/neh127>
14. Williams, M.B., Poijula, S. The PTSD Workbook: Simple, Effective Techniques for Overcoming Traumatic Stress Symptoms. *Third Edition, Revised. New Harbinger Publications*. 2016. 384 p.

Информация об авторах

Геннадий Валентинович Гнездилов, кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, Государственный университет просвещения (ГУП), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5204-9080>, e-mail: gnezdilov@mail.ru

Вадим Васильевич Киселев, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры национальной безопасности, противодействия экстремизму и терроризму, Российский государственный социальный университет (РГСУ), Москва, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4033-2685>, e-mail: quisellov@mail.ru

Information about the authors

Gennady V. Gnezdilov, PhD in Psychology, Professor, Professor of the Department of Labor Psychology and Counselling Psychology, State University of Education (SUE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5204-9080>, e-mail: gnezdilov@mail.ru

Vadim V. Kiselev, PhD in Psychology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of National Security, Counteraction to Extremism and Terrorism, Russian State Social University (RSSU), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-4033-2685>, e-mail: quisellov@mail.ru

Получена 17.01.2025

Принята в печать 14.03.2025

Received 17.01.2025

Accepted 14.03.2025

Формирование экипажей многоместных самолетов военной авиации на основе учета индивидуально- психологических характеристик, обеспечивающих психологическую совместимость их членов

Сечко А.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Лопатинская А.С.

Психологическая служба города Москвы, Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9572-6335>, e-mail: alis_fox.ru@mail.ru

Резюме

Работа направлена на изучение индивидуально-психологических характеристик, обеспечивающих психологическую совместимость членов экипажей многоместных самолетов военной авиации. Изучение авиационных происшествий и предпосылок к ним говорит о наличии причин, связанных с неправильным взаимодействием членов экипажей, что, в свою очередь, было вызвано отсутствием учета индивидуально-психологических особенностей летного состава, обеспечивающих их психологическую совместимость. В исследовании приняли участие 52 авиатора в возрасте от 23 до 47 лет ($M = 31,31 \pm 6,5$). Для решения экспериментальных задач исследования и сбора эмпирической информации использовались следующие **методики**: модульный социотест А.Я. Анцупова, многофакторный личностный опросник (16PF) Р. Кеттелла, личностный опросник (EPI) Г. Айзенка, мотивационный профиль Ш. Ричи — П. Мартина, методика У. Томаса — Р. Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации. Использовались **методы математической статистики**: корреляционный, регрессионный, кластерный анализ, непараметрический U-критерий Манна-Уитни. **Результаты** исследования показали, что наилучшую совместимость в экипажах многоместных самолетов обеспечивают лица с умеренной степенью экспрессивности, гибкостью и высоким уровнем самоконтроля, низким уровнем нейротизма и напряженности, высоким уровнем мотивации к социальным контактам и взаимоотношениям. Схожесть мотивации к деятельности влияет на уровень совместимости в парах. Мотивация к достижениям и разнообразию в деятельности негативно влияет на совместимость летчиков. **Вывод**: при формировании экипажей необходимо учитывать ценностные ориентации и мотивы профессиональной деятельности.

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

Ключевые слова: индивидуально-психологические характеристики, летный состав, экипажи многоместных самолетов, психологическая совместимость

Для цитаты: *Сечко А.В., Лопатинская А.С.* Формирование экипажей многоместных самолетов военной авиации на основе учета индивидуально-психологических характеристик, обеспечивающих психологическую совместимость их членов [Электронный ресурс] // *Экстремальная психология и безопасность личности.* 2025. Т. 2. № 1. С. 40–59. DOI:10.17759/epps.2025020104

Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on the Basis of Taking into Account Individual Psychological Characteristics that Ensure the Psychological Compatibility of their Members

Alexander V. Sechko

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Alisa S. Lopatinskaya

Psychological Service of the City of Moscow, Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9572-6335>, e-mail: alis_fox.ru@mail.ru

Abstract

The work is aimed at studying the individual psychological characteristics that ensure the psychological compatibility of crew members of multi-seat military aircraft. The study of aviation accidents and their prerequisites suggests that there are reasons related to the improper interaction of crew members, which in turn was caused by not taking into account the individual psychological characteristics of the flight crew, ensuring their psychological compatibility. The study involved 52 aviators aged 23 to 47 years ($M = 31.31 \pm 6.5$). The following methods were used to solve experimental research problems and collect empirical information: Modular sociotest by A.J. Antsupov; Multifactorial personality questionnaire (16PF) by R. Kettell; Personality Questionnaire (EPI) by G. Eysenck; Motivational profile by S. Richie — P. Martin; W. Thomas — R. Kilmann's methodology for identifying leading behavior in a conflict situation. The methods of mathematical statistics were used: correlation, regression, cluster analysis, nonparametric Mann—Whitney U test. The results of the study showed that the best compatibility in the crews of multi-seat aircraft is provided by people with a moderate degree of expressivity, flexibility and a high level of self-control, low levels of neuroticism and tension, and a high level of motivation for social contacts and relationships. The similarity of motivation to work affects the level of

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

compatibility in couples. Motivation to achieve and diversity in activities negatively affects the compatibility of pilots. Conclusion: when forming crews, it is necessary to take into account the value orientations and motives of professional activity.

Keywords: individual psychological characteristics, flight personnel, crews of multi-seat aircraft, psychological compatibility

For citation: Sechko A.E., Lopatinskaya A.S. Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on the Basis of Taking into Account Individual Psychological Characteristics that Ensure the Psychological Compatibility of their Members. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40—59. DOI:10.17759/epps.2025020104 (In Russ.).

Введение

Проблема обеспечения совместимости членов группы является недостаточно разработанной. В связи с этим формирование летных экипажей зачастую происходит без учета индивидуально-психологических характеристик летчиков. Это приводит к разнообразным негативным последствиям, к которым можно отнести неблагоприятный климат в коллективе, наличие конфликтов, снижение результативности деятельности и ошибки в пилотировании, которые в совокупности приводят к катастрофам и гибели людей.

Общественная практика в области организации деятельности различных коллективов говорит о необходимости учета ряда психологических феноменов при организации совместной деятельности в различных профессиональных сообществах. Конечным результатом подобной организации является высокая удовлетворенность своим трудом, эффективность деятельности, высокое качество производства, отсутствие несчастных случаев, аварий и катастроф.

Одним из таких феноменов является совместимость членов коллектива. Несмотря на давнюю историю изучения вопроса, в том числе и в авиационной психологии, нельзя утверждать, что в ней расставлены все точки над “i”.

Как правило, комплектование многоместных экипажей происходит на основе уровня профессиональной подготовленности, должностного статуса, оценки динамики профессионального становления членов экипажей. Индивидуально-психологические особенности, как правило, игнорируются по причине недостаточной изученности их влияния на психологическую совместимость в экипажах военной авиации, что иногда приводит к самым печальным событиям.

Одним из таких примеров является катастрофа ТУ-154 под Смоленском, произошедшая 10 апреля 2010 года. Противоречия в обязанностях и осуществляемых ролях членов экипажа в сложной погодной обстановке, дополнительная психологическая нагрузка, оказываемая высокопоставленными лицами в кабине самолета (командующий ВВС Польши и директор дипломатического протокола польского МИД), привели к гибели 96 человек, практически всего руководства страны, в том числе президента Польши [12]. Взаимодействие в экипаже было организовано с грубыми методическими ошибками ввиду недостаточной смелости командира и доминирования штурмана, ориентировавшего экипаж на показания своего радиовысотомера, что послужило причиной чрезмерного снижения под складки местности

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

(овраг) и столкновения с деревьями.

В связи со сказанным можно предположить, что формирование летных экипажей с учетом совместимости снизит вероятность аварийных ситуаций, в том числе катастроф, улучшит эффективность деятельности, повысит удовлетворенность неформальными отношениями и результатами совместной работы.

Совместимость как феномен был выявлен при изучении малых групп, где некоторые индивидуально-психологические характеристики членов группы были связаны с эффективностью деятельности, психологическим климатом и межличностным общением [1; 5]. Следовательно, изучение совместимости членов малой группы необходимо начать с рассмотрения малой группы как социально-психологического феномена.

Малые группы являются сложной системой, включающей в себя ряд характеристик, закономерностей групповой динамики и взаимодействия, и представляют собой совокупность двух и более людей, связанных общими принципами, ценностями, целями, общением в контексте определенной деятельности.

В отечественной психологии исследование психологической совместимости началось с решения важной задачи формирования экипажей космических аппаратов. Подбор членов экипажа не только по физическим, но и по психологическим характеристикам был обоснован необходимостью длительного пребывания ограниченного круга людей в замкнутом пространстве. Ф.Д. Горбов и М.А. Новиков впервые попытались описать совместимость, включив в это понятие взаимную симпатию, взаимовнушаемость, сходство интересов и потребностей, отсутствие эгоцентризма и сходство психофизиологических характеристик [3].

В настоящее время выделяют следующие подходы в изучении совместимости: структурный, функциональный и адаптивный.

Структурный подход исходит из понимания, что быстрота межличностной адаптации и качество совместной деятельности группы людей обусловлено сочетанием индивидуальных характеристик ее членов. В зависимости от содержания деятельности основой для совместимости могут быть схожие или, наоборот, противоположные психологические характеристики. Например, для работы на конвейере или при выполнении параллельных задач операторами требуется схожесть темпераментов, а в изолированных условиях деятельности говорят о разнообразии, что позволяет расширить потенциал коллектива.

Функциональный подход рассматривает психологическую совместимость на основе анализа целей деятельности и ролевого распределения на основе наличных индивидуальных способностей, уровня профессиональной подготовки и индивидуальных предпочтений. В рамках данного подхода обосновывается формирование групп на основе анализа функций, целей и задач деятельности.

Адаптивный подход рассматривает не индивидуальные характеристики членов группы, а результат взаимодействия коллектива. Взаимное позитивное отношение, уважение и межличностное общение свидетельствуют о высокой совместимости и, как следствие, сплоченности группы. В соответствии с адаптивным подходом, благодаря улучшению коммуникативных и адаптивных навыков, изменению ценностных ориентаций и установок, можно повысить психологическую совместимость [6].

М. Шоу описал два вида межличностной совместимости: потребностную и поведенческую. Сходство или сочетание потребностей и их взаимное удовлетворение обеспечивают

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

совместимость в группе. Поведенческая совместимость основана на предположении, что индивидуально-психологические характеристики индивидов формируют определенные модели поведения, обеспечивающие их совместимость [6].

О.Н. Позднякова выделяет несколько видов совместимости:

- физическая (совместимость, основанная на физических параметрах человека: вес, сила, выносливость);
- психофизиологическая (основу данной совместимости предполагают схожие или, наоборот, отличные друг от друга тип мышления, внимание, анализаторные системы);
- психологическая (так, в межличностном общении различные темперамент и характер сочетаются лучше схожих, но в трудовой деятельности, которая подразумевает наиболее успешное выполнение работы людьми с определенным характером и темпераментом, необходима схожесть данных параметров);
- социальная (качества, связанные с взаимодействием: коммуникабельность, предпочтения; так в группе выделяют несколько ролей: лидеры, индивидуалисты, конформисты, коллективисты);
- социально-идеологическая (совместимость идей, взглядов и ценностей является наиболее важной совместимостью в контексте профессиональной деятельности; так, выполняя определенные задачи, члены группы, имеющие схожие взгляды на процесс выполнения и конечный результат, будут более совместимы, чем входящие в нее люди с разными ценностными ориентациями и взглядами);
- профессионально-квалификационная [11].

Б.Л. Яковлев указывает на возможность изучения совместимости как многомерного феномена. Можно выделить четыре плана совместимости:

- совместимость, основанная на сработанности благодаря многолетней работе в команде;
- операционально-ролевая совместимость, основанная на слаженном взаимодействии в определенных ситуациях благодаря пониманию действий друг друга и гармоничному распределению ролей;
- совместимость личностных черт в группе;
- совместимость в деловом общении, заключающаяся в удовлетворенности коммуникацией и умении сглаживать конфликты [18].

Проведенный анализ позволяет определить совместимость как сложный социально-психологический феномен, основанный на схожести или различии определенных индивидуально-психологических характеристик людей, связанных общими интересами, убеждениями, межличностными отношениями, на распределении ролей, учитывающих уровень профессиональных компетенций, а также на развитых навыках бесконфликтного общения.

Исследованием проблемы индивидуальности в отечественной психологии занимались многие авторы. Рассмотрим некоторые концепции подробнее.

По Б.Г. Ананьеву, индивидуальность характеризуется как целостное единство особенностей определенного человека и включает в себя: свойства индивида (пол, возраст, темперамент, психофизиологические данные), свойства личности (характер, способности, мотивация, ценности, мировоззрение) и свойства субъекта деятельности (когнитивные

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

навыки, коммуникативные свойства, способности). Таким образом, можно говорить об индивидуальности как о неповторимом сочетании характеристик человека в целом [1].

К.К. Платонов придерживался структурного подхода к изучению личности и выделял следующие подструктуры:

- направленность личности, включающая в себя убеждения, мировоззрение, идеалы, стремления, интересы и желания;
- опыт: привычки, умения, навыки, знания. В процессе обучения данные свойства закрепляются, что позволяет отнести их к свойствам личности;
- индивидуальные особенности психических процессов: память, эмоции, ощущение, мышление, восприятие, чувства, воля;
- биопсихические свойства: темперамент, половые и возрастные свойства [10].

Описывая структуру личности, С.Л. Рубинштейн выделил три уровня: направленность (потребности, интересы, мотивы и идеалы); уровень знаний, умений и навыков; уровень индивидуально-типологических особенностей (темперамент, характер и способности) [8].

И.В. Сыромятников, обобщая подходы Б.Г. Ананьева, В.С. Мерлина и К.К. Платонова, выделил уровни индивидуальности личности:

Уровень организма:

- физическая индивидуальность (рост, вес, сила, давление и другие);
- биохимическая индивидуальность (особенности протекания биохимических процессов);
- соматическая индивидуальность (работа отдельных органов).

Уровень индивида:

- первичные свойства: возрастно-половые и индивидуально-типические (конституция, нейродинамика, функциональная асимметрия);
- вторичные свойства: темперамент и задатки.

Личностный уровень:

- характер;
- способности;
- социальный опыт (знания, умения, навыки);
- потребности и мотивы [17].

Таким образом, индивидуально-психологические характеристики человека выражаются во всем многообразии свойств личности, доминирующих психических состояний, уровня развития психических процессов, а также психических образований, связанных воедино.

Теоретико-методологический анализ роли индивидуально-психологических характеристик в совместности многоместных экипажей военной авиации России позволил спланировать и провести экспериментальное исследование с целью уточнения особенностей проявления феномена в конкретном профессиональном сообществе.

Организация исследования

С учетом факта недостаточной разработанности проблемы обеспечения совместности летных экипажей, что нередко приводит к разнообразным негативным последствиям, была определена **цель** исследования — выявление индивидуально-психологических характеристик,

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
 Формирование экипажей многоместных самолетов
 военной авиации на основе учета индивидуально-
 психологических характеристик, обеспечивающих
 психологическую совместимость их членов
 Экстремальная психология и безопасность личности.
 2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
 Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
 the Basis of Taking into Account Individual
 Psychological Characteristics that Ensure the
 Psychological Compatibility of their Members
 Extreme Psychology and Personal Safety.
 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

обеспечивающих совместимость членов экипажей военной авиации.

Анализ теоретического материала по проблеме позволил сформулировать **гипотезу**, в качестве которой выступили предположения о наличии связи между уровнем совместимости и индивидуально-психологическими характеристиками членов экипажей военной авиации:

- высокий уровень развития у летного состава экспрессивности, гибкости, самоконтроля и экстравертированности положительно влияют на уровень совместимости членов экипажа;
- использование летным составом таких стратегий поведения в конфликте, как сотрудничество и компромисс, положительно влияют на совместимость членов экипажа;
- схожая направленность мотивации к деятельности обеспечивает высокий уровень совместимости.

В исследовании применялись следующие **методики**: модульный социотест А.Я. Анцупова; многофакторный личностный опросник (16PF) Р. Кеттелла; личностный опросник (EPI) Г. Айзенка; мотивационный профиль Ш. Ричи — П. Мартина; Методика У. Томаса — Р. Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации. Использовались **методы математической статистики**: корреляционный, регрессионный, кластерный анализ, непараметрический U-критерий Манна-Уитни.

Выборка: 52 члена многоместных экипажей военной авиации в возрасте 23—47 лет ($M = 31,31 \pm 6,5$) по специальности «летчик», «штурман», «бортовой инженер».

Исследование построено в виде констатирующего эксперимента, предполагающего выявление уровня совместимости членов экипажей и ее взаимосвязи с такими индивидуально-психологическими характеристиками, как темперамент, характер, и мотивационной основой.

Статистический анализ результатов исследования осуществлен с использованием возможностей описательной статистики, сравнительного анализа, а также посредством использования U-критерия Манна-Уитни, коэффициента корреляции Спирмена, множественного регрессионного анализа и кластерного анализа. В качестве методов описательной статистики выступают методы расчета среднего значения, стандартного отклонения, а также методы графического представления результатов исследования.

Статистический анализ полученных данных выполнен в Microsoft Excel 2016 и IBM SPSS Statistics 22.

Результаты

Для выявления коэффициента совместимости испытуемого с группой использовался модульный социотест Анцупова.

Таблица 1

Средние показатели межличностных оценок летчиков общей выборки (модульный социотест А.Я. Анцупова)

	М	σ
Мое отношение	6,73	1,18
Отношение ко мне	6,57	1,09

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
 Формирование экипажей многоместных самолетов
 военной авиации на основе учета индивидуально-
 психологических характеристик, обеспечивающих
 психологическую совместимость их членов
 Экстремальная психология и безопасность личности.
 2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
 Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
 the Basis of Taking into Account Individual
 Psychological Characteristics that Ensure the
 Psychological Compatibility of their Members
 Extreme Psychology and Personal Safety.
 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

Нравственные качества	7,24	1,09
Качество деятельности	6,86	1,79
Коэффициент совместимости	6,85	1,20

На основе полученных данных был рассчитан коэффициент совместимости каждого испытуемого с группой методом вычисления среднего арифметического четырех показателей с дальнейшим разделением испытуемых на две группы по уровню совместимости (высокая-низкая). Первая группа состоит из 26 членов экипажей в возрасте от 23 до 45 лет ($M = 29,5 \pm 5,44$). Вторая группа состоит из 26 членов экипажей в возрасте от 25 до 47 лет ($M = 33,11 \pm 0,19$).

Таблица 2

Средние показатели межличностных оценок летчиков в экспериментальных группах (модульный социотест А.Я. Анцупова)

	1-я группа (низкий уровень совместимости)		2-я группа (высокий уровень совместимости)		U-критерий Манна-Уитни	p
	M	σ	M	σ		
Мое отношение	5,71	0,67	7,75	0,49	0	0,000
Отношение ко мне	5,63	0,60	7,52	0,48	0	0,000
Нравственные качества	6,35	0,56	8,15	0,66	0	0,000
Качество деятельности	5,30	0,92	8,43	0,81	5	0,000
Коэффициент совместимости	5,75	0,68	7,96	0,61	0	0,000

Результаты испытуемых по многофакторному личностному опроснику (16PF) Кеттелла представлены в табл. 3.

Таблица 3

Средние показатели индивидуально-психологических особенностей личности летчиков (методика 16PF Кеттелла)

	1-я группа (низкий уровень совместимости)		2-я группа (высокий уровень совместимости)		U-критерий Манна-Уитни	p
	M	σ	M	σ		
Экспрессивность	4,38	1,50	6,27	1,59	139	0,000
Гибкость	5,54	1,30	7,58	1,30	94	0,000
Самоконтроль	7,92	1,09	9,12	1,24	166	0,001
Напряженность	2,88	0,65	1,77	0,76	107	0,000

Результаты испытуемых по личностному опроснику Айзенка представлены в табл. 4.

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
 Формирование экипажей многоместных самолетов
 военной авиации на основе учета индивидуально-
 психологических характеристик, обеспечивающих
 психологическую совместимость их членов
 Экстремальная психология и безопасность личности.
 2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
 Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
 the Basis of Taking into Account Individual
 Psychological Characteristics that Ensure the
 Psychological Compatibility of their Members
 Extreme Psychology and Personal Safety.
 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

Таблица 4

**Средние показатели индивидуально-психологических особенностей личности летчиков
 (личный опросник Айзенка)**

	1-я группа (низкий уровень совместимости)		2-я группа (высокий уровень совместимости)		U-критерий Манна- Уитни	p
	M	σ	M	σ		
Экстраверсия	11,88	1,37	13,12	1,40	175	0,002
Нейротизм	9,54	1,24	8,31	0,84	151	0,000

Результаты диагностики членов летных экипажей по мотивационному профилю Ричи-Мартина представлены в табл. 5.

Таблица 5

**Средние показатели факторов мотивации летчиков к работе (мотивационный профиль
 Ричи-Мартина)**

	1-я группа (низкий уровень совместимости)		2-я группа (высокий уровень совместимости)		U- критерий Манна- Уитни	p
	M	σ	M	σ		
Социальные контакты	10,73	1,40	13,23	1,63	93	0,000
Взаимоотношения	10,85	1,54	13,35	1,77	103	0,000
Стремление к достижениям	20,54	2,16	19,12	1,53	195	0,008

Результаты испытуемых по методике Томаса-Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации представлены в табл. 6.

Таблица 6

**Средние показатели стратегий поведения летчиков в конфликтной ситуации (методика
 Томаса-Килманна)**

	1-я группа (низкий уровень совместимости)		2-я группа (высокий уровень совместимости)		U- критерий Манна- Уитни	p
	M	σ	M	σ		
Соперничество	6,62	0,98	5,35	0,80	119	0,000
Компромисс	6,46	1,45	7,65	1,20	180	0,003

Члены летных экипажей с низким уровнем совместимости чаще выбирают стратегию соперничества ($6,62 \pm 0,98$), в то время как испытуемые с высоким уровнем совместимости предпочитают компромисс ($7,65 \pm 1,20$). Выбор стратегии соперничества является неблагоприятным в условиях совместной работы в замкнутом пространстве на протяжении длительного времени, что ведет к увеличению числа конфликтов.

Индивидуально-психологические характеристики в обеих группах схожи, но есть небольшие различия по некоторым шкалам. У испытуемых с высоким уровнем совместимости показатели по шкалам «Экспрессивность» ($6,27 \pm 1,59$), «Гибкость» ($7,58 \pm 1,30$) и «Самоконтроль» ($9,12 \pm 1,24$) выше, чем у испытуемых с низким уровнем совместимости. В

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
 Формирование экипажей многоместных самолетов
 военной авиации на основе учета индивидуально-
 психологических характеристик, обеспечивающих
 психологическую совместимость их членов
 Экстремальная психология и безопасность личности.
 2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
 Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
 the Basis of Taking into Account Individual
 Psychological Characteristics that Ensure the
 Psychological Compatibility of their Members
 Extreme Psychology and Personal Safety.
 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

свою очередь, испытуемые с низким уровнем совместимости отличаются более высоким уровнем напряженности ($2,88 \pm 0,65$), что может говорить о повышенной раздражительности, которая ухудшает способность испытуемых устанавливать значимые социальные связи.

Значимые результаты корреляционного анализа по Спирмену между совместимостью и индивидуально-психологическими характеристиками членов летных экипажей представлены в табл. 8.

Таблица 8

Значимые коэффициенты корреляции (по Спирмену) между совместимостью и индивидуально-психологическими характеристиками членов летных экипажей

	Шкалы	Совместимость	
		r	P<
Методика	Экспрессивность	0,645**	$P \leq 0,01$
	Гибкость	0,695**	$P \leq 0,01$
	Самоконтроль	0,482**	$P \leq 0,01$
	Напряженность	-0,544**	$P \leq 0,01$
	Нейротизм	-0,528**	$P \leq 0,01$
	Социальные контакты	0,521**	$P \leq 0,01$
	Взаимоотношения	0,547**	$P \leq 0,01$

Для проверки гипотезы об обеспечении высокого уровня совместимости благодаря схожей направленности мотивации к деятельности были проведены дополнительные статистические расчеты.

На основе результатов модульного социотеста А.Я. Анцупова были подсчитаны оценки отношений в диадах, осуществлявших совместную деятельность, путем суммирования обоюдных оценок по шкалам «Мое отношение» и «Отношение ко мне». Для изучения были взяты по 50 крайних показателей диадной совместимости.

Таблица 9

Средние показатели межличностных оценок летчиков (модульный социотест А.Я. Анцупова)

	1-я группа (низкий уровень совместимости)		2-я группа (высокий уровень совместимости)		U-критерий Манна-Уитни	p
	М	σ	М	σ		
Диадная совместимость	15,86	1,82	34,88	1,13	0	0,000

Результаты, представленные в табл. 9, говорят о том, что уровень совместимости пар в первой группе ($15,86 \pm 1,82$), значительно ниже уровня совместимости пар во второй ($34,88 \pm 1,13$).

Для выявления схожести и различия показателей по методикам у совместимых и несовместимых пар было использовано Евклидово расстояние кластерного анализа.

Таблица 10

Средние показатели Евклидова расстояния (личный опросник Айзенка)

	1-я группа (низкий уровень диадной совместимости)		2-я группа (высокий уровень диадной совместимости)		U-критерий Манна-Уитни	p
	М	σ	М	σ		
Личностный опросник Айзенка	3,491	2,38	4,054	2,74	1107	0,323

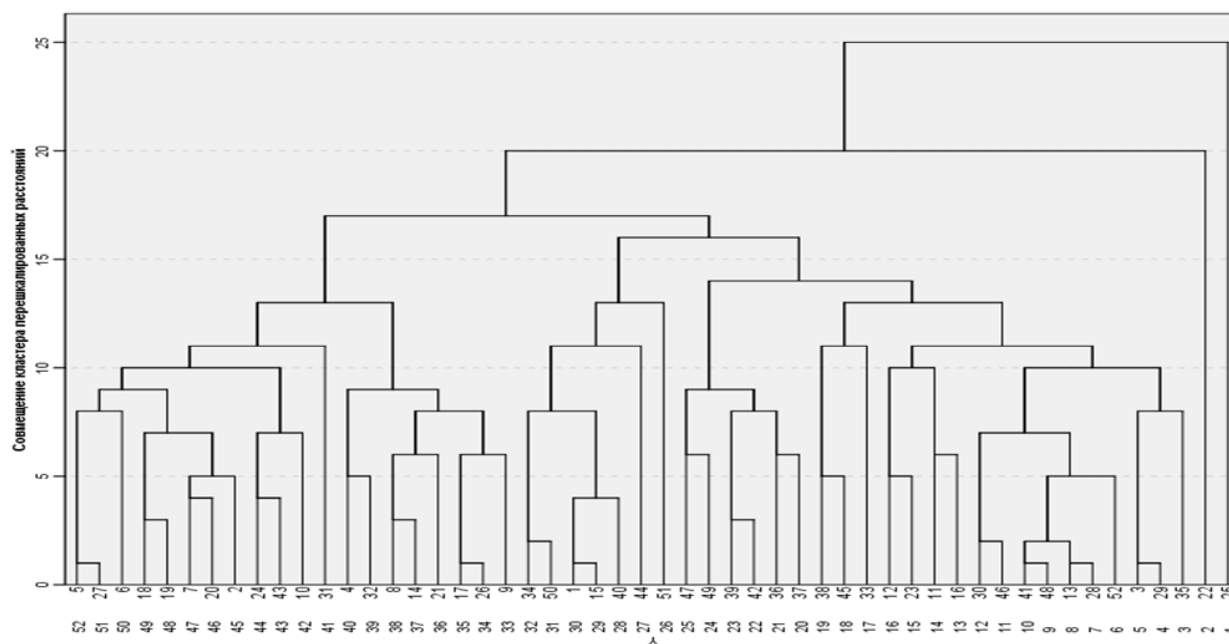

Рис. 1. Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей (методика 16PF Кеттелла)

Результаты испытуемых по многофакторному личностному опроснику (16PF) Кеттелла в группах с низким и высоким уровнем диадной совместимости находятся почти на одном расстоянии. Это показывает, что схожесть черт характера, измеряемых методикой Кеттелла, не влияет на уровень совместимости в парах. Отсутствие различий между группами подтверждено путем проверки статистической достоверности различий применением непараметрического U-критерия Манна-Уитни.

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
 Формирование экипажей многоместных самолетов
 военной авиации на основе учета индивидуально-
 психологических характеристик, обеспечивающих
 психологическую совместимость их членов
 Экстремальная психология и безопасность личности.
 2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
 Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
 the Basis of Taking into Account Individual
 Psychological Characteristics that Ensure the
 Psychological Compatibility of their Members
 Extreme Psychology and Personal Safety.
 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

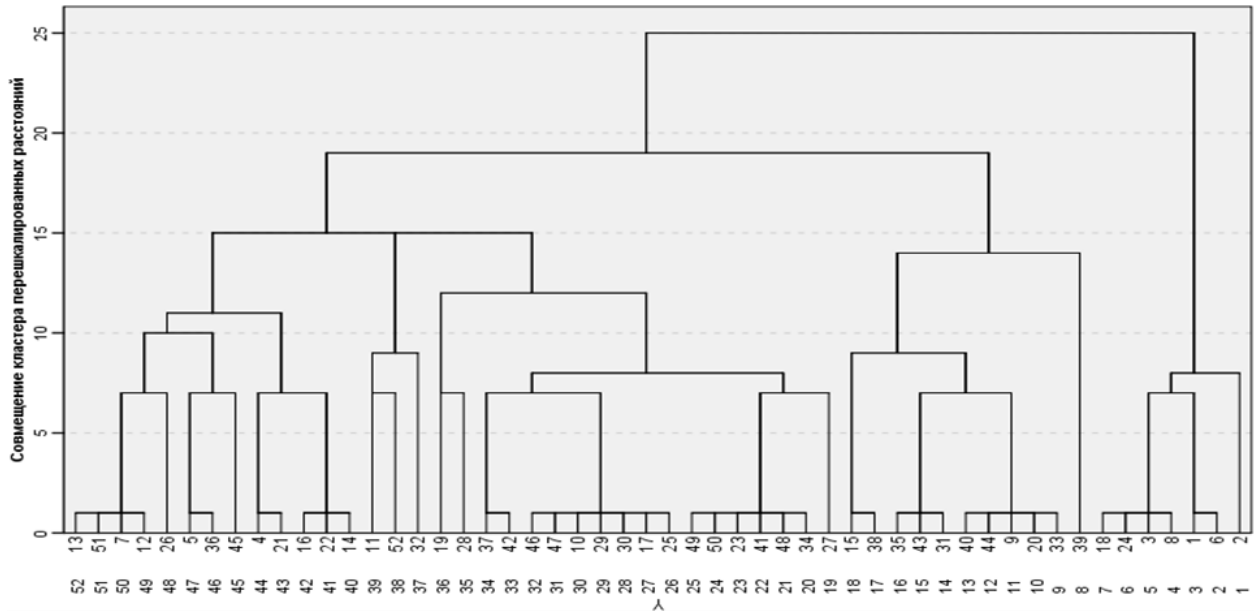

Рис. 2. Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей (личный опросник Айзенка)

Результаты испытуемых по личностному опроснику Айзенка в группах с низким и высоким уровнем диадной совместимости незначительно отличаются по близости показателей. Это говорит о том, что схожесть темперамента не влияет на уровень совместимости в парах.

Таблица 11

Средние показатели Евклидова расстояния (мотивационный профиль Ричи-Мартина)

	1 группа (низкий уровень диадной совместимости)		2 группа (высокий уровень диадной совместимости)		U-критерий Манна-Уитни	p
	М	σ	М	σ		
Мотивационный профиль Ричи-Мартина	11,906	3,50	8,452	1,99	482	0,000

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
 Формирование экипажей многоместных самолетов
 военной авиации на основе учета индивидуально-
 психологических характеристик, обеспечивающих
 психологическую совместимость их членов
 Экстремальная психология и безопасность личности.
 2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
 Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
 the Basis of Taking into Account Individual
 Psychological Characteristics that Ensure the
 Psychological Compatibility of their Members
 Extreme Psychology and Personal Safety.
 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

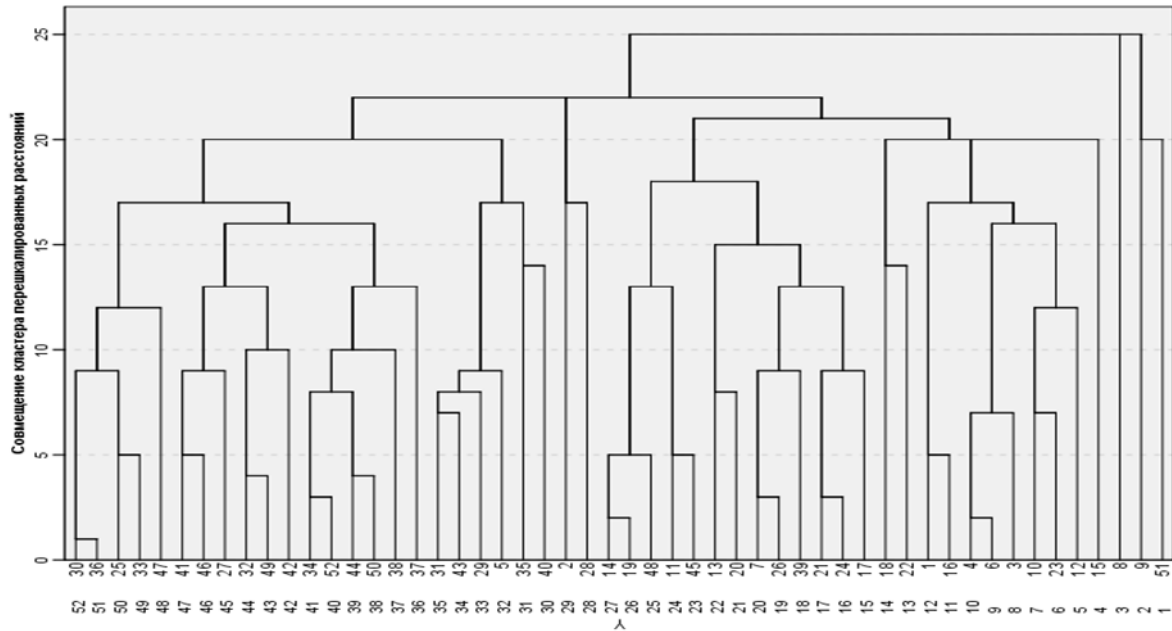

Рис. 3. Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей (мотивационный профиль Ричи-Мартина)

Результаты испытуемых по мотивационному профилю Ричи-Мартина в группах с низким и высоким уровнем диадной совместимости отличаются по близости показателей. Это означает, что схожесть мотивации к деятельности влияет на уровень совместимости в парах. Наиболее совместимые пары обладают схожей направленностью.

Таблица 12

Средние показатели Евклидова расстояния (Методика Томаса-Килманна)

	1-я группа (низкий уровень диадной совместимости)		2-я группа (высокий уровень диадной совместимости)		U-критерий Манна-Уитни	p
	М	σ	М	σ		
Методика Томаса-Килманна	2,954	1,20	3,238	1,04	1027	0,122

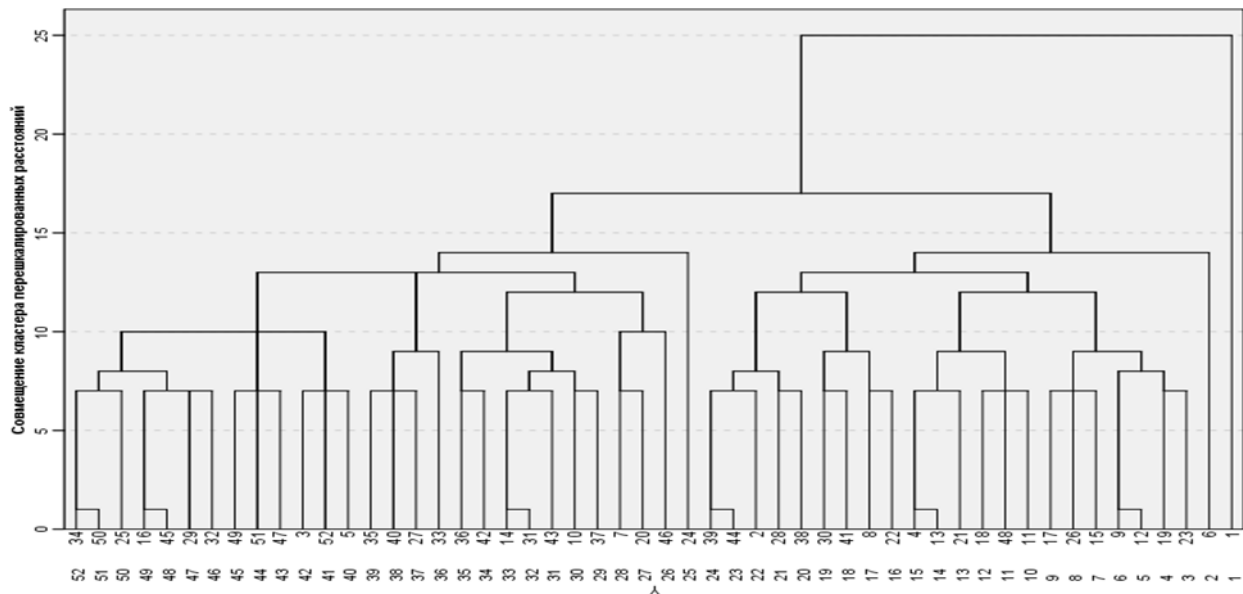

Рис. 4. Дендрограмма с использованием метода межгрупповых связей (Методика Томаса-Килманна)

Результаты испытуемых по Методике Томаса-Килманна в группах с низким и высоким уровнем диадной совместимости по близости показателей отличаются незначительно. Это говорит о том, что схожесть стратегий поведения в конфликте у оппонентов не влияет на уровень их совместимости.

Обсуждение результатов

Результаты исследования показывают, что комплектование экипажей многоместных летательных аппаратов должно осуществляться, в том числе, и на основе индивидуально-психологических качеств.

Выявлены качества, обеспечивающие наилучшую совместимость авиатора в любом коллективе: умеренная степень экспрессивности, гибкость и высокий уровень самоконтроля, низкий уровень нейротизма и напряженности. Благодаря этим качествам члены экипажа смогут успешно адаптироваться в новом коллективе и подстроиться под ограничения, связанные с летной деятельностью. Любая профессиональная деятельность неизбежно содержит ситуации, в которых проявляется конфликт. Цели деятельности, в том числе и летной, могут быть достигнуты разными вариантами действий, разногласие в выборе которых может стать причиной конфликта в экипаже. Неконструктивное разрешение даже продуктивного конфликта в истории авиации нередко приводило к печальным последствиям. Поэтому предпочитаемые стратегии поведения в конфликте имеют немаловажное значение и играют значимую роль в совместимости авиатора с экипажем. Использование в качестве ведущей стратегии сотрудничества и поиска компромисса благоприятно влияет на совместимость с коллективом. Стратегия «соперничество» в значительной степени снижает показатели совместимости экипажа.

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

Необходимо отметить, что в исследуемой выборке вышеописанные показатели у летного состава находятся на уровне выше среднего по нормам стандартизации используемых методик. Это закономерный результат ввиду того, что в военной авиации профессиональный психологический отбор имеет очень жесткие критерии. Поэтому дополнительный потенциал повышения совместимости видится в подходе, основанном на сочетании индивидуально-психологических качеств. В зависимости от характера деятельности это могут быть сочетание темпераментов, особенности коммуникативных навыков, характера, внутреннего мира человека, способности, знания, навыки, привычки и убеждения. Набор этих переменных многообразен, что закономерно ввиду многогранности самой личности. Поэтому достаточно сложно учесть все сочетания индивидуально-психологических характеристик.

Предпринятая попытка оценить диадную совместимость членов экипажей с применением кластерного анализа и расчета Евклидова расстояния по различным группам переменных позволила частично подтвердить гипотезу исследования.

Схожесть направленности мотивации к деятельности обеспечивает высокий уровень совместимости экипажей многоместных самолетов. Летный состав, имеющий сходное отношение к мерам материального вознаграждения, должному психологическому климату в коллективе и бытовым условиям, организации рабочих процессов, содержанию и качеству социальных контактов, и взаимоотношению в коллективе, оценке признания заслуг, целям деятельности, разнообразию и переменам, самосовершенствованию, обществу, является наиболее совместимым. Летный экипаж, сформированный с учетом схожей потребностной сферы и ценностных ориентаций, имеет большие перспективы бесконфликтного взаимодействия как в летной деятельности, так и при решении других задач: в предварительной подготовке к полетам, на боевом дежурстве, на отдыхе перед полетами в условиях отрыва от части и т. д.

Степень близости по комплексу черт, измеряемых методикой 16PF Р. Кеттелла, — свойствам темперамента, измеряемым личностным опросником ЕРІ Г. Айзенка, стратегиям поведения в конфликте, измеряемым методикой У. Томаса — Р. Килманна, — не оказывает влияния на диадную (двух военнослужащих) психологическую совместимость. Эти результаты можно объяснить правомочностью другого подхода, основанного на тезисе о дополняемости индивидуально-психологических характеристик, обеспечивающих совместимость в малых группах. Видимо, в многоместных летательных аппаратах, использование которых предполагается для полетов на дальние расстояния, часто в многодневных отрывах от места дислокации, важную роль играет «палитра талантов» группы, позволяющая успешно выходить из разнообразных, в том числе и трудных, ситуаций. Уравновешенный найдет правильные аргументы при задержке вылета при изменившихся метеорологических условиях или поломке техники. Весельчак поднимет настроение в депрессивных условиях полярной ночи. Настойчивый, креативный и доминантный найдет способ выбить транспорт, питание, решить проблему разрешения вылета и т. д., что позволит поднять настроение, увидеть смыслы и перспективы. В целом, описанные поведенческие акты в одной группе создают атмосферу оптимизма, уверенности в силах и возможностях экипажа, увеличивают вероятность удовлетворенности совместной деятельностью.

Естественно, психологическая совместимость не является единственным критерием для комплектования экипажей многоместных военных самолетов. В качестве других критериев

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

выступают уровень профессиональной подготовленности, летные способности, характер решаемых задач, планы по карьерному продвижению личного состава и т. д. Зачастую комплектование экипажей осуществляется, и это вполне оправданно, начиная с определения командира корабля, за которым следует подбор остальных членов экипажа. Поэтому, с одной стороны, подбор экипажа должен осуществляться на основании соотнесения профессиональных и психологических характеристик с характеристиками командира. С другой — отсутствие или присутствие тех или иных индивидуально-психологических характеристик у командира корабля вполне может дезорганизовать работу всего экипажа. В результате исследования выявлено, что основные индивидуально-психологические качества, которыми должен обладать командир, это эмоциональная стабильность, доброжелательность, справедливость, эмпатичность, ответственность и харизматичность.

Выводы

Таким образом, результаты исследования показывают, что психологическая совместимость экипажей многоместных летательных аппаратов военной авиации, представляет собой социально-психологическую характеристику взаимодействия двух и более индивидов, при которой мала вероятность возникновения межличностных и профессиональных конфликтов, совместная деятельность приносит удовлетворение, размываются границы профессионального и межличностного общения. Совместимость является основой для совместного профессионального роста членов экипажа, дает возможность решать более сложные профессиональные задачи, принимать в непростых ситуациях оптимальные решения, действовать безошибочно.

Формирование экипажей многоместных летательных аппаратов должно осуществляться уже на этапе определения профиля (рода авиации) при поступлении в вуз или в процессе обучения в нем. В качестве кандидатов должны рассматриваться лица с показателями выше среднего таких параметров, как экспрессивность, гибкость, самоконтроль, способность к установлению социальных контактов. Показатели параметров нейротизма и напряженности должны быть минимальны.

При выдвижении на должность командира многоместного летательного аппарата при всех прочих одинаковых параметрах (профессиональное мастерство, опыт, здоровье, заслуги и т. д.) предпочтение должно отдаваться эмоционально стабильным, доброжелательным, справедливым, эмпатичным, ответственным летчикам.

При формировании экипажей непосредственно в воинской части необходимо учитывать ценностные ориентации и мотивы профессиональной деятельности. В качестве инструмента, обеспечивающего оценку близости авиаторов по нескольким методикам, шкалам, рекомендовано использование кластерного анализа. Авиаторы (пары, тройки и т.д.), имеющие по расчетам наименьшее Евклидово расстояние по параметрам мотивации к деятельности, рассматриваются как наиболее совместимые.

Ограничения. Ограничения полученных результатов связаны с объемом изученной выборочной совокупности и соответствует уровню значимости $p \leq 0,05$ для пилотных исследований. В работе не изучены индивидуально-психологические характеристики, которые могут дополнять и компенсировать недостатки членов экипажей и позволяют

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

создавать композицию группы, обеспечивающую большее разнообразие в различных сферах совместной деятельности.

Перспективы исследования. Ввиду актуальности феномена психологической совместимости необходимы дальнейшие изыскания в этой области. Представляется целесообразным увеличить выборочную совокупность, что позволит сделать выводы более высокого уровня достоверности. Особый интерес будут представлять исследования, направленные на выявление сочетаний индивидуально-психологических характеристик, которые могут дополнять и компенсировать недостатки членов экипажей, обеспечивая их дополнительную совместимость. Могут быть полезны исследования, раскрывающие условия совместимости в экипажах с учетом возраста, рода войск, места дислокации авиационной части, характера выполняемых задач.

Список источников / References

1. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. М. [и др.] : Питер, 2010. 282 с. (Мастера психологии).
Ananyev, B.G. Man as an object of knowledge – 3rd ed. – Moscow [et al.] : Piter, 2010. 282 p. – (Masters of Psychology). (In Russ.).
2. Багрецов, С.А., Кузич, С.А. Индивидуально-психологические факторы совместимости личности и малой группы // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2004. № 1 (26). С. 24–28.
Bagretsov, S.A., Kuzich, S.A. Individual psychological factors of compatibility of a personality and a small group. *Human Factors: Problems of Psychology and Ergonomics*, 2004, no. 1 (26), pp. 24–28. (In Russ.).
3. Безменова, Е.К. Развитие понятия психологической совместимости в отечественной и зарубежной психологической науке // Человеческий капитал. 2023. № 9 (177). С. 60–73. <https://doi.org/10.25629/НС.2023.09.07>
Bezmenova, E.K. Development of the concept of psychological compatibility in domestic and foreign psychological science. *Human capital*, 2023, no. 9 (177), pp. 60–73. (In Russ.). <https://doi.org/10.25629/НС.2023.09.07>
4. Дмитренко, А.Ю. Особенности межсубъектного взаимодействия в условиях летного экипажа // Психология успеха и эффективное общение в педагогике. Ульяновск: ИП Кеньшенская В.В. (изд. «Зебра»). 2022. С. 79–89.
Dmitrenko, A.Yu. Features of intersubjective interaction in flight crew conditions. *Psychology of success and effective communication in pedagogy*. – Ul'yanovsk: IP Kenshenskaya V.V. (publishing house “Zebra”). 2022, pp. 79–89. (In Russ.).
5. Душкин, А.С. Особенности психологической совместимости сотрудников полиции в подразделениях территориальных органов МВД России // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения — 2018): Материалы международной научно-практической

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

конференции, Санкт-Петербург, 29—30 марта 2018 года / Под ред. Ю.А. Шаранова, В.А. Шаповала; сост. М.А. Кутырёв. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации, 2018. С. 118—122.

Dushkin, A.S. Features of psychological compatibility of police officers in the units of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia. *Actual problems of psychology of law enforcement: concepts, approaches, technologies* (Vasilievsky Readings — 2018): Proceedings of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March 29—30, 2018 / Yu.A. Sharanov, V.A. Shapoval (ed.); M.A. Kutyrkov (comp.) – Saint-Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018, pp. 118—122. (In Russ.).

6. Кузич, С.А. Основные направления исследования феномена психологической совместимости личности и малой группы // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2004. № 1 (26). С. 28—30.

Kuzich, S.A. The main directions of research on the phenomenon of psychological compatibility of an individual and a small group. *Human Factors: Problems of Psychology and Ergonomics*. 2004, no. 1 (26), pp. 28—30. (In Russ.).

7. Лысаков, Н.Д., Гандер, Д.В., Лысакова, Е.Н. Психология труда в экстремальных условиях. М.: Издательство Современного гуманитарного университета. 2013. 176 с.

Lysakov, N.D., Gander, D.V., Lysakova, E.N. Psychology of work in extreme conditions. Moscow: Publishing House of the Modern University of the Humanities. 2013. 176 p. (In Russ.).

8. Непопалов, В.Н. Роль личностных факторов в процессе принятия решений // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. 2021. Т. 1. № 1—2. С. 60—64. <https://doi.org/10.15826/spp.2021.1-2.5>

Nepopalov, V.N. The role of personal factors in the decision-making process. *Current issues of sports psychology and pedagogy*. 2021. Vol. 1, no. 1—2, pp. 60—64. (In Russ.). <https://doi.org/10.15826/spp.2021.1-2.5>

9. Особенности организационной субкультуры представителей экстремальных профессий / В.Е. Петров, М.И. Марьин, А.М. Зинатуллина, А.В. Сечко // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12, № 3. С. 31—40. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120303>

Petrov V.E., Marjin M.I., Zinatullina A.M., Sechko A.V. Features of the organizational subculture of representatives of extreme professions. *Journal of Modern Foreign Psychology*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 31—40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120303>

10. Платонов, К.К. Структура и развитие личности. М.: Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр Российской академии наук «Издательство “Наука”», 1986. 255 с.

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

Platonov, K.K. Personality structure and development. Moscow: Academic Scientific Publishing, Production, Printing and Book Distribution Center of the Russian Academy of Sciences "Publishing House "Nauka", 1986. 255 p. (In Russ.).

11. Позднякова, О.Н. Совместимость партнеров при совместной деятельности в малых группах // Меридиан. 2020. № 4 (38). С. 192—194.

Pozdnyakova, O.N. Compatibility of partners when working together in small groups. *Meridian*, 2020, no. 4 (38), pp. 192—194. (In Russ.).

12. Ту-154М N101 10.04.2010: Расследования авиационных происшествий и инцидентов: сайт Межгосударственного авиационного комитета. URL: <https://mak-iac.org/rassledovaniya/tu-154m-n101-10-04-2010/> (дата обращения: 08.04.2024).

Tu-154M N101 10.04.2010: Investigation of aviation accidents and incidents: website of the Interstate Aviation Committee. URL: <https://mak-iac.org/rassledovaniya/tu-154m-n101-10-04-2010/> (viewed: 08.04.2024).

13. Петров, В.Е., Кокурин, А.В. Оценка межличностной совместимости военнослужащих на основе изучения иерархии качеств личности // Психология и право. 2018. Т. 8. № 1. С. 110—118. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080108>

Petrov, V.E., Kokurin, A.V. Assessment of interpersonal compatibility of military personnel on the basis of the study of the hierarchy of personality qualities. *Psychology and Law*. 2018. Vol. 8, no. 1, pp. 110—118. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2018080108>

14. Сечко, А.В. Роль авиационного психолога в профессионально-психологическом сопровождении процесса боевой подготовки в Военно-воздушных силах РФ // Психолого-педагогические исследования. 2013. № 2. С. 325—338.

Sechko, A.V. The role of aviation psychologist in professional and psychological support of the process of combat training in the Russian Air Force. *Psychological-Educational Studies*. 2013, no. 2, pp. 325—338. (In Russ.).

15. Сечко, А.В. Человеческий фактор и аварийность в современной авиации // Профессионализм и безопасность: состояние и перспективы востребованности достижений психологии : Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2022 года / Под ред. В.М. Позднякова, В.Е. Петрова. М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2023. С. 93—98.

Sechko, A.V. The human factor and accident risk in modern aviation. Professionalism and safety: the state and prospects of the relevance of achievements of psychology : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, November 25, 2022 / V.M. Pozdnyakov, V.E. Petrov (ed.). Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, 2023. Pp. 93—98. (In Russ.).

16. Сидоренков, А.В. Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2010. 272 с.

Сечко А.В., Лопатинская А.С.
Формирование экипажей многоместных самолетов
военной авиации на основе учета индивидуально-
психологических характеристик, обеспечивающих
психологическую совместимость их членов
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 40–59.

Sechko A.V., Lopatinskaya A.S.
Formation of Crews of Multi-Seat Military Aircraft on
the Basis of Taking into Account Individual
Psychological Characteristics that Ensure the
Psychological Compatibility of their Members
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 40–59.

Sidorenkov, A.V. Small group and informal subgroups: microgroup theory. Rostov-on-Don: Publishing House of Southern Federal University. 2010. 272 p. (In Russ.).

17. Сыромятников, И.В. Психодиагностика: учебное пособие. М.: Академический проект, 2005. 640 с.

Syromyatnikov, I.V. Psychodiagnostics: textbook. Moscow: Akademicheskiiy proekt, 2005. 640 p. (In Russ.).

18. Яковлев, Б.Л. Психологическая совместимость в группе // Инженерно-педагогическое образование в XXI веке: материалы VIII Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и студентов БНТУ, 17—18 мая 2012 г. / Белорусский национальный технический университет; гл. ред. С.А. Иващенко [и др.]. Минск: БНТУ, 2012. Ч. 3. С. 103—105.

Yakovlev, B.L. Psychological compatibility in a group. Engineering and pedagogical education in the 21st century: proceedings of the VIII Republican Scientific and Practical Conference of Young Scientists and students of BNTU, May 17—18, 2012 / Belarusian National Technical University; S.A. Ivashchenko (ed.). Minsk: BNTU, 2012. Ch. 3. pp. 103—105. (In Russ.).

Информация об авторах

Александр Владимирович Сечко, кандидат психологических наук, доцент, кафедра научных основ экстремальной психологии, факультет экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Алиса Сергеевна Лопатинская, педагог-психолог, Психологическая служба города Москвы, Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9572-6335>, e-mail: alis_fox.ru@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Sechko, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6870-1055>, e-mail: setschko@yandex.ru

Alisa S. Lopatinskaya, educational psychologist, Psychological Service of the city of Moscow, Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-9572-6335>, e-mail: alis_fox.ru@mail.ru

Получена 16.01.2025
Принята в печать 14.03.2025

Received 16.01.2025
Accepted 14.03.2025

Развитие цифровой зависимости: обзор современных зарубежных исследований

Неврюев А.Н.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская
Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Резюме

Обзор представляет собой описание исследований, связанных с проблемой цифровой зависимости, которые были проведены за последние пять лет и опубликованы в зарубежных журналах. Рассматриваются основные (традиционные — интернет, гаджет) зависимости, а также новые (современные — стрим) зависимости. Описывается влияние пандемии COVID-19 на процесс возникновения и развития цифровой зависимости, а также роль пандемии в ее последующем распространении. Описаны наиболее известные методы диагностики зависимости и их отличие друг от друга. Приводятся результаты исследований, в которых изучались социально-демографические характеристики, связанные с цифровой зависимостью, и обозначаются противоречия в этих исследованиях. Дается описание исследований, в ходе которых были установлены взаимосвязи цифровой зависимости и личностных (модель «Большая пятерка», мотивация, самоконтроль и другие), а также социально-психологических (межличностные отношения) характеристик. В выводах фиксируются основные противоречия и дальнейшие перспективы исследований, связанных с проблематикой цифровой зависимости.

Ключевые слова: цифровая зависимость, личностные характеристики, межличностные отношения, COVID-19, шкала цифровой зависимости

Для цитаты: Неврюев А.Н. Развитие цифровой зависимости: обзор современных зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 1. С. 60—74. DOI: [10.17759/epps.2025020105](https://doi.org/10.17759/epps.2025020105)

The Development of Digital Dependency: a Review of Current Foreign Research

Andrey N. Nevryuev

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Abstract

The review is a description of studies related to the problem of digital addiction that have been conducted over the past five years and published in foreign journals. The main (traditional — Internet, gadget) addictions, as well as new (modern — stream) addictions are considered. The impact of the COVID-19 pandemic on the process of emergence and development of digital addiction, as well as the consequences of the pandemic on its spread, is described. The most well-known methods for diagnosing addiction and their differences from each other are described. The results of studies that studied the socio-demographic characteristics associated with digital addiction are presented and contradictions in the research data are identified. A description of studies that established the relationship between digital addiction and personal (the Big Five model, motivation, self-control, and others), as well as socio-psychological (interpersonal relationships) characteristics is given. The conclusions record the main contradictions and further prospects for research related to the study of the problems of digital addiction.

Keywords: digital addiction, personality characteristics, interpersonal relationships, COVID-19, digital addiction scale

For citation: Nevryuev A.N. The Development of Digital Dependency: a Review of Current Foreign Research. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 60—74. DOI:10.17759/epps.2025020105 (In Russ.).

Введение

Исследовательский центр портала Superjob.ru в июне 2024 года опубликовал данные собственного опроса, который касался изучения самооценки цифровой зависимости. В результатах отмечается, что уровень зависимости от цифровых технологий увеличивается от предыдущего к следующему году¹.

Современные технологии постоянно развиваются — следовательно, появляется необходимость в исследовании различных психологических аспектов, которые связаны с цифровой зависимостью.

В данном обзоре приведены результаты исследований за последние пять лет, которые касаются вопросов: что именно изучалось в сфере цифровой зависимости и изучается сейчас? Как пандемия COVID-19 повлияла на цифровую зависимость? Какие методы применяют исследователи для изучения цифровой зависимости? Как социально-демографические характеристики различаются у людей с высоким (низким) уровнем цифровой зависимости? Наконец, будут рассмотрены вопросы, связанные с описанием исследований, в которых изучались как личностные, так и социально-психологические характеристики людей с цифровой зависимостью.

Проблемное поле исследования понятия «цифровая зависимость»

¹ *Каждый второй россиянин считает, что испытывает цифровую зависимость* (2024, июнь 05). Исследовательский центр портала Superjob.ru. Социологические опросы. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114704/kazhdyj-vtoroj-rossiyanin-schitaet/> (дата обращения: 10.11.2024)

Одна из важных задач для исследователей того или иного феномена заключается в том, чтобы понять, как менялся подход к его изучению на протяжении времени его существования.

В частности, Тургут Каракозе вместе с коллегами в работе, где они описывали тренды в динамике развития цифровой зависимости и депрессии, выделили три основных периода анализа понятия «цифровая зависимость». В течение первого периода (который длился с 1983 по 2016 год) те авторы, которые рассматривали проблему связи между цифровой зависимостью и депрессией, в основном уделяли внимание поиску причин этого явления, а также оценке его последствий. Также их интересовали последствия когнитивных искажений и одиночество, которое переживает человек. Второй период, о котором пишут авторы этого исследования приходится на 2017—2019 годы. В нем исследователи отмечают, что понятия «интернет-зависимость» и «зависимость от цифровых устройств» по-прежнему лидируют в качестве объектов для изучения. К темам, которые получили большое распространение в исследованиях в этот период, также относится и изучение алексетимии. Большое значение также приобрело изучение социальной поддержки. Результаты проведенных исследований выявили, что именно этот фактор играет важную роль в том, что люди более успешно справляются со стрессовыми ситуациями, которые возникают в их жизни. Последний период, на котором останавливаются авторы, это 2020—2022 годы. В этот период, как отмечают исследователи, возникли новые и актуальные темы, которые прочно вошли в круг исследовательских интересов психологов. В частности, к ним относятся проблемы, связанные с кибербуллинг. Под этим термином обычно понимают буллинг, который производится с помощью средств информационных и коммуникационных технологий. Вероятно, исследования, связанные с этими вопросами, еще только находятся на стадии своего становления [1].

Не менее важной задачей является установление причин, а также последствий поведения людей, которые демонстрируют цифровую зависимость. Далее они будут рассмотрены более подробно.

Одной из наиболее распространенных причин возникновения цифровой зависимости, по мнению некоторых людей, является скука. Исследователи решили проверить с помощью научного подхода, насколько эта причина в самом деле может быть связана с возникновением цифровой зависимости. Ученые из Швейцарии Анн-Линда Камерини, Сюзанна Морлино и Лаура Марчиано изучили результаты уже проведенных исследований, в которых затрагивался вопрос о связи скуки с использованием цифровых медиа. Их интересовали статьи, которые были опубликованы в период с 2003 по 2022 год. Анн-Линда Камерини, Сюзанна Морлино и Лаура Марчиано отмечают, что существует положительная корреляция между скукой и использованием цифровых медиа. С другой стороны, такие факторы, как их тип и причина скуки, могут увеличивать, либо, напротив, уменьшать ее силу [5].

К негативным последствиям использования цифровой зависимости можно отнести снижение уровня психического здоровья. Авторы уже проведенных исследований отмечают, что между уровнем зависимости от цифровых технологий и психическими заболеваниями существует связь. В метаанализе, который был проведен Роджером С. Хо, Мелвином В.Б. Чжан и Тэмми И. Цан, было показано, что между зависимостью от цифровых технологий и психическими расстройствами действительно существует связь. В частности, Роджер С. Хо, Мелвин В.Б. Чжан и Тэмми И. Цан отмечают, что люди, у которых есть признаки зависимости

от цифровых технологий, в три раза чаще злоупотребляют алкоголем, страдают от СДВГ (синдрома дефицита внимания и гиперактивности), депрессии и тревожности. В то же время, распространенность расстройств связана с возрастом. Так, если признаки СДВГ встречались чаще у молодых, то признаки депрессии, напротив, у лиц среднего и пожилого возраста [22].

Схожие результаты получили и Сесилия Ченг в соавторстве с Анхель Йи-лам Ли в исследовании результатов исследований, которые были проведены преимущественно с участием респондентов из Ближнего Востока. В своем исследовании авторы из Гонконга отмечают дополнительно, что развитию зависимости от цифровых медиа способствуют такие факторы, как низкий уровень качества жизни, плохие экологические условия и время в пути, которые люди тратят на передвижение в местности [7].

COVID-19 и цифровая зависимость

Пандемия COVID-19 внесла серьезные коррективы в жизнь людей. Новая болезнь отразилась и на исследованиях, которые проводили авторы. В частности, в одном из исследований показаны результаты, согласно которым можно сделать вывод о том, что COVID-19 стал катализатором для роста интернет-зависимости у людей. Полученные в ходе исследования результаты позволяют выделить некоторые тенденции. В частности, Ши-Цю Мэн и коллеги в статье «Глобальная распространенность цифровой зависимости в общей популяции: систематический обзор и метаанализ», опубликованной в журнале «Обзор клинической психологии», отмечают, что в большей степени интернет- и смартфон-зависимость была распространена среди жителей Восточного Средиземноморья, а люди из Соединенных Штатов Америки демонстрировали высокий уровень зависимости от игр. Также уровень зависимости оказался связан с доходом людей. Так, согласно наблюдениям Ши-Цю Мэн и коллег, люди с низким (или ниже среднего) доходом демонстрировали большую степень цифровой зависимости по сравнению с остальными. Гендерные характеристики также различались: у мужчин был выявлен более высокий уровень интернет- и игровой зависимости, чем у женщин. Ши-Цю Мэн и коллеги отмечают, что эти результаты требуют дальнейшего осмысления и поиска более глубоких причин, которые могли бы подробнее объяснить полученные ими результаты [13].

Результаты, которые были описаны выше, также были получены и в другом исследовании. Александрина-Михаэла Попеску и ее соавторы из Румынии в статье «Риск зависимости от смартфона, поведение и отношения, связанные с технологиями, и психологическое благополучие во время пандемии COVID-19» отмечают, что пандемия COVID-19 способствовала развитию риска цифровой зависимости и имела негативные последствия для психического здоровья людей. В частности, Александрина-Михаэла Попеску и коллеги утверждают, что именно во время пандемии большинство людей ориентировались на собственные устройства как для работы, так и для развлечения. В конечном итоге это привело к тому, что люди проводили за устройствами больше времени и могли развить в себе цифровую зависимость. С другой стороны, COVID-19 повышала уровень стресса у людей, а у некоторых также уровень тревоги и депрессии. Одним из механизмов, которые помогали людям справиться с этими проблемами, заключался в использовании устройств сверх того времени, в течение которого они были реально необходимы. Такое чрезмерное использование, как отмечают Александрина-Михаэла Попеску и другие соавторы, отвлекало людей от существующей реальности и создавало у них ощущение, что они справляются со

сложностями [19].

Авторы приведенных исследований отмечают, что пандемия COVID-19 привела к возникновению и развитию следующих проблем: снижение уровня взаимодействия между людьми, нарушения, связанные со сном, повышение уровня развития расстройств, которые сопряжены с тревогой, депрессией и другими негативными эмоциональными состояниями.

Однако не все исследователи согласны только с негативной оценкой связи COVID-19 и цифровой зависимости. В частности, Нинкун Сяо и его коллеги в статье «Влияние цифровой среды на когнитивные функции и психическое здоровье детей: библиометрическое исследование» не только отмечают «традиционно» негативные последствия пандемии COVID-19, но и рассматривают процесс развития цифровой среды, который был инициирован пандемией [6].

Методы исследования цифровой зависимости

Для изучения зависимости от цифровых технологий исследователи используют различные подходы. Примером одного из них являются шкалы самоотчета. К примеру, испытуемый должен прочитать утверждение и ответить на него с помощью шкалы Ликерта. Одной из таких шкал является «Шкала цифровой зависимости у детей». Она была предложена коллективом исследователей из Ливана и Великобритании (Назир С. Хави, Майя Самаха и Марк Д. Гриффитс) в статье «Шкала цифровой зависимости для детей: Разработка и валидация» и включала в себя оценку различных аспектов, связанных с цифровой зависимостью у детей. В частности, исследователи выделили такие, аспекты как: сосредоточенность («Когда я не в школе, то провожу много времени за своим устройством»), растущая потребность («Я чувствую необходимость проводить больше времени с устройством»), огорчение («Я расстраиваюсь, когда меня просят прекратить пользоваться устройством»), проблемы («Я сплю меньше, так как пользуюсь устройством»), конфликт («Я спорю с родителями, когда они просят меня закончить использовать устройство»), обман («Я вру родителям, когда что-то делаю на своем устройстве»), замещение («Я проверяю устройство, когда делаю домашнюю работу или другие важные дела»), рецидив («Я не могу контролировать то, как использую устройство») и изменение настроения («Когда я использую устройство, то чувствую себя лучше, даже если мне плохо») [14]. Эта шкала получила распространение и в других исследованиях. В частности, была создана турецкая версия данной шкалы. В своей работе «Шкала цифровой зависимости для детей: психометрические свойства турецкой версии» Туба Багатархан и Дигдем Мюге Сийез описывают результаты исследования, в котором принимали участие дети из Турции. Было установлено, что, в отличие от оригинальной версии, где авторы описывали два фактора (первый — конфликт, обман, замещение, рецидив и огорчение; второй — растущая потребность, изменение настроения, рецидив, сосредоточенность), в данном исследовании выделяется только один фактор. Кроме того, полученные данные показывают надежность как для выборки мальчиков, так и для выборки девочек. Дополнительно Туба Багатархан и Дигдем Мюге Сийез описывают позитивную корреляцию между зависимостью от устройств и зависимостью от видеоигр [4].

Исследователей интересует зависимость не только от устройств, но и от процессов, которые протекают в них. В частности, Лизет З. Саиритупа-Санчес из Перу совместно с коллегами в работе «Разработка и валидация шкалы потоковой зависимости (SDS) от онлайн-игр в перуанской популяции» сосредоточились на проблеме зависимости от стриминга (то есть

трансляций, которые проходят на различных онлайн-платформах). Они разработали шкалу зависимости от стриминга, в которую включили вопросы, связанные с: временем, которое человек тратит на просмотр стримов; переживанием, что человек тратит много времени на их просмотр; привыканием, то есть может ли человек потратить три часа на просмотр, не отвлекаясь ни на что другое; синдромом отмены, то есть тратит ли человек любое свободное время на просмотр стрима; конфликтностью, то есть ссорами с близкими людьми из-за стрима; рецидивом, то есть недосыпанием из-за просмотра стримов. Использование шкалы показало также интересные взаимосвязи. Например, была обнаружена положительная корреляция между просмотром стримов и тревожностью человека [9].

Исследователей интересуют различные виды зависимостей, которые связаны с цифровыми устройствами. В то же время инструменты, которые они предлагают, включают в себя похожие по смыслу либо одинаковые по названиям шкалы (например, «конфликт», «рецидив»). Этот факт указывает на то, что в дальнейших исследованиях необходим более дифференцированный подход к исследованию различных видов зависимостей, которые существуют на данный момент.

Социально-демографические характеристики цифровой зависимости

Исследователи описывают достаточно большой пул характеристик, которые связаны с цифровой зависимостью. Например, к таким характеристикам относятся: пол, возраст и т. д. С другой стороны, некоторые исследователи применяют комплексный подход и стремятся объединить эти характеристики в определенный комплекс. В частности, они описывают «профиль», в который включены перечисленные выше переменные. Далее будут описаны исследования, в которых был применен данный подход.

Профили цифровой зависимости

Авторы исследований, в которых описаны различные профили, приводят различные основания для их построения. Однако в большинстве случаев им может являться уровень зависимости от цифровых технологий и уровень активности человека в пространстве компьютерных игр. Далее приводятся результаты исследований, в которых авторы по-разному подходят к процессу построения профилей людей, демонстрирующих зависимость от цифровых технологий.

В исследовании «Изучение различных типов технологической зависимости у молодых взрослых: латентный анализ профилей» Мурат Агиркан, Намик Кемаль Хасполат и Огужан Челик описывают четыре основных профиля, которые по-разному определяют цифровую зависимость у молодых людей. Первый профиль авторы назвали «независимые». Мурат Агиркан, Намик Кемаль Хасполат и Огужан Челик отмечают, что среди всех профилей люди, попавшие в эту группу, составляют большинство. Им можно дать следующее описание: эти люди умеренно используют цифровые технологии, и это использование не имеет негативных последствий на их жизнь. Вторая группа была названа «умеренно зависимые геймеры». В нее попали те респонденты, которые демонстрируют средний уровень зависимости от социальных сетей, мессенджеров и веб-сайтов. В то же время они демонстрируют высокий уровень зависимости от онлайн-игр. Третья группа описана исследователями как «высоко зависимые не геймеры». Эта группа респондентов имеет высокий уровень зависимости от социальных сетей, мессенджеров, а также веб-сайтов. Вместе с тем они демонстрируют низкий уровень зависимости от онлайн-игр. Наконец, четвертая группа охарактеризована исследователями как

«высоко зависимые геймеры». Именно у этой группы, по наблюдениям исследователей, существует высокий риск зависимости от цифровых технологий. Входящие в нее респонденты демонстрируют высокий уровень зависимости от всех перечисленных выше технологий (то есть социальных сетей, мессенджеров, веб-сайтов). Мурат Агиркан, Намик Кемаль Хасполат и Огужан Челик отмечают, что есть и другие социально-демографические факторы, которые в большей степени обуславливают вероятность того, что человек попадает в определенную группу. Так, было установлено, что мужчины чаще принадлежат к профилям, которые демонстрируют высокий уровень зависимости от онлайн-игр, а те, кто проводит больше времени в социальных сетях, мессенджерах и веб-сайтах, имеют уровень риска цифровой зависимости выше, чем остальные респонденты [2].

В свою очередь, Мустафа Саритепечи, Хатидже Йилдиз Дурак и Нилюфер Атман Услу из Турции в своей статье описывают четыре основных профиля цифровой зависимости. За основу деления на профили исследователи берут два основных параметра: уровень зависимости и уровень игровой активности. В зависимости степени выраженности данных характеристик, пользователей интернет-пространства можно разделить на четыре основных профиля. Первый профиль — люди с низким уровнем как зависимости, так и игровой активности. Второй — люди с низким уровнем зависимости и, в то же время, высоким уровнем игровой активности. Третий — средний уровень зависимости и низкий уровень игровой активности. Наконец, последний профиль — это высокий уровень как зависимости, так и игровой активности. Мустафа Саритепечи, Хатидже Йилдиз Дурак и Нилюфер Атман Услу также отмечают, что существуют факторы, которые в большей степени предсказывают зависимость. В частности, женщины демонстрируют как низкий уровень зависимости, так и низкий уровень игровой активности; студенты, которые обучаются на первом курсе, чаще демонстрируют либо низкий, либо, напротив, высокий уровень игровой активности, в то время как студенты второго курса, напротив, чаще демонстрируют высокий уровень игровой активности [17].

Нужно отметить, что в некоторых исследованиях (например, [2]) рассматривается такой фактор, как «социально-экономический статус». В частности, люди с низким социально-экономическим статусом менее склонны к цифровой зависимости [2]. Однако не все существующие данные подтверждают последний тезис. В связи с этим необходимо рассмотреть фактор социально-экономического статуса более подробно.

Социально-экономический статус

Отдельные исследования, в которых рассматривается вопрос о связи социально-экономического статуса семьи и зависимости от технологий также демонстрируют достаточно интересные результаты. В частности, в исследовании Хуанхуан Ли и соавторов «Социально-экономический статус семьи и цифровая зависимость детей младшего возраста: модерационно-медиационная модель» показано, что люди, обладающие низким уровнем социально-экономического статуса, в меньшей степени демонстрируют эмоциональную теплоту и понимание и, напротив, в большей степени — жестокость по отношению к детям. Как пишут Хуанхуан Ли и соавторы исследования, это может приводить к тому, что такие дети в большей степени оказываются подвергнуты риску возникновения зависимости как некоторой защиты от реальности, в которой они существуют. Кроме того, одной из причин такого поведения родителей может быть усталость после тяжелого трудового дня: у них остается меньше ресурсов, которыми они могли бы поделиться с ребенком. Хуанхуан Ли и

соавторы также отмечают, что их исследование демонстрирует так называемое «предпочтение сына». Этот феномен заключается в том, что родители с низким социально-экономическим статусом в большей степени заинтересованы в том, чтобы удовлетворять потребности ребенка мужского пола, по сравнению с ребенком женского пола. С другой стороны, Хуанхуан Ли и соавторы приходят к выводу, что теплота и забота, проявляемые родителями по отношению к ребенку, могут также приводить к возможному возникновению риска зависимости из-за низкого уровня контроля [12].

Вопрос об особенностях социально-экономического статуса детей, которые испытывают проблемы с цифровой зависимостью, интересовал и исследователей из Ирландии и Норвегии (Тияна Милошевич и ее соавторы). Они отмечают, что время, которое проводит ребенок в Интернете, может быть связано с его самооценкой и оценкой удовлетворенности. Если у детей есть возможность получать образование, медицинские услуги, а также посещать различные культурные мероприятия, то время, которое они проводят в интернет-пространстве, позитивно влияет на их самооценку и удовлетворенность. При этом отмечается негативное влияние пребывания в Сети на психическое здоровье и благополучие тех детей, у которых нет описанных выше возможностей [8].

Отдельным направлением исследований являются те, что связаны с профилактикой цифровой зависимости. В них также изучаются особенности социально-экономического статуса. Например, исследовательскую группу из Германии, куда входили Диана Гюртлер, Доминик Блезинг, Энн Мёринг и другие ученые, интересовал ответ на вопрос: как можно противостоять зависимости от цифровых технологий? Для этого они провели масштабное исследование, в ходе которого разработали мобильное приложение, где заинтересованные студенты могли получить помощь от коуча. Также эту исследовательскую группу волновало, какие именно студенты принимают участие в данной программе. Оказалось, что девушки чаще принимали участие в программе, по сравнению с молодыми людьми. Кроме того, в ней более охотно участвовали люди, которые оценивали собственные компетенции в области социального взаимодействия как недостаточно развитые. Приложением часто пользовались те, кто отмечал у себя достаточно высокий уровень стресса и проблемы с контролем за использованием интернета в собственной жизни [3].

Личностные характеристики цифровой зависимости

К личностным характеристикам цифровой зависимости относят черты, которые описаны в модели «Большая пятерка», особенности мотивации, а также самоконтроль. Далее эти характеристики и их связи с цифровой зависимостью будут рассмотрены более подробно.

«Большая пятерка»

В исследовании, которое было проведено Давиде Маренго и коллегами из Германии, Италии и Соединенных Штатов Америки, были продемонстрированы результаты, по которым можно сделать вывод о связи черт модели «Большая пятерка» с использованием различных платформ и программ для общения. В частности, высокий уровень экстраверсии связан с тем, что человек использует социальные сети для общения. Низкая добросовестность и высокий уровень нейротизма, напротив, приводит к тому, что люди чаще пользуются WhatsApp и Instagram [15].

Результаты других исследований демонстрируют, что черты личности, составляющие «Большую пятерку» могут отличаться друг от друга в зависимости от страны, в которой

проходит исследование. В частности, Яна Квинтова и соавторы установили, что студенты из Чехии с высоким уровнем интроверсии и низким уровнем добросовестности демонстрировали высокий уровень склонности к интернет-зависимости [16].

Мотивация

В последнее время исследователей интересует не только вопрос о том, что мотивирует людей пользоваться социальными сетями и устройствами, но и вопрос, почему молодые люди выбирают в качестве своей профессии киберспорт. Ответ на него дает проведенное в Венгрии исследование Фанни Баньяй и соавторов. Его результаты описаны в статье «Карьера профессионального геймера: игровые мотивы как предикторы карьерных планов стать профессиональным игроком в киберспорт». Фанни Баньяй и ее коллеги приходят к выводу, что можно выделить три основных фактора, влияющих на подобный выбор. К ним относятся: мотивация, связанная с соревнованиями (то есть желание побеждать, стремление к совершенствованию себя и получению признания со стороны других людей); развитие навыков (постоянное обучение, улучшение собственных навыков, связанных, в том числе, со стратегическим мышлением и способностью быстро принимать решения); социальные мотивы (желание, быть частью более крупной группы и поддерживать отношения с другими ее участниками). Фактором, который играл противоположную роль, оказалась мотивация справиться со стрессом (то есть те, кто хотел преодолеть стресс с помощью игр, были менее склонны к построению карьеры в киберспорте). Также к числу факторов можно отнести такие личностные качества, как высокий уровень самодисциплины и целеустремленность [6].

Отдельные исследователи обращают внимание на связь между мотивацией к учебной деятельности и цифровой зависимостью. Так, исследователи из Эстонии (Риин Сима и коллеги) в своей статье описывают опыт разработки шкалы зависимости от цифровых технологий. В частности, как показало их исследование, высокому уровню зависимости от цифровых технологий сопутствует низкий уровень мотивации в сфере учебы, высокий уровень выгорания, а также трудности, связанные с обучением, и низкий уровень удовлетворенности жизнью. В целом, можно отметить, что высокий уровень зависимости от цифровых технологий снижает уровень мотивации к учебной деятельности [10].

Самоконтроль

В исследовании Агаты Блахню и коллег из Польши было описано, что низкий уровень самоконтроля связан с более высоким уровнем цифровой зависимости. Так, Агата Блахню и коллеги отмечают, что люди с низким уровнем самоконтроля более склонны к импульсивному использованию устройств, а этот фактор может приводить к возникновению зависимости. Также на зависимость оказывает влияние и медиамультитизадачность. С одной стороны, Агата Блахню и коллеги пишут, что такая мультитизадачность может снижать эффективность в решении задач, с другой — повышать вероятность возникновения зависимости. Кроме того, неспособные организовать собственное время более склонны к цифровой зависимости по сравнению с теми, кто, напротив, демонстрирует высокий уровень самоорганизации [18].

Результаты похожего исследования можно найти в статье Тима Шульца ван Эндерта из университета Германии. В частности, в его исследовании изучалась связь между зависимостью от цифровых технологий и уровнем самоконтроля. Тим Шульц ван Эндерт отмечает, что испытуемые, которые демонстрировали высокий уровень самоконтроля, в меньшей степени склонны к цифровой зависимости. Также, по его наблюдениям, испытуемые,

склонные к выбору небольшого, но немедленного вознаграждения, в меньшей степени подвержены зависимости от цифровых технологий, чем те, кто выбирал большее вознаграждение, но потом [24].

Исследователи из Китая (Сюйвэй Шэнь со своими соавторами) уточнили данные, которые были получены в упомянутом выше исследовании. В частности, в ходе исследования было установлено, что самоконтроль действительно негативно связан с уровнем зависимости от цифровых технологий. В то же время было установлено, что самоконтроль является медиатором между стрессом и тревогой, а также уровнем развития зависимости от цифровых технологий. То есть в описываемом исследовании он ослаблял связь между указанными переменными. Кроме того, было установлено, что именно самоконтроль является модератором связи между стрессом, тревогой и зависимостью от цифровых технологий. Так, у людей с высоким уровнем самоконтроля связь между стрессом, тревогой и зависимостью от цифровых технологий была менее выражена по сравнению с группой людей, для которых был характерен низкий уровень самоконтроля [20].

Социально-психологические характеристики цифровой зависимости

Одним из наиболее ярких проявлений социально-психологических характеристик цифровой зависимости являются отношения с другими людьми (или межличностные отношения). Так, в одном из исследований, в котором авторы провели метаанализ, была продемонстрирована корреляция между зависимостью от онлайн-технологий и качеством межличностных отношений.

В частности, исследователями из Китая — Сюнь Ян и коллегами — в статье «Связь между цифровой зависимостью и межличностными отношениями: систематический обзор и метаанализ» было показано, что между зависимостью от онлайн-технологий и качеством межличностных отношений существует слабая отрицательная корреляция. Сюнь Ян и коллеги делают вывод, что люди с более низким уровнем межличностных отношений в большей степени склонны к зависимости от онлайн-технологий. При этом авторы исследования подчеркивают, что данный эффект характерен для любой онлайн-технологии, которая существует на данный момент (смартфон, игровая зависимость и т. д.). Однако Сюнь Ян и коллеги проводят различие между онлайн- и офлайн-отношениями. Они отмечают, что связь между зависимостью и онлайн-отношениями значима и позитивная. В то же время было установлено, что связь между зависимостью и офлайн-отношениями значима и носит отрицательный характер. Кроме того, было отмечено, что уровень образования также является фактором, который связан с зависимостью. В частности, люди с высшим образованием в меньшей степени склонны к зависимости по сравнению с людьми, у которых нет высшего образования [21].

Результат этого исследования подтверждает результаты метаанализа, который был проведен в 2020 году также исследователями из Китая.

Так, Цин-Хонг Хао с соавторами в работе, где был проведен систематический обзор и метаанализ взаимосвязи между интернет-зависимостью и межличностными отношениями среди подростков и студентов колледжа на основе коэффициента корреляции Пирсона, выявили следующие закономерности. Люди, у которых был выявлен высокий уровень интернет-зависимости, испытывали проблемы в межличностных отношениях. Цин-Хонг Хао с соавторами отмечают, что этот результат, в первую очередь, характерен для возрастных

групп подростков и студентов колледжей. Особые трудности, как отмечают авторы исследования, люди с высоким уровнем интернет-зависимости испытывают в процессе поиска людей, которые могут стать друзьями, и знакомства с ними [23].

Вывод

В данном обзоре было отмечено, что современные проблемы, связанные с изучением цифровой зависимости, касаются ситуаций кибербуллинга, трудностей, связанных с эмоциями, и другими характеристиками. Несмотря на достаточно большое количество исследований и программ, которые разрабатываются на их основе, необходимо усиливать работу по внедрению этих результатов в повседневную жизнь. Кроме того, что большинство исследователей описывают негативное влияние пандемии COVID-19 на жизнь людей. Существующие исследования, в основном, отмечают негативное влияние пандемии на цифровую зависимость. Лишь небольшая часть исследований обнаруживают и позитивное влияние. В будущих исследованиях необходимо сосредоточить внимание на объективной оценке пандемии и ее связи с цифровой зависимостью. Наряду с этим существуют исследования, которые выделяют социально-демографические характеристики в качестве основных для объяснения возникновения цифровой зависимости. В частности, к таковым относят социально-экономический статус. Однако и тут существующие результаты демонстрируют противоречивый характер. Это может стать отправной точкой для будущих исследований. Отличаются и результаты (например, от страны к стране), которые касаются как личностных, так и социально-психологических характеристик цифровой зависимости. В дальнейшем, вероятно, требуется проведение, в том числе, лонгитюдных исследований для понимания природы таких различий.

Литература/References

1. A comprehensive review on emerging trends in the dynamic evolution of digital addiction and depression / T. Karakose, B. Yıldırım, T. Tülübaş, A. Kardas // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1126815>
Karakose T., Yıldırım B., Tülübaş T., Kardas A. A comprehensive review on emerging trends in the dynamic evolution of digital addiction and depression. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1126815>
2. Ağirkan, M., Haspolat, N.K., Çelik, O. Exploring different technology addiction types in young adults: A latent profile analysis // *Current Psychology*. 2024. Vol. 43. P. 27225—27238. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06372-z>
Ağirkan, M., Haspolat, N.K., Çelik, O. Exploring different technology addiction types in young adults: A latent profile analysis. *Current Psychology*, 2024. Vol. 43, pp. 27225—27238. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06372-z>
3. App-Based addiction prevention at German vocational schools: implementation and reach for a cluster-randomized controlled trial / D. Guertler, D. Bläsing, A. Moehring, C. Meyer, D. Brandt, H. Schmidt, F. Rehbein, M. Neumann, A. Dreißigacker, A. Bischof, et al. // *Prevention Science*. 2024. Vol. 25(5). P. 849—860. <https://doi.org/10.1007/s11121-024-01702-w>
Guertler D., Bläsing D., Moehring A., Meyer C., Brandt D., Schmidt H., Rehbein F., Neumann M., Dreißigacker A., Bischof A., et al. App-Based addiction prevention at German vocational schools: implementation and reach for a cluster-randomized controlled trial. *Prevention Science*, 2024. Vol. 25(5), pp. 849—860. <https://doi.org/10.1007/s11121-024->

01702-w

4. Bağatarhan, T., Siyez, D.M. The digital addiction scale for children: psychometric properties of the Turkish version // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 19455—19465. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04675-1>
Bağatarhan, T., Siyez, D.M. The digital addiction scale for children: psychometric properties of the Turkish version. *Current Psychology*, 2023. Vol. 42, pp. 19455—19465. <https://doi.org/10.1007/s12144-023-04675-1>
5. Camerini, A., Morlino, S., Marciano, L. Boredom and digital media use: A systematic review and meta-analysis // *Computers in Human Behavior Reports*. 2023. Vol. 11. P. 100313. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2023.100313>
Camerini, A., Morlino, S., Marciano, L. Boredom and digital media use: A systematic review and meta-analysis. *Computers in Human Behavior Reports*, 2023. Vol. 11, pp. 100313. <https://doi.org/10.1016/j.chbr.2023.100313>
6. Career as a professional gamer: gaming motives as predictors of career plans to become a professional esports player / F. Bányai, A. Zsila, M.D. Griffiths, Z. Demetrovics, O. Király // *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01866>
Bányai F., Zsila Á., Griffiths M.D., Demetrovics Z., Király O. Career as a professional gamer: gaming motives as predictors of career plans to become a professional esports player. *Frontiers in Psychology*. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.01866>
7. Cheng, C., Li, A.Y. Internet Addiction Prevalence and Quality of (Real) Life: A meta-analysis of 31 nations across seven world regions // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2014. Vol. 17(12). P. 755—760. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0317>
Cheng, C., Li, A.Y. Internet Addiction Prevalence and Quality of (Real) Life: A meta-analysis of 31 nations across seven world regions. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2014. Vol. 17(12), pp. 755—760. <https://doi.org/10.1089/cyber.2014.0317>
8. Children’s internet use, self-reported life satisfaction, and parental mediation in Europe: an analysis of the EU kids online dataset / T. Milosevic, S. Kuldass, A. Sargioti, D.A. Laffan, J.O. Norman // *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.698176>
Milosevic T., Kuldass S., Sargioti A., Laffan D.A., Norman J.O. Children’s internet use, self-reported life satisfaction, and parental mediation in Europe: an analysis of the EU kids online dataset. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.698176>
9. Development and validation of a scale for streaming dependence (SDS) of online games in a Peruvian population / L.Z. Sairitupa-Sanchez, A. Collantes-Vargas, O. Rivera-Lozada, W.C. Morales-García. // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1184647>
Sairitupa-Sanchez L.Z., Collantes-Vargas A., Rivera-Lozada O., Morales-García W.C. Development and validation of a scale for streaming dependence (SDS) of online games in a Peruvian population. *Frontiers in Psychology*, 2023. Vol. 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1184647>
10. Development and validation of the digital addiction scale for teenagers (DAST) / R. Seema, M. Heidmets, K. Konstabel, E. Varik-Maasik // *Journal of Psychoeducational Assessment*. 2021. Vol. 40(2). P. 293—304. <https://doi.org/10.1177/07342829211056394>
Seema R., Heidmets M., Konstabel K., Varik-Maasik E. Development and validation of the digital addiction scale for teenagers (DAST). *Journal of Psychoeducational Assessment*, 2021.

- Vol. 40(2), pp. 293—304. <https://doi.org/10.1177/07342829211056394>
11. Effects of digital environments on children’s cognitive function and mental health: a bibliometric study / N. Xiao, X. Huang, B. Li, L. Sun, S. Kiselev // *Current Psychology*. 2024. Vol. 43. P. 28038—28052. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06476-6>
Xiao N., Huang X., Li B., Sun L., Kiselev S. Effects of digital environments on children’s cognitive function and mental health: a bibliometric study. *Current Psychology*, 2024. Vol. 43, pp. 28038—28052. <https://doi.org/10.1007/s12144-024-06476-6>
 12. Family socioeconomic status and young children digital addiction: A moderated mediation model / H. Li, M. Luo, B. Duan, A. Kawulia, M. Su, H. Di // *Frontiers in Psychology*. 2024. Vol. 15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1435575>
Li H., Luo M., Duan B., Kawulia A., Su M., Di H. Family socioeconomic status and young children digital addiction: A moderated mediation model. *Frontiers in Psychology*, 2024. Vol. 15. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1435575>
 13. Global prevalence of digital addiction in general population: A systematic review and meta-analysis / S.-Q Meng, J.-L. Cheng, Y.-Y. Li, X.-Q. Yang, J.-W. Zheng, X.-W. Chang, Y. Shi, Y. Chen, L. Lu, Y. Sun, et al. // *Clinical Psychology Review*. 2022. Vol. 92. P. 102128. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128>
Meng S.-Q., Cheng J.-L., Li Y.-Y., Yang X.-Q., Zheng J.-W., Chang X.-W., Shi Y., Chen Y., Lu L., Sun Y., et al. Global prevalence of digital addiction in general population: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, 2022. Vol. 92, pp. 102128. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128>
 14. Hawi, N.S., Samaha, M., Griffiths, M.D. The digital addiction scale for children: development and validation // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*. 2019. Vol. 22, no. 12. <https://doi.org/10.1089/cyber.2019.0132>
Hawi, N.S., Samaha, M., Griffiths, M.D. The digital addiction scale for children: development and validation. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2019. Vol. 22, no. 12. <https://doi.org/10.1089/cyber.2019.0132>
 15. One social media company to rule them all: Associations between use of facebook-owned social media platforms, sociodemographic characteristics, and the big five personality traits / D. Marengo, C. Sindermann, J.D. Elhai, C. Montag // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00936>
Marengo D., Sindermann C., Elhai J.D., Montag C. One social media company to rule them all: Associations between use of facebook-owned social media platforms, sociodemographic characteristics, and the big five personality traits. *Frontiers in Psychology*, 2020. Vol. 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00936>
 16. Path analysis reveals cross-country differences between Czech and Chinese university students in effect of internet and smartphone addiction, mental health, and personality traits on academic achievement in the post-pandemic era / J. Kvintova, J.S. Novotny, H. Liu, L. Vachova, J. Kantor // *BMC Psychology*. 2024. Vol. 12, no. 1. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02069-x>
Kvintova J., Novotny J.S., Liu H., Vachova L., Kantor J. Path analysis reveals cross-country differences between Czech and Chinese university students in effect of internet and smartphone addiction, mental health, and personality traits on academic achievement in the post-pandemic era. *BMC Psychology*, 2024. Vol. 12, no. 1. <https://doi.org/10.1186/s40359-024-02069-x>

024-02069-x

17. Saritepeci, M., Durak, H.Y., Uslu N.A. A latent profile analysis for the study of multiple screen addiction, mobile social gaming addiction, general mattering, and family sense of belonging in university students // *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2022. Vol. 21(6). P. 3699—3720. <https://doi.org/10.1007/s11469-022-00816-y>
Saritepeci, M., Durak, H.Y., Uslu N.A. A latent profile analysis for the study of multiple screen addiction, mobile social gaming addiction, general mattering, and family sense of belonging in university students. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2022. Vol. 21(6), pp. 3699—3720. <https://doi.org/10.1007/s11469-022-00816-y>
18. Self-Control and Digital Media Addiction: The mediating role of media multitasking and time style / A. Błachnio, A. Przepiorka, A. Cudo, A. Angeluci, M. Ben-Ezra, M. Durak, K. Kaniasty, E. Mazzoni, E. Senol-Durak, W. K. Hou, et al. // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. Vol. 16. P. 2283—2296. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S408993>
Błachnio A., Przepiorka A., Cudo A., Angeluci A., Ben-Ezra M., Durak M., Kaniasty K., Mazzoni E., Senol-Durak E., Hou W. K., et al. Self-Control and Digital Media Addiction: The mediating role of media multitasking and time style. *Psychology Research and Behavior Management*, 2023. Vol. 16, pp. 2283—2296. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S408993>
19. Smartphone addiction risk, technology-related behaviors and attitudes, and psychological well-being during the COVID-19 pandemic / A.-M. Popescu, R.-Ş. Balica, E. Lazăr, V. O. Buşu, J.-E. Vaşcu // *Frontiers in Psychology*. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.997253>
Popescu A.-M., Balica R.-Ş., Lazăr E., Buşu V. O., Vaşcu J.-E. Smartphone addiction risk, technology-related behaviors and attitudes, and psychological well-being during the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychology*, 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.997253>
20. Stress and internet addiction: mediated by anxiety and moderated by Self-Control / X. Shen, C. Wang, C. Chen, Y. Wang, Z. Wang, Y. Zheng, H. Liu // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. Vol. 16. P. 1975—1986. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S411412>
Shen X., Wang C., Chen C., Wang Y., Wang Z., Zheng Y., Liu H. Stress and internet addiction: mediated by anxiety and moderated by Self-Control. *Psychology Research and Behavior Management*, 2023. Vol. 16, pp. 1975—1986. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S411412>
21. The association between digital addiction and interpersonal relationships: A systematic review and meta-analysis / X. Yang, T. Liao, Y. Wang, L. Ren, J. Zeng // *Clinical Psychology Review*. 2024. Vol. 114. P. 102501. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2024.102501>
Yang X., Liao T., Wang Y., Ren L., Zeng J. The association between digital addiction and interpersonal relationships: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, 2024. Vol. 114, pp. 102501. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2024.102501>
22. The association between internet addiction and psychiatric co-morbidity: a meta-analysis / R. C. Ho, M. W. Zhang, T. Y. Tsang, A. H. Toh, F. Pan, Y. Lu, C. Cheng, P. S. Yip, L. T. Lam, C. Lai, et al. // *BMC Psychiatry*. 2014. Vol. 14. <https://doi.org/10.1186/1471-244X-14-183>
Ho R. C., Zhang M. W., Tsang T. Y., Toh A. H., Pan F., Lu Y., Cheng C., Yip P. S., Lam, C. Lai L. T., et al. The association between internet addiction and psychiatric co-morbidity: a meta-analysis. *BMC Psychiatry*, 2014. Vol. 14. <https://doi.org/10.1186/1471-244X-14-183>

23. The correlation between internet addiction and interpersonal relationship among teenagers and college Students Based on Pearson's Correlation Coefficient: A Systematic Review and Meta-Analysis / Q. Hao, W. Peng, J. Wang, Y. Tu, H. Li, T. Zhu // *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.818494>
Hao Q., Peng W., Wang J., Tu Y., Li H., Zhu T. The correlation between internet addiction and interpersonal relationship among teenagers and college Students Based on Pearson's Correlation Coefficient: A Systematic Review and Meta-Analysis. *Frontiers in Psychiatry*. 2022. Vol. 13. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.818494>
24. Van Endert, T.S. Addictive use of digital devices in young children: Associations with delay discounting, self-control and academic performance // *PLoS ONE*. 2021. Vol. 16(6). P. e0253058. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253058>
Van Endert, T.S. Addictive use of digital devices in young children: Associations with delay discounting, self-control and academic performance. *PLoS ONE*, 2021. Vol. 16(6), pp. e0253058. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253058>

Информация об авторе

Андрей Николаевич Неврюев, кандидат психологических наук, старший преподаватель департамента психологии и развития человеческого капитала факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (ФГОБУ ВО «Финуниверситет»), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Information about the author

Andrey N. Nevryuev, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation; Senior Lecturer, Department of General Psychology, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8640-9717>, e-mail: annevryuev@fa.ru

Получена 11.11.2024
Принята в печать 14.03.2025

Received 11.11.2024
Accepted 14.03.2025

Влияние личностного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье

Петров В.Е.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена исследованию проблемы психологических последствий пребывания человека в экстремальных условиях, а именно — оценке влияния личностного выбора участия в добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье. Выборка представлена 142 военнослужащими-добровольцами в возрасте $32,18 \pm 10,04$ года, принимавшими участие в специальной военной операции продолжительностью $13,37 \pm 3,79$ месяца. Эмпирическое исследование проводилось с помощью: 1) опросника оценки личностного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве В.Е. Петрова; 2) анкеты изучения отношения к семье; 3) анкеты ценностей жизнедеятельности. Основу математико-статистической обработки данных составили: 1) оценка различий в группах; 2) корреляционный анализ. Результаты исследования показали, что осознанность личностного выбора экстремально-соучаствующей деятельности связана с приоритетом у добровольцев таких ценностей, как справедливость, идентичность со значимыми, дружба/товарищество, национальная идея, что во многом поддерживает комфорт и стабильность межличностных отношений в семье, формирует перспективы брачного союза. Подтверждена ценность семьи как мотивирующего фактора участия в добровольчестве. Личностный выбор позволяет исключить (сделать маловероятным) перенос проблем экстремальности на семью, снизить конфликтность в отношениях. Участие в вооруженном конфликте повышает значимость дружбы (товарищества) до уровня семейных отношений. Материал ориентирован на совершенствование мер психологической поддержки экстремального добровольчества в России, а также подхода к оказанию социально-психологической помощи семьям участников вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: экстремальное добровольчество, личностный выбор, ценности, межличностные отношения, семья

Петров В.Е.

Влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 75–88.

Petrov V.E.

The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 75–88.

Для цитаты: *Петров В.Е.* Влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Т. 2. № 1. С. 75–88. DOI:10.17759/epps.2025020106

The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family

Vladislav E. Petrov

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the problem of the psychological consequences of a person's stay in extreme conditions, namely, the assessment of the influence of personal choice of volunteering on the subjective attitude of military personnel to the family. The sample consists of 142 volunteer military personnel aged 32.18 ± 10.04 years who participated in a special military operation with a duration of 13.37 ± 3.79 months. An empirical study was conducted using: 1) a questionnaire for assessing personal choice of V.E. Petrov's participation in extreme volunteerism; 2) a questionnaire for studying family attitudes; 3) questionnaires of life values. The mathematical and statistical data processing is based on: 1) assessment of differences in groups; 2) correlation analysis. The results of the study showed that awareness of the personal choice of extreme co-participating activities is associated with the priority of such values as justice, identity with significant others, friendship/camaraderie, national idea among volunteers, which in many ways supports the comfort and stability of interpersonal relations in the family, forms the prospects of marriage. The value of family as a motivating factor for volunteering has been confirmed. Personal choice makes it possible to exclude (make unlikely) the transfer of problems of extremity to the family, to reduce conflict in relationships. Participation in an armed conflict increases the importance of friendship (camaraderie) to the level of family relations. The material focuses on improving psychological support measures for extreme volunteerism in Russia, as well as an approach to providing social and psychological assistance to families of participants in armed conflicts.

Keywords: extreme volunteerism, personal choice, values, interpersonal relationships, family

Петров В.Е.

Влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 75–88.

Petrov V.E.

The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 75–88.

For citation: Petrov V.E. The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 75–88 DOI: 10.17759/epps.2025020106 (In Russ.).

Введение

Волонтерство прочно интегрировано в жизнь современного общества. В условиях вооруженных конфликтов, войн или катастроф соучаствующая деятельность обретает форму экстремального добровольчества. Соучастие является своеобразным индикатором уровня развития общества и отношений в нем, сформированности патриотических и гражданских начал, идейности. Делая экзистенциальный выбор, личность осознанно вступает на путь лишений, ограничений, угроз, конфликтов и противоречий. Хотим мы этого или нет, но экстремальность накладывает определенный отпечаток на личность и ее существование в дальнейшем, в том числе на межличностные отношения в семье.

Последствия пребывания представителей силовых ведомств в зонах с экстремальными условиями деятельности нашли широкое отражение в публикациях. Так, например, среди социально-психологических проблем участия в специальной военной операции Т.И. Горина выделяет непонимание в семье и референтном окружении, равнодушие, зависть [5], Л.А. Герасимова — напряженность в супружеских отношениях [3], В.Л. Глебов — изменение моделей поведения и взаимоотношений, утрату чувства привязанности и любви [4]. На необходимость социально-психологической реадaptации (реабилитации) участников боевых действий, реституции социальных связей указывается в работах Е.Г. Ичитовкиной, Н.В. Бойко, С.В. Жернова [7], М.М. Наумовой [9], А.В. Пригоды [12]. Ряд специалистов придерживается мнения о медико-социально-психологической поддержке комбатантов и членов их семей еще на этапе излечения и восстановления после получения соматических или психогенных травм. Огромная роль в ресоциализации отводится членам семей участников боевых действий (Н.А. Табашникова, Т.П. Филатова, И.В. Салдина и др. [16], В.В. Шепелева, О.Б. Нестеренко [19], А.А. Зайцев, Т.Е. Левицкая, Е.Н. Дмитриева [13]). Несмотря на выраженную актуальность проблематики психологической поддержки участников специальной военной операции и членов их семей для современной России, вопрос влияния личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье остается открытым.

Обзор литературы

В научных публикациях проблема психологического сопровождения участников боевых действий и членов их семей представлена достаточно широко. Дискутируются общие вопросы психологической помощи и поддержки, например, в трудах А.В. Щедилова, И.В. Юдина [20], М.А. Москвитиной, П.Н. Москвитина [8], Я.О. Новиковой, О.В. Финиковой [10]. В 2025 году авторским коллективом факультета «Экстремальная психология» Московского государственного психолого-педагогического университета подготовлено и издано уникальное учебное пособие «Психологическая поддержка участников вооруженных конфликтов» [14], в котором детализированы подходы, технологии и техники психологической работы как с участниками боевых действий, так и с членами их семей. По сути, авторами пособия задан вектор психопрактики со всеми лицами, имеющими отношение

Петров В.Е.

Влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 75–88.

Petrov V.E.

The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 75–88.

к экстремальной деятельности, на многие годы вперед.

На обсуждение специалистов выносятся частные вопросы влияния пребывания в экстремальных условиях на отношения с окружающими. Эмоциональные аспекты участия в боевых действиях нашли отражение в работах И.В. Белашевой, П.Н. Ермакова [1], Т.Н. Савченко, Г.М. Головиной [15], ценностно-смысловые аспекты — в публикациях П.Д. Беляевой, Е.В. Шаповаловой [2], В.Е. Петрова [11], А.В. Ермолаевой [6]. Актуализируется влияние психологической травматизации комбатантов на межличностные отношения с окружающими (В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, Н.Ю. Юнина-Пакулова и др. [17], Ю.А. Шаранов, А.С. Душкин [18]).

Следует отметить, что психологическая проблематика комбатантов и межличностных отношений с близкими (референтным окружением) достаточно хорошо отработана применительно к представителям силовых ведомств. Однако влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье осталось вне поля зрения ученых, что делает актуальным тему настоящей статьи.

Организация исследования

Цель: изучить влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье. Научная гипотеза исследования: личный выбор соучастия в добровольчестве закрепляет для военнослужащего высокий ценностно-смысловой статус семьи, позволяет гармонизировать межличностные отношения между супругами. Исследование опиралось на аксиологический и самодетерминационный подходы в психологии, а также на авторскую 16-факторную модель личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве [11].

Методы

1) Для изучения субъективного отношения военнослужащего к семье применялась одноименная анкета с 24 утверждениями, ответы на которые семантически дифференцировались от 1 балла (не согласен) до 9 баллов (согласен). В инструкции к анкете указывалось: «Отметьте, пожалуйста, как изменилось Ваше мнение по следующим утверждениям за последние три года» (нами предполагалось, что период, предшествующий опросу, был связан с выполнением задач в экстремальных условиях). 2) Для изучения ценностей, оказавших влияние на отношение военнослужащих к семье, применялась модифицированная авторская анкета, в основу которой были положены ценности, указанные в методике М. Рокича. Респондентам предлагалось проранжировать по степени субъективной значимости список из 20 ценностей. 3) Для оценки выраженности личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве применялся одноименный опросник В.Е. Петрова [11], который определялся по интегральному показателю P_{ch} .

Математическая статистика

В основе обработки данных лежала оценка различий в контрастных по критерию выраженности личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве группах по U-критерию Манна-Уитни (по всем показателям, полученным в ходе анкетного опроса). Применялся корреляционный анализ по Ч. Спирмену между частными показателями анкетного опроса. Расчеты осуществлялись в статистическом пакете IBM Statistics v. 27.

Выборка исследования

Выборка представлена 142 военнослужащими-добровольцами (мужчины) в возрасте $32,18 \pm 10,04$ года, принимавшими участие в специальной военной операции. Продолжительность выполнения задач в особых условиях составила $13,37 \pm 3,79$ месяца. Все респонденты были женаты (63 чел., 44,4%) или проживали с женщиной (79 чел., 55,6%).

Результаты

В зависимости от уровня выраженности личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве выборка была разделена на две группы: 1) лица с высоким уровнем мотивации к экстремально-соучаствующей деятельности (93 чел.); 2) лица с низким уровнем мотивационной направленности на экстремальное добровольчество (49 чел.). Дифференцирование участников по группам проводилось по интегральному показателю R_{ch} опросника оценки личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве. Проведено сравнение индивидуальных результатов в группах 1 и 2, полученных в ходе анкетирования (оценивание и ранжирование).

Установлены различия ответов на утверждения анкеты в группах добровольцев с разным уровнем выраженности личного выбора соучастия (табл. 1). Можно констатировать, что осознанный выбор участия в экстремально-соучаствующей деятельности в целом направлен на укрепление института семьи и брака. В ответах военнослужащих с низким уровнем мотивации прослеживается категоричность (утвердительный выбор) в таких утверждениях, как «Отношения с противоположным полом стали некомфортными» ($p = 0,000$), «С противоположным полом у меня ничего не может быть общего» ($p \leq 0,003$), «Мужчинам нет необходимости искать “вторую половинку”» ($p \leq 0,028$). Респонденты из группы 2 априори склонны приписывать женщинам корысть: «Женщин в мужчинах привлекает только достаток» ($p \leq 0,003$), — хотя подобные тенденции проявляют сами: «Счастье — это быть одному и в достатке» ($p \leq 0,033$), «Комфорт в быту привлекает больше, чем комфорт в семье» ($p \leq 0,019$). В противоположность этому военнослужащие с высоким уровнем мотивации к экстремально-соучаствующей деятельности считают, что «ради семьи допустимо испытывать трудности и ограничения» ($p \leq 0,037$). Данные анкетного опроса позволяют предположить, что личный выбор соучастия в экстремальном добровольчестве, основанный на патриотизме, идейности, целостности личности и мировоззрения, интегрирует семью в систему ценностей и смыслов жизнедеятельности субъекта, а пребывание в экстремальных условиях не вызывает психического напряжения и конфликта ценностей, а рассматривается индивидом как реализация экзистенциального предназначения (в т. ч. по защите семьи).

Таблица 1

Оценка различий в субъективных представлениях о семье в группах добровольцев с разным уровнем выраженности личного выбора соучастия

Вопрос анкеты	Средний ранг		U-критерий	p
	группа 1	группа 2		
Отношения с противоположным полом стали некомфортными	61,92	89,68	1387,5	0,000
Моя семья — это круг друзей	69,21	75,85	2065,5	0,356

В современной жизни можно обойтись без детей	69,74	74,84	2115,0	0,478
Мужчинам нет необходимости искать «вторую половинку»	66,03	81,88	1770,0	0,028
Комфорт в быту привлекает больше, чем комфорт в семье	65,69	82,52	1738,5	0,019
Считаю, что супруга (девушка) эмоционально ближе, чем родители	75,57	63,78	1900,0	0,100
Испытания только укрепляют семью	75,26	64,37	1929,0	0,130
По моему мнению, многодетные семьи — источник проблем	70,79	72,85	2212,5	0,773
Работа никогда не сможет заменить семью	69,02	76,21	2047,5	0,315
С каждым годом проблем в семейных отношениях становится больше	69,88	74,57	2128,0	0,514
В семье трудно найти темы для разговоров	71,79	69,51	2181,0	0,750
Не уверен, что супруге (девушке) нужен муж (мужчина) — инвалид	75,54	63,83	1902,5	0,103
Дети — это один из важнейших смыслов в жизни	74,58	65,66	1992,5	0,215
С непониманием в семье сталкиваюсь чаще, чем на работе (службе)	66,88	78,74	1874,5	0,097
Дети приносят семье больше проблем, чем их отсутствие	69,49	75,32	2091,5	0,417
Женщин в мужчинах привлекает только достаток	64,24	85,28	1603,5	0,003
Скучаю при длительном расставании с семьей	74,67	65,49	1984,0	0,201
Счастье — это быть одному и в достатке	66,22	81,53	1787,0	0,033
При наличии возможности готов посвятить жизнь детям	74,92	65,00	1960,0	0,168
С противоположным полом у меня ничего не может быть общего	64,39	85,00	1617,0	0,003
Хочется больше времени проводить с семьей, нежели с коллегами	75,33	64,22	1922,0	0,121
Ради семьи допустимо испытывать трудности и ограничения	76,65	61,73	1800,0	0,037
Ценность семьи теряет всякий смысл	71,32	71,85	2261,5	0,941
В современной семье никто никому ничего не должен	68,96	76,33	2042,0	0,304

Исследованы различия в ценностях экстремальных добровольцев в группах 1 и 2, в контексте их влияния на отношение к семье (табл. 2). Результаты исследования показали, что осознанность личного выбора экстремально-соучаствующей деятельности связана с приоритетом у добровольцев таких ценностей, как справедливость ($p = 0,000$), идентичность со значимыми ($p = 0,000$), дружба/товарищество ($p = 0,000$), национальная идея / патриотизм ($p = 0,000$), религия/вера ($p \leq 0,013$). При этом добровольцы со сниженной мотивацией к

экстремально-соучаствующей деятельности отличаются выраженностью следующих ценностей: материально-обеспеченная жизнь ($p = 0,000$), свобода/самостоятельность ($p = 0,000$), саморазвитие/обучение ($p = 0,000$), удовольствие от жизни ($p = 0,000$), высокий социальный статус / карьера ($p \leq 0,004$).

Таблица 2

Оценка различий в ценностных ориентациях добровольцев с разным уровнем выраженности личного выбора соучастия

Вопрос анкеты	Средний ранг		U-критерий	p
	группа 1	группа 2		
внутренняя гармония	73,93	66,89	2052,5	0,331
интересная работа (служба)	71,92	70,69	2239,0	0,865
материально обеспеченная жизнь	58,59	96,01	1077,5	0,000
общественное признание	68,83	76,57	2030,0	0,285
жизнь	72,83	68,97	2154,5	0,591
саморазвитие, обучение	60,97	91,48	1299,5	0,000
свобода (самостоятельность)	58,09	96,95	1031,5	0,000
счастливая семейная жизнь	69,99	74,37	2138,0	0,545
удовольствие от жизни	62,48	88,61	1440,0	0,000
дружба, товарищество	82,90	49,87	1218,5	0,000
национальная идея, патриотизм	84,16	47,48	1101,5	0,000
самореализация	72,67	69,29	2170,0	0,641
высокий социальный статус, карьера	64,32	85,12	1611,0	0,004
безопасность родных (близких)	77,80	59,54	1692,5	0,012
духовное развитие	67,83	78,47	1937,0	0,142
справедливость	80,91	53,64	1403,5	0,000
здоровье (психическое и физическое)	72,34	69,91	2200,5	0,737
комфортные условия существования	66,94	80,16	1854,0	0,068
идентичность со значимыми	83,39	48,94	1173,0	0,000
религия, вера	77,24	60,60	1744,5	0,013

Для проверки влияния ценностей, выраженных у экстремальных добровольцев, на их субъективное отношение к семье проведен корреляционный анализ между показателями анкетных опросов (табл. 3). Наиболее «нагруженной» из 20 ценностей, включенных в анкету, оказалась ценность «Счастливая семейная жизнь», которая продемонстрировала статистически значимую корреляцию со всеми утверждениями (за исключением ответа на высказывание «Считаю, что супруга (девушка) эмоционально ближе, чем родители»). Корреляционные связи подтвердили, что у лиц, придерживающихся указанной выше ценности, отсутствуют некомфортные отношения с противоположным полом ($R_s = -0,204$; $p \leq 0,05$), имеет место приоритет семьи над кругом друзей ($R_s = -0,181$; $p \leq 0,05$), делается акцент на детях («В современной жизни можно обойтись без детей» — $R_s = -0,383$; $p \leq 0,01$; «По моему мнению, многодетные семьи — источник проблем» — $R_s = -0,219$; $p \leq 0,01$; «Дети — это один из важнейших смыслов в жизни» — $R_s = 0,332$; $p \leq 0,01$; «Дети приносят семье больше

проблем, чем их отсутствие» — $R_s = -0,254$; $p \leq 0,01$; «При наличии возможности готов посвятить жизнь детям» — $R_s = 0,475$; $p \leq 0,01$). Респонденты ориентированы на создание и укрепление семьи («Мужчинам нет необходимости искать “вторую половинку”» — $R_s = -0,342$; $p \leq 0,01$; «Работа никогда не сможет заменить семью» — $R_s = 0,392$; $p \leq 0,01$; «Счастье — это быть одному и в достатке» — $R_s = -0,425$; $p \leq 0,01$; «Ценность семьи теряет всякий смысл» — $R_s = -0,424$; $p \leq 0,01$). Семья имеет сакраментальный для добровольцев смысл, поддерживая индивида в экстремальных условиях, ассоциируясь с комфортом, уютом и безопасностью («Комфорт в быту привлекает больше, чем комфорт в семье» — $R_s = -0,432$; $p \leq 0,01$; «Скучаю при длительном расставании с семьей» — $R_s = -0,382$; $p \leq 0,01$; «Хочется больше времени проводить с семьей, нежели с коллегами» — $R_s = 0,407$; $p \leq 0,01$; «Не уверен, что супруге (девушке) нужен муж (мужчина) — инвалид» — $R_s = -0,392$; $p \leq 0,01$).

Таблица 3

Корреляты между субъективным отношением военнослужащих к семье и их ценностями

Вопрос анкеты / Ценности	1 / 2	3 / 4	5 / 6	7 / 8	9 / 10	11 / 12	13 / 14	15 / 16	17 / 18	19 / 20
Отношения с противоположным полом стали некомфортными			-0,231** -	- -0,204*						
Моя семья — это круг друзей				- -0,181*				- 0,169*		
В современной жизни можно обойтись без детей		- 0,183*		0,228** -0,383**		-0,169* -	0,309** -0,373**			
Мужчинам нет необходимости искать «вторую половинку»		- 0,167*	-0,206** -	- -0,342**			0,169* -0,211*			0,184* -
Комфорт в быту привлекает больше, чем комфорт в семье				- -0,423**			0,182* -0,253**			0,197* -
Считаю, что супруга (девушка) эмоционально ближе, чем родители						- -0,185*				
Испытания только укрепляют семью				- 0,315**		- -0,209*				
По моему мнению, многодетные семьи — источник проблем				0,183* -0,219**		- 0,172*	- -0,262**			
Работа никогда не сможет заменить семью		-0,190* -0,300**	0,289** -0,188*	-0,224** 0,392**	0,227** -	0,237** -	-0,484** 0,403**	-0,240** 0,204*		-0,198* 0,221**
С каждым годом проблем в семейных отношениях становится больше		0,194* -		- -0,190*						
В семье трудно найти темы для разговоров	-0,224** -	0,237** 0,187*	-0,292** -	0,196* -0,336**			0,222** -0,214*	0,205* -	-0,191* -	
Не уверен, что супруге (девушке) нужен муж (мужчина) — инвалид	-0,166* 0,167*	0,237** 0,188*		0,310** -0,392**			0,263** -0,240**	- -0,229**		

Дети — это один из важнейших смыслов в жизни			0,169*	-					
			-	0,332**					
С непониманием в семье сталкиваюсь чаще, чем на работе (службе)									
Дети приносят семье больше проблем, чем их отсутствие									
Женщин в мужчинах привлекает только достаток									
Скучаю при длительном расставании с семьей									
Счастье — это быть одному и в достатке									
При наличии возможности готов посвятить жизнь детям									
С противоположным полом у меня ничего не может быть общего									
Хочется больше времени проводить с семьей, нежели с коллегами									
Ради семьи допустимо испытывать трудности и ограничения									
Ценность семьи теряет всякий смысл									
В современной семье никому ничего не должен									

Условные обозначения: 1 — внутренняя гармония; 2 — интересная работа (служба); 3 — материально обеспеченная жизнь; 4 — общественное признание; 5 — жизнь; 6 — саморазвитие, обучение; 7 — свобода (самостоятельность); 8 — счастливая семейная жизнь; 9 — удовольствие от жизни; 10 — дружба, товарищество; 11 — национальная идея, патриотизм; 12 — самореализация; 13 — высокий социальный статус, карьера; 14 — безопасность родных (близких); 15 — духовное развитие; 16 — справедливость; 17 — здоровье (психическое и физическое); 18 — комфортные условия существования; 19 — идентичность со значимыми; 20 — религия, вера.
* — значимость на уровне $p \leq 0,05$; ** — значимость на уровне $p \leq 0,01$.

Аналогичные результаты (тенденции) отмечены при оценке взаимосвязи ценностей «безопасность родных (близких)», «дружба/товарищество», «идентичность со значимыми» и некоторых иных с утверждениями анкеты. Противоположное влияние на субъективное отношение к семье оказывают утилитарно-гедонистические, витальные ценности (например, индивиду с ориентацией на «материально-обеспеченную жизнь» сложно найти в семье темы для разговора — $R_s = 0,237$; $p \leq 0,01$; ценность семьи утрачена — $R_s = 0,276$; $p \leq 0,01$).

Обсуждение результатов

Установлено влияние личного выбора экстремального добровольчества на ценности военнослужащих, через которые проецируется субъективное отношение к семье, противоположному полу или детям. У добровольцев с высоким уровнем мотивации к экстремально-соучаствующей деятельности констатируется выраженность таких просоциальных и просемейных ценностей, как справедливость, идентичность со значимыми, дружба/товарищество, религия/вера. Ценность семьи позиционируется как мотивирующий фактор участия в добровольчестве и специфический ресурс личности, подкрепляющий выбор и смысл деятельности. Ради семьи добровольцы готовы испытывать определенные трудности и ограничения.

Военнослужащие с низким уровнем мотивации придерживаются витальных, индивидуалистических и гедонистических ценностей (материально обеспеченная жизнь, свобода/самостоятельность, саморазвитие/обучение, удовольствие от жизни, высокий социальный статус / карьера. Они в большей степени демонстрируют категоричность в оценках субъективного отношения к семье, в первую очередь повышенную конфликтность, скептицизм в оценке роли и перспектив семейного существования, а также рассматривают детей как обузу для счастливой жизни.

При этом участие в вооруженном конфликте повышает значимость дружбы (товарищества) до уровня семейных отношений. Идентичность с сослуживцами начинает конкурировать с идентичностью с супругой и детьми. У добровольцев с высоким уровнем мотивации к экстремально-соучаствующей деятельности ценность дружбы (в первую очередь боевого братства) сочетается с ценностью семейных отношений, у лиц с низким уровнем — входит в определенные противоречия, в некоторых случаях замещая семью.

Проведенное исследование подтверждает широкие возможности использования разработанного В.Е. Петровым опросника оценки личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве при изучении личности участников боевых действий.

Заключение

В целом, гипотеза исследования нашла свое подтверждение, а именно: личный выбор соучастия в добровольчестве закрепляет высокий ценностно-смысловой статус семьи для военнослужащего, позволяет гармонизировать межличностные отношения между супругами.

Результаты исследования позволяют совершенствовать подходы, методы, формы и технологии психологической поддержки экстремального добровольчества, реадaptации лиц, выполнявших профессиональные задачи в особых условиях. Материал направлен на развитие мер психологической помощи членам семей участников боевых действий, укрепление традиционных ценностей в России.

Ограничения. Исследование проведено на относительно небольшой выборке (142 человека), что позволяет установить тенденции в части влияния личного выбора экстремально-соучаствующей деятельности на субъективное отношение к семье. Однако проведенное нами анкетирование осуществлялось однократно по прошествии $13,37 \pm 3,79$ месяца пребывания добровольцев в экстремальных условиях. Для получения более достоверного результата целесообразно увеличить количество «срезов» исследования и проводить его после более длительного периода пребывания в условиях специальной военной

операции. Не учитывались особенности и исходный уровень межличностных отношений в семье до командировки в зону с экстремальными условиями деятельности.

Следует особо отметить, что объем настоящей статьи не позволил полностью описать богатый эмпирический материал исследования. Актуальным будет продолжение интерпретации полученных результатов.

Перспективы исследования. Проведенное исследование позволяет выделить перспективные направления научных изысканий в области психологии экстремального добровольчества: изучение динамики субъективного отношения военнослужащих к семье в период длительного выполнения задач в особых условиях; оценка диадной совместимости супругов, один из которых является военнослужащим, на основе ценностей добровольчества; исследование отношения супруги и иных близких родственников к личностному выбору участия в экстремальном добровольчестве. Практико-ориентированным следует признать разработку мер превентивной психологической поддержки супружеских отношений до момента выполнения задач в экстремальных условиях.

Литература/References

1. Белашева, И.В., Ермаков, П.Н. Эмоционально-личностные детерминанты субъективного благополучия военнослужащих, участвовавших в боевых действиях // *Сибирский психологический журнал*. 2024. № 93. С. 37–60. <https://doi.org/10.17223/17267080/93/3>
 Belasheva, I.V., Ermakov, P.N. Emotional and personal determinants of the subjective well-being of military personnel who participated in combat operations. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal*, 2024, no. 93, pp. 37–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/93/3>
2. Беляева, П.Д., Шаповалова, Е.В. Ценностно-смысловая сфера как фактор адаптации участников боевых действий в условиях мирной жизни // *Вестник науки*. 2025. Т. 1. № 1 (82). С. 218–227.
 Belyaeva, P.D., Shapovalova, E.V. The value-semantic sphere as a factor of adaptation of combatants in a peaceful life. *Vestnik nauki*, 2025. Vol. 1, no. 1 (82), pp. 218–227. (In Russ.).
3. Герасимова, Л.А. Ключевые проблемы и механизмы воздействия на процесс ресоциализации участников боевых действий // *Концепт*. 2024. № 11. С. 411–420. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-12020
 Gerasimova, L.A. Key problems and mechanisms of influence on the process of resocialization of combatants. *Koncept*, 2024, no. 11, pp. 411–420. (In Russ.). DOI: 10.24412/2304-120X-2024-12020
4. Глебов, В.Л. Влияние социально-психологических последствий участия в боевых действиях на внутрисемейные отношения офицеров: Дис. ... канд. психол. наук. Воен. ун-т. М., 2004. 182 с.
 Glebov, V.L. The impact of the socio-psychological consequences of participation in hostilities on officers' family relationships: Dis. Kand. Dr. Sci. (Psychol). Military University. Moscow. 2004. 182 p. (In Russ.).
5. Горина, Т.И. Специфические вызовы и проблемы семей участников СВО: результаты фокус-групповых дискуссий // *Теория и практика общественного развития*. 2024. № 6. С. 38–50. <https://doi.org/10.24158/tipor.2024.6.4>
 Gorina, T.I. Specific challenges and problems of the participants' families: results of focus group discussions. *Theory and Practice of Social Development*, 2024, no. 6, pp. 38–50. (In Russ.).

Петров В.Е.

Влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 75–88.

Petrov V.E.

The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 75–88.

<https://doi.org/10.24158/tipor.2024.6.4>

6. Ермолаева, А.В. Психологические особенности личности военнослужащего — участника боевых действий [Электронный ресурс] // *Психолого-педагогические исследования*. 2013. Т. 5. № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n1/59114 (дата обращения: 20.01.2025)
Ermolaeva, A.V. Psychological characteristics of the personality of a combatant soldier [Electronic resource]. *Psychological-Educational Studies*, 2013. Vol. 5, no. 1. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n1/59114 (viewed: 20.01.2025)
7. Ичитовкина, Е.Г., Бойко, Н.В., Жернов, С.В. Особенности психосоциальной адаптации комбатантов в условиях мирной жизни в зависимости от профиля их профессиональной деятельности // *Гаудеамус*. 2024. Т. 23. № 2. С. 42—50. <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2024-23-2-42-50>
Ichitovkina, E.G., Boyko, N.V., Zhernov, S.V. Features of psychosocial adaptation of combatants in conditions of peaceful life, depending on the profile of their professional activity. *Gaudeamus*, 2024. Vol. 23, no. 2, pp. 42—50. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/1810-231X-2024-23-2-42-50>
8. Москвитина, М.А., Москвитин, П.Н. Организационно-методические аспекты психологического сопровождения комбатантов и членов их семей // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2023. № 7. С. 61—68. <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.34.57.019>
Moskvitina, M.A., Moskvitin, P.N. Organizational and methodological aspects of psychological support for combatants and their family members. *The Humanities and Social-Economic Sciences*, 2023, no. 7, pp. 61—68. (In Russ.).
9. Наумова, М.М. К вопросу о социальной дезадаптации участников боевых действий и подходах к их реабилитации // *Вестник науки*. 2023. Т. 5. № 10 (67). С. 766—770.
Naumova, M.M. On the issue of social maladaptation of combatants and approaches to their rehabilitation. *Vestnik nauki*, 2023. Vol. 5, no. 10 (67), pp. 766—770. (In Russ.).
10. Новикова, Я.О., Финикова, О.В. Психолого-педагогические аспекты реадaptации и реабилитации участников специальной военной операции // *Проблемы правоохранительной деятельности*. 2024. № 3. С. 82—86.
Novikova, Ya.O., Finikova, O.V. Psychological and pedagogical aspects of readaptation and rehabilitation of participants in a special military operation. *Problems of law-enforcement activity*, 2024, no 3, pp. 82—86. (In Russ.).
11. Петров, В.Е. Факторная модель личного выбора соучастия в экстремальном добровольчестве и его диагностика // *Прикладная психология и педагогика*. 2024. № 4. С. 75—94. <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94>
Petrov, V.E. Factor model of personal choice of participation in extreme volunteerism and its diagnosis. *Applied Psychology and Pedagogy*, 2024, no. 4, pp. 75—94. (In Russ.). <https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-4-75-94>
12. Пригода, А.В. Кризисная психологическая помощь родственникам военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции // *Шаг в науку*. 2023. № 2. С. 42—45.
Prigoda, A.V. Crisis psychological assistance to relatives of military personnel taking part in a

special military operation. *Step to Science*, 2023, no. 2, pp. 42–45. (In Russ.).

13. Проблема здоровья и адаптации военнослужащих, принимавших участие в современных локальных войнах и вооруженных конфликтах / А.А. Зайцев, Т.Е. Левицкая, Е.Н. Дмитриева // *Вестник Томского государственного университета*. 2009. № 319. С. 165–168.
Zaytsev, A.A., Levitskaya, T.E., Dmitrieva, E.N. The problem of health and adaptation of military personnel who took part in modern local wars and armed conflicts. *Tomsk State University Journal*, 2009, no. 319, pp. 165–168. (In Russ.).
14. Психологическая поддержка участников вооруженных конфликтов: учебное пособие / Т.Н. Березина, Д.В. Деулин, К.И. Дьячук и др.; под общ. ред. М.И. Марьина, В.Е. Петрова. М.: КноРус, 2025. 308 с.
Berezina, T.N., Deulin, D.V., D'yachuk, K.I., et al.; Maryina, M.I., Petrova, V.E. (ed.). *Psychological support for participants in armed conflicts: a textbook*. Moscow: KnoRus, 2025. 308 p. (In Russ.).
15. Савченко, Т.Н., Головина, Г.М. Алекситимия как эмоциональный фактор структуры субъективного качества жизни // *Прикладная юридическая психология*. 2021. № 3. С. 82–92.
Savchenko, T.N., Golovina, G.M. Alexithymia as an emotional factor in the structure of subjective quality of life. *Applied Legal Psychology*, 2021, no. 3, pp. 82–92. (In Russ.).
16. Социально-психологическая реабилитация участников боевых действий с посттравматическими стрессовыми расстройствами / Н.А. Табашникова, Т.П. Филатова, И.В. Салдина и др. // *Национальная ассоциация ученых*. 2015. № 9-2 (14). С. 158–161.
Tabashnikova, N.A., Filatova, T.P., Saldina, I.V. et al. Socio-psychological rehabilitation of combat participants with post-traumatic stress disorders. *The National Association of Scientists*, 2015, no. 9-2 (14), pp. 158–161. (In Russ.).
17. Структура временной перспективы участников боевых действий с ампутацией конечностей / В.Б. Никишина, Е.А. Петраш, Н.Ю. Юнина-Пакулова и др. // *Вестник РГМУ: научный медицинский журнал РНИМУ им. Н.И. Пирогова*. 2024. № 4. С. 64–71. <https://doi.org/10.24075/vrgmu.2024.028>
Nikishina, V.B., Petrash, E.A., Yunina-Pakulova, N.Yu., et al. The structure of the time perspective of participants in combat operations with amputation of limbs. *Bulletin of RSMU: Biomedical Journal of Pirogov University (Moscow, Russia)*, 2024, no. 4, pp. 64–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.24075/vrgmu.2024.028>
18. Шаранов, Ю.А., Душкин, А.С. Психологическая травматизация сотрудников правоохранительных органов, выполнявших оперативно-служебные задачи в особых условиях // *Прикладная юридическая психология*. 2023. № 2 (63). С. 26–38.
Sharanov, Yu.A., Dushkin, A.S. Psychological traumatization of law enforcement officers who performed operational and official tasks in special conditions. *Applied Legal Psychology*, 2023, no. 2 (63), pp. 26–38. (In Russ.).
19. Шепелева, В.В., Нестеренко, О.Б. Модель клинико-психологического сопровождения членов семей военнослужащих, участвующих в специальной военной операции // *Вестник науки*. 2024. Т. 4. № 12 (81). С. 1514–1521.
Shepeleva, V.V., Nesterenko, O.B. A model of clinical and psychological support for family

Петров В.Е.

Влияние личного выбора участия в экстремальном добровольчестве на субъективное отношение военнослужащих к семье
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 75–88.

Petrov V.E.

The Influence of Personal Choice of Participation in Extreme Volunteerism on the Subjective Attitude of Military Personnel to the Family
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 75–88.

members of military personnel participating in a special military operation. *Vestnik nauki*, 2024. Vol. 4, no. 12 (81), pp. 1514–1521. (In Russ.).

20. Щедиллов, А.В., Юдин, И.В. Организация и методика психологического сопровождения военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации, выполнявших служебно-боевые задачи экстремального характера // *Психология и психотехника*. 2024. № 3. С. 112–126. <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2024.3.68721>
Shchedilov, A.V., Yudin, I.V. Organization and methodology of psychological support for military personnel of the National Guard of the Russian Federation who performed service and combat missions of an extreme nature. *Psychology and psychotechnics*, 2024, no. 3, pp. 112–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2024.3.68721>

Информация об авторе

Владислав Евгеньевич Петров, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Information about the author

Vladislav E. Petrov, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7854-4807>, e-mail: v.e.petrov@yandex.ru

Получена 01.02.2025

Принята в печать 14.03.2025

Received 01.02.2025

Accepted 14.03.2025

Стандартизация «Анкеты угроз психологической безопасности»

Финогенова Т.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2814-4498>, e-mail: tatiana07finogenova@gmail.com

Резюме

Проведена стандартизация авторской анкеты для выявления угроз психологической безопасности. Анкета включает 36 вопросов, сгруппированных в 8 шкал, которые отражают различные виды угроз: военные, экономические, природные, социальные, информационные, угрозы здоровью, а для оценки общей угрозы используется интегральная шкала. Для стандартизации были применены следующие **методы**: оценка внутренней согласованности и структурной валидности (альфа Кронбаха); критериальная валидность для шкалы «Военные угрозы» (непараметрический U-критерий Манна-Уитни); определение перекрестной валидности (коэффициент корреляции Спирмана); вычисление средней нормы по каждой шкале (среднее арифметическое и стандартное отклонение). **Испытуемые**: 123 студента 1—3 курсов — 73 человека из Москвы в возрасте от 16 до 20 лет, 50 человек из Белгородской области в возрасте от 15 до 20 лет. **Результат**. Доказана структурная надежность основных шкал авторской анкеты (альфа Кронбаха = 0,470—0,689). Выявлены статистически значимые взаимосвязи между шкалами авторской анкеты и шкалами других методик («Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге», «Опросник травматических ситуаций Life Experience Questionnaire (LEQ)» в адаптации Н.В. Тарабриной). Результаты корреляционного анализа подтверждают высокую валидность анкеты. Определены нормативные показатели для каждой шкалы, которые соответствуют низкому уровню выраженности каждой из угроз. **Вывод**: авторская анкета является надежным и валидным инструментом для диагностики и мониторинга угроз психологической безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность, угрозы, классификация угроз, стандартизация авторской анкеты

Благодарности. Автор выражает благодарность и признательность Березиной Т.Н., профессору, доктору психологических наук, за ценные рекомендации, полученные от нее в ходе исследования

Финогенова Т.А.
Стандартизация «Анкеты угроз психологической
безопасности»
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 89–105

Finogenova T.A.
Standardization of the “Questionnaire of Threats to
Psychological Safety”
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 89–105.

Для цитаты: Финогенова Т.А. Стандартизация «Анкеты угроз психологической безопасности» [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Том. 2. № 1. С. 89–105. DOI:10.17759/epps.2025020107

Standardization of the “Questionnaire of Threats to Psychological Safety”

Tatiana A. Finogenova

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2814-4498>, e-mail: tatiana07finogenova@gmail.com

Abstract

The standardization of the author's questionnaire has been carried out to identify threats to psychological safety. The questionnaire includes 36 questions grouped into 8 scales reflecting various types of threats: military, economic, natural, social, informational, and health threats, an integral scale is used to assess the overall threat. The following **methods** were used for standardization: assessment of internal consistency and structural validity (Cronbach's Alpha); criterion validity for the Military threat scale (nonparametric Mann-Whitney U-test); determination of cross-validation (Spearman correlation coefficient); calculation of the average norm on each scale (arithmetic mean and standard deviation). **Subjects:** 123 students of 1—3 courses — 73 people from Moscow aged from 16 to 20 years, 50 people from the Belgorod region aged from 15 to 20 years. **Result.** The structural reliability of the main scales of the author's questionnaire has been proved (Cronbach's alpha = 0.470—0.689). Statistically significant correlations between the scales of the author's questionnaire and the scales of other methods were revealed (“The methodology for determining stress resistance and social adaptation of Holmes and Rage”, “The questionnaire of traumatic situations Life Experience Questionnaire (LEQ)” in adaptation by N.V. Tarabrina). The results of the correlation analysis confirm the high validity of the questionnaire. The normative indicators for each scale have been determined, which correspond to the low level of severity of each of the threats. **Conclusion:** the author's questionnaire is a reliable and valid tool for diagnosing and monitoring threats to psychological safety.

Keywords: psychological safety, threats, classification of threats, standardization of the author's questionnaire

Acknowledgements. The author expresses gratitude and appreciation to T.N. Berezina, Professor, Doctor of Psychological Sciences, for the valuable recommendations provided during the research

For citation: Finogenova T.A. Standardization of the “Questionnaire of Threats to Psychological Safety”. *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 89–105. (In Russ.). DOI:10.17759/epps.2025020107

Введение

Психологическая безопасность выступает одним из важных условий нормального функционирования и развития личности. Об этом заявил еще А. Маслоу в своей теории иерархии потребностей, расположив потребность в безопасности на второй ступени по значимости после физиологических. Согласно А. Маслоу, обеспечив базовые физические потребности, человек стремится к безопасности как к следующему шагу в своем существовании и развитии [17]. Без удовлетворения потребности в безопасности невозможно удовлетворить потребности, находящиеся на более высоких уровнях: в общении, уважении, признании и самоактуализации.

Психологическая безопасность, как утверждает Т.С. Кабаченко, занимает отдельное самостоятельное место в целостной системе безопасности и должна рассматриваться наряду с физической безопасностью [5].

В современном научном подходе психологическая безопасность трактуется как многогранное и интегративное явление. Ученые определяют данный феномен как состояние защищенности, как способность адекватного реагирования и противостояния негативному внешнему и внутреннему влиянию [2], как характеристику субъекта, характеризующую степень его психологического благополучия [12], как сохранение целостности, адаптивности, функционирования и развития [5]. Психологическая безопасность обеспечивает устойчивость личности к различным стресс-факторам, сохраняя психическое и соматическое здоровье [3].

На сегодняшний день исследования психологической безопасности личности сосредоточены на изучении условий для ее формирования и развития [2], выявлении ее структурных компонентов [10; 16], факторов [4; 6].

Кроме того, актуальными становятся вопросы угроз психологической безопасности в различных средах и условиях [1; 7; 11; 18]. Ведь, действительно, современный мир характеризуется нестабильностью и множеством факторов, угрожающих психологической безопасности личности. К ним можно отнести социальные, экономические и политические факторы, например, изменения на рынке труда, нестабильность в обществе, информационные перегрузки, а также деструктивное влияние социальных сетей и СМИ. Все это сопровождается стрессом, или даже интенсивным стрессом, который негативно влияет на психическое состояние людей, снижает качество жизни, увеличивает риск развития депрессивных, тревожных расстройств, соматических болезней [3; 14]. В таких условиях обеспечение психологической безопасности становится просто невозможным.

Как правило, угрозы психологической безопасности классифицируют в зависимости от объекта угрозы (человек/группа/государство), масштаба (глобальные/локальные), вида убытков (материальные/моральные), особенностей происхождения (стихийные/преднамеренные) и других различных характеристик [12].

Часто угрозы психологической безопасности разделяют на внутренние и внешние [13]. Под внешними понимается воздействие среды (социальные, экономические, информационные и политические изменения, которые трудно контролировать), а к внутренним относятся особенности личности (например, низкая самооценка, тревожность, недостаток навыков управления стрессом). Внутренние угрозы, как правило, усиливаются под влиянием внешних факторов.

Ученые института психологии РАН (Н.Е. Харламенкова, Н.В. Тарабрина, Ю.В. Быховец,

О.А. Ворона, Н.Н. Казымова, Е.Н. Дымова, Н.Е. Шаталова), изучая имплицитные представления об угрожающих и опасных ситуациях, воздействующих на психологическую безопасность, предложили респондентам опрос, при котором просили привести примеры подобных ситуаций и ассоциации с ними. Полученные результаты позволили выделить шесть категорий угроз: аутогенные, техногенные, экзистенциальные, природные, физиологические, антропогенные. Последнюю категорию авторы разделили на три подкатегории: масштабные, локальные, индивидуальные ситуации [12].

Н.Е. Харламенкова предложила разделить угрозы психологической безопасности на антропогенные и природные. К природным ею были отнесены ситуации, связанные с воздействием природных явлений, для которых характерна масштабность, внезапность, стихийность. Антропогенные угрозы автор обуславливает активной причастностью человеческого фактора и разделяет их в зависимости от видов безопасности на военные, экономические, социальные, информационные, экологические [15].

На основе теоретического изучения и концепции Н.Е. Харламенковой нами были выделены три вида угроз психологической безопасности:

1) Антропогенные, которые зависят от человеческого фактора и включают следующие виды:

- Военные угрозы — содержат в себе нахождение, проживание в зоне боевых действий и на пограничных территориях, вынужденную миграцию, мысли о войне, террористическую угрозу. Военные угрозы являются сильнейшим психотравмирующим фактором, нарушающим чувство защищенности, целостности, устойчивости, нормального функционирования организма и несущие в себя прямую угрозу жизни. Этот вид угроз разрушительно влияет на личность, ее благополучие, здоровье.

- Социальные угрозы мы связываем с качеством межличностных отношений, проявлением физического и психологического насилия, социальной изоляцией, потерей близкого человека.

- Экономические угрозы касаются финансовой нестабильности, потери работы/учебы, отсутствия контроля над своим материальным благополучием, что напрямую связано с ощущением безопасности и уверенности в будущем дне.

- Информационные угрозы понимаются как давление и пресыщение негативной информацией. Манипуляции, дезинформация, запугивание, негативная информация оказывают отрицательное влияние на психику, вызывая у человека чувство неуверенности, страха, тревоги, беспокойства.

2) Природные угрозы, включающие природные явления. В эту группу угроз были включены землетрясения, наводнения, ураганы, шквалы, пожары, оползни. Подобные природные явления изначально не имеют определенного объекта воздействия, жертвой может стать любой человек, попавший в зону природной стихии.

3) Угрозы, связанные с ухудшением психического и соматического здоровья человека. Различные заболевания, стресс, усталость, нарушение сна могут значительно снижать уровень психологической безопасности.

При выделении шкал разработанной авторской анкеты мы опирались на вышеперечисленные виды угроз.

Несмотря на растущий интерес к проблеме психологической безопасности и попытки классифицировать угрозы, психодиагностический инструментарий для их оценки на данный момент остается достаточно ограниченным. Поэтому возникла необходимость в разработке диагностической методики, которая позволит оценивать различные виды угроз, влияющих на психологическую безопасность человека.

Организация исследования

Цель исследования: стандартизация анкеты по изучению угроз психологической безопасности.

Методы исследования

1. Авторская анкета угроз психологической безопасности (Приложение 1). Анкета включила в себя 36 вопросов с четырьмя вариантами ответов. Респондентам предлагалось выбрать лишь один вариант ответа по каждому вопросу, касающемуся событий последнего года их жизни. Анкета состоит из 8 шкал, 7 из которых соответствуют выделенным угрозам психологической безопасности и 1 шкала — это общий показатель угроз. Военные, социальные, экономические, информационные угрозы можно объединить в отдельный вид угроз — антропогенные. Для каждой шкалы сформулировано по 6 вопросов. Согласно ключу, за выбранный ответ начисляется от 0 до 3 баллов. Общий показатель угроз подсчитывается путем суммирования всех набранных баллов. По каждой шкале можно определить уровень выраженности: 0—5 баллов — низкая выраженность; 6—12 баллов — средняя выраженность; 13—18 баллов — высокая выраженность.

2. Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге [8]. Методика состоит из 43 утверждений, отражающих психотравмирующие события. Каждое событие оценивается определенным количеством баллов. Испытуемым необходимо вспомнить все подобные ситуации за последний год и отметить те, которые им пришлось пережить. Подсчитывается набранная сумма баллов по всем вопросам, которая отражает уровень стрессоустойчивости, а также степень стрессовой нагрузки. В данном исследовании важность представлял результат, отображающий именно степень стрессовой нагрузки. Согласно интерпретации, выделяется 4 степени (уровня) стресса: до 150 — минимальный, 199 баллов — низкий, от 200 до 299 — средний, от 300 — высокий. Методика использовалась для оценки перекрестной валидности авторской анкеты.

3. Опросник травматических ситуаций Life Experience Questionnaire (LEQ) в адаптации Н.В. Тарабриной и др. [9]. Опросник направлен на выявление различных стрессовых ситуаций в жизни человека: преступлений, природных катастроф, экономических лишений, аварий, физических травм и увечий, проблем со здоровьем, ситуаций насилия, — а также оценку влияния этих событий на жизнь респондента. При оценке ситуаций используется 5 балльная шкала. Подсчет результатов осуществляется путем суммирования баллов на вопросы по каждому блоку событий, а также вычисления общего количества травматических событий, суммарного показателя влияния указанных событий на жизнь испытуемого за последний год и «индекса травматичности». Данный опросник также использовался для оценки перекрестной валидности авторской анкеты.

4. Методы математической статистики:

- Альфа Кронбаха использовался для оценки внутренней согласованности и структурной валидности.

- Непараметрический U-критерий Манна-Уитни — для сравнения контрастных выборок.
- Коэффициент корреляции Спирмана применялся для определения перекрестной валидности.

- Среднее арифметическое и стандартное отклонение — для оценки средней нормы.

Испытуемые. Всего 123 человека. В основном исследовании приняли участие 73 человека в возрасте от 16 до 20 лет. Выборку составили студенты 1—3 курсов Московского государственного психолого-педагогического университета. Из них 60 девушек и 13 юношей. В контрастную выборку вошли 50 студентов из Белгородской области от 15 до 20 лет (15 юношей, 35 девушек).

Этапы исследования

1. Анализ научной литературы. Выделение угроз психологической безопасности, составление вопросов методики.

2. Эмпирическое исследование.

3. Статистическая обработка результатов, оценка валидности.

Результаты и их обсуждение

Проверка внутренней согласованности авторской анкеты осуществлялась с помощью коэффициента надежности альфа Кронбаха (табл. 1).

Таблица 1

Оценка структурной надежности (альфа Кронбаха) основных шкал авторской «Анкет угрозы психологической безопасности»

Шкалы	1 вопрос	2 вопрос	3 вопрос	4 вопрос	5 вопрос	6 вопрос	Альфа Кронба ха
Военные угрозы	0,0	0,2	0,2	0,7	0,0	1,9	0,164
Экономические угрозы	1,6	1,1	1,0	0,7	0,5	0,3	0,550
Природные угрозы	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,470
Социальные угрозы	0,6	0,4	1,3	0,7	1,6	0,8	0,487
Угрозы здоровью	1,5	0,8	0,6	1,4	1,3	1,9	0,689
Информационные угрозы	1,2	1,6	1,4	0,5	1,8	1,8	0,671

Как видно из табл. 1, почти все шкалы, кроме шкалы «Военные угрозы», обладают структурной надежностью (альфа Кронбаха = 0,470—0,689). Можно предположить, что на низкую структурную надежность (альфа Кронбаха) по шкале «Военные угрозы» могло повлиять значительное количество ответов респондентов с оценкой «0» баллов, что отражает отсутствие подобных угроз в жизни респондентов.

Для подтверждения валидности шкалы «Военные угрозы» нами была осуществлена критериальная валидность. Для этого мы использовали метод контрастных групп с

использованием двух выборок из разных регионов: Москвы, с менее выраженными, на наш взгляд, военными угрозами психологической безопасности — и Белгородской области, где, как мы предположили, военные угрозы были более выраженными. В группу из Москвы вошли 73 человека, из Белгородского региона — 50. Для проверки критериальной валидности выделенные группы сравнивались между собой по шкале «Военные угрозы» с использованием непараметрического критерия Манна-Уитни (табл. 2).

Как видно из полученных результатов, существуют статистически значимые различия в средних значениях по шкале «Военные угрозы» между различными группами. Показатели в группе из Белгородской области статистически значимо превосходят данные по этому показателю в группе из Москвы. Это подтверждает чувствительность шкалы к указанным военным угрозам в жизни респондентов. Таким образом, низкая структурная надежность (альфа Кронбаха = 0,164) данной шкалы, действительно, связана с тем, что для респондентов из Москвы, не сталкивавшихся с военными угрозами, данная угроза малозначима. А при изучении выборок, для которых эти угрозы более актуальны, шкала показывает свою валидность и эффективность.

Таблица 2

Сравнение средних значений по шкале «Военные угрозы» у контрастных групп по U-критерию Манна-Уитни

Шкалы	Москва	Белгородская область	P
	Среднее арифметическое	Среднее арифметическое	
Военные угрозы	2,9	7,08	0,000

Для определения перекрестной валидности использовались две известные методики:

- 1) «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге»;
- 2) «Опросник травматических ситуаций Life Experience Questionnaire (LEQ)» в адаптации Н.В. Тарабриной. Для изучения взаимосвязи между шкалами методик и авторской анкеты применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты перекрестной валидности «Анкеты угроз психологической безопасности» (коэффициент ранговой корреляции Спирмена)

Шкалы	Военные угрозы	Экономические угрозы	Природные угрозы	Социальные угрозы	Угрозы здоровью	Информационные угрозы	Общая шкала угроз психологической безопасности
Общее количество травматических событий	0,292*		0,328*	0,383**	0,358**	0,444**	0,504**
Суммарный показатель влияния травматических	0,337*			0,490**	0,434**	0,522**	0,600**

событий							
«Индекс травматичности»	0,248*			0,426**	0,407**	0,371**	0,448**
Уровень стресса по Холмсу и Раге	0,356*	0,370**		0,262*	0,367**	0,525**	0,562**

Как видно из табл. 3, большинство шкал авторской анкеты угроз психологической безопасности — «Военные угрозы» (от $P = 0,248$ до $P = 0,356$; $p = 0,05—0,01$), «Информационные угрозы» (от $P = 0,371$ до $P = 0,525$; $p = 0,01$), «Социальные угрозы» (от $P = 0,262$ до $P = 0,490$; $p = 0,05—0,01$), «Угрозы здоровью» (от $P = 0,358$ до $P = 0,434$; $p = 0,01$) — взаимосвязаны со всеми показателями методики LEQ и уровнем стресса по Холмсу и Раге. Шкала «Экономические угрозы» коррелирует только с уровнем стресса по Холмсу и Раге ($P = 0,370$; $p = 0,01$). Шкала «Природные угрозы» имеет взаимосвязь с показателем «Общее количество травматических событий» методики LEQ ($P = 0,328$; $p = 0,01$). Общая шкала угроз психологической безопасности авторской анкеты имеет значимые прямые корреляционные связи со всеми шкалами соотносимых методик (от $P = 0,448$ до $P = 0,600$; $p = 0,01$). Полученные результаты указывают на валидность авторской методики.

Также нами были рассчитаны средние нормы показателей по всем выделенным шкалам анкеты (табл. 4).

Таблица 4

Результаты средней нормы показателей шкал авторской анкеты угроз психологической безопасности

Шкалы	Среднее арифметическое	Стандартное отклонение
Военные угрозы	2,9	1,6
Экономические угрозы	5,2	2,9
Природные угрозы	0,4	1,1
Социальные угрозы	5,4	2,8
Угрозы здоровью	7,4	3,5
Информационные угрозы	8,4	3,4
Общая шкала угроз психологической безопасности	29,7	10,1

Как видно из табл. 4, среди указанных угроз наибольшая выраженность наблюдается по шкалам «Информационные угрозы» ($8,4 \pm 3,4$) и «Угрозы здоровью» ($7,4 \pm 3,5$), а наименьшая — по шкале «Природные угрозы» ($0,4 \pm 1,1$). Данные цифры указывают на то, что информационные угрозы и угрозы здоровью воспринимаются респондентами как более значимые и чаще встречающиеся, чем природные угрозы.

В среднем все показатели авторской анкеты имеют низкую и среднюю выраженность (от 0,4 до 8,4). Таким образом, можно говорить о том, что в норме выделенные угрозы

психологической безопасности и общий балл ($29,7 \pm 10,1$) сведены к минимуму и имеют слабую выраженность.

Выводы

Стандартизация авторской анкеты для выявления угроз психологической безопасности подтвердила возможность ее использования в психологических исследованиях, направленных на изучение данной проблемы. Анкета обладает структурной надежностью (альфа Кронбаха = 0,470—0,689), за исключением шкалы «Военные угрозы». Критериальная валидность и сравнение с контрастной выборкой, для которой военные угрозы более актуальны, подтвердили чувствительность данной шкалы к подобным угрозам.

Валидность анкеты подтверждена проверкой перекрестной валидности с другими методиками, такими как «Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации Холмса и Раге» и «Опросник травматических ситуаций Life Experience Questionnaire (LEQ)» в адаптации Н.В. Тарабриной. Выявленные значимые корреляции между шкалами анкеты угроз и шкалами сопоставляющих методик указывают на высокую валидность авторского инструмента. Выделенные нормативные оценки для каждой шкалы анкеты позволяют более точно интерпретировать полученные результаты.

Анкета состоит из 36 вопросов и включает 8 шкал — видов угроз психологической безопасности: военные, экономические, социальные, информационные (можно объединить в отдельный вид угроз — антропогенные); природные; угрозы здоровью. Общая шкала угроз психологической безопасности отражает общую выраженность всех воспринимаемых угроз. Система оценок позволяет измерить уровень выраженности угроз от низкого до высокого.

Несмотря на полученные результаты и достаточную структурную надежность и валидность анкеты, в перспективе необходимо расширить выборку и включить в исследование респондентов разных возрастных, социальных, профессиональных групп. Это позволит получить более полное представление о восприятии угроз среди различных категорий населения.

Несмотря на выявленные ограничения, предлагаемая «Анкета угроз психологической безопасности» демонстрирует свою значимость как инструмент для изучения угроз, влияющих на психологическую безопасность студентов. А при дальнейшем ее совершенствовании и расширении выборки может стать основой для более глубоких исследований в области психологической безопасности.

Список источников / References

1. Баева, И.А. Психология безопасности как направление психологической науки и практики // Национальный психологический журнал. 2006. № 1 (1). С. 66—68.
Baeva, I.A. Security psychology as a field of psychological science and practice. *National Journal of Psychology*, 2006, no. 1 (1), pp. 66—68. (In Russ.).
2. Баева, И.А., Гаязова, Л.А., Кондакова, И.В. Личностные ресурсы психологической безопасности подростков и молодежи в образовательной среде // Интеграция образования. 2021. Т. 25, № 3. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.104.025.202103.482-497>
Baeva, I.A., Gayazova, L.A., Kondakova, I.V. Personal resources of psychological safety of adolescents and youth in the educational environment. *Integration of education*, 2021, Vol. 25, no. 3 (In Russ.). <https://doi.org/10.15507/1991-9468.104.025.202103.482-497>

3. Влияние разных видов стресса на биопсихологический возраст [Электронный ресурс] / Т.А. Финогенова, Т.Н. Березина, А.В. Литвинова, С.А. Рыбцов // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 41—51. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120304>
Finogenova, T.A., Berezina, T.N., Litvinova, A.V., Rybtsov, S.A. The influence of different types of stress on biopsychological age [Electronic resource]. *Modern foreign psychology*, 2023. Vol. 12, no. 3, pp. 41—51. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120304>
4. Донцов, А.И., Перельгина, Е.Б., Зотова, О.Ю., Мостиков, С.В. Доверие как фактор психологической безопасности в межнациональном взаимодействии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 2. С. 21—34. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>
Dontsov, A.I., Perelygina, E.B., Zotova, O.Yu., Mostikov, S.V. Trust as a factor of psychological security in interethnic interaction. *Social psychology and society*, 2018. Vol. 9, no. 2. pp. 21—34. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2018090202>
5. Кабаченко, Т.С. Нарушения психологической безопасности в контексте активности профессионала: дисс. ... докт. психол. наук. М., 2000. 409 с.
Kabachenko, T.S. Violations of psychological safety in the context of professional activity. Dr. Sci. (Psychology) diss. Moscow, 2000. 409 p. (In Russ.).
6. Костина, Л.М., Писаренко, И.А., Карпова, М.А. Факторы психологической безопасности личности в образовательной среде школы // Наука и практика в образовании: электронный научный журнал. 2021. № 3. С. 55—60. https://doi.org/10.54158/27132838_2021_3_55
Kostina, L.M., Pisarenko, I.A., Karpova, M.A. Factors of psychological security of the individual in the educational environment of the school. *Science and practice in education: electronic scientific journal*, 2021, no. 3, pp. 55—60. (In Russ.). https://doi.org/10.54158/27132838_2021_3_55
7. Краснянская, Т.М., Тылец, В.Г. Принцип безопасности в психологических исследованиях проблем цифровизации // Знание. Понимание. Умение. 2020. № 2. С. 152—166. <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.14>
Krasnyanskaya, T.M., Tylets, V.G. The principle of security in psychological studies of digitalization problems. *Knowledge. Understanding. Ability*, 2020, no. 2, pp. 152—166. (In Russ.). <https://doi.org/10.17805/zpu.2020.2.14>
8. Практическая психодиагностика: Методики и тесты: учеб. пособие / Под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: БАХРАХ-М, 2002. С. 667.
Raigorodskiy, D.Ya. (Ed.). Practical psychodiagnostics: Methods and tests: a study guide. Samara: BAKHRAKH-M, 2002, 667 p. (In Russ.).
9. Практическое руководство по психологии посттравматического стресса. Ч.1. Теория и методы [Электронный ресурс] / Под ред. Н.В. Тарабриной. 2-е изд.: М.: Когито-Центр, 2019, 208 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/88335.html> (дата обращения: 30.10.2024)
Tarabrina, N.V. (Ed.). Practical guide to the psychology of post-traumatic stress. Second edition [Electronic resource]. Moscow: Kogito-Tsentr, 2019, 208 p. (In Russ.). URL: <https://www.iprbookshop.ru/88335.html> (Viewed: 30.10.2024).
10. Приходько, И.И. Психологическая безопасность личности специалистов экстремальных видов деятельности: концепция, трансформационная модель, механизмы медико-психологической коррекции [Электронный ресурс] // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2013. № 4. С. 88—95. URL: <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2013-0-4-88-95> (дата обращения: 06.03.2024)

- Prikhod'ko, I.I. Psychological security of the personality of an extreme activity specialist: concept, transformational model, psychological mechanisms [Electronic resource]. *Medical Biological and Social Psychological Issues of Safety in Emergency Situations*, 2013, no. 4, pp. 88—95. (In Russ.). URL: <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2013-0-4-88-95> (Viewed 27.09.2024).
11. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности [Электронный ресурс] / А.В. Литвинова, А.В. Котенева, А.В. Кокурин, В.С. Иванов // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10. № 1. С. 8—16. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100101>
Litvinova, A.V., Koteneva, A.V., Kokurin, A.V., Ivanov, V.S. Problems of psychological security of the individual in extreme conditions of life [Electronic resource]. *Modern foreign psychology*, 2021. Vol. 10, no. 1, pp. 8—16. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100101>
 12. Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции / Н.Е. Харламенкова, Н.В. Тарабрина, Ю.В. Быховец, О.А. Ворона, Н.Н. Казымова, Е.Н. Дымова, Н.Е. Шаталова. М.: Институт психологии РАН, 2017. 262 с.
Kharlamenkova, N.E., Tarabrina, N.V., Byhovets, Yu.V., Vorona, O.A., Kazymova, N.N., Dymova, E.N., Shatalova, N.E. Psychological security of the individual: an implicit and explicit concept. Moscow: Institute of Psychology RAN, 2017, 262 p. (In Russ.).
 13. Сухов, А.Н. Социально-психологическая характеристика безопасности личности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 317—323. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-2-317-323
Sukhov, A.N. Socio-psychological characteristics of personal security. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2. pp. 317—323. (In Russ.). DOI: 10.24412/2073-0454-2022-2-317-323
 14. Финогенова, Т.А., Берко, А.А. Влияние травматических переживаний на психологическую безопасность личности обучающихся в контексте террористической угрозы [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2024. Т. 1. № 2. С. 61—75. <https://doi.org/10.17759/epps.2024010205>
Finogenova, T.A., Berko, A.A. The influence of traumatic experiences on the psychological safety of students in the context of a terrorist threat [Electronic resource]. *Extreme psychology and personal Safety*, 2024. Vol. 1, no. 2. pp. 61—75. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/epps.2024010205>
 15. Харламенкова, Н.Е. Антропогенные и природные угрозы безопасности человека: психологический аспект [Электронный ресурс] // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4 (89). С. 128—140. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32684257_87895486.pdf (дата обращения: 06.03.2024).
Kharlamenkova, N.E. Anthropogenic and natural threats to human security: a psychological aspect [Electronic resource]. *Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences*, 2017, no. 4 (89), pp. 128—140. (In Russ.). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32684257_87895486.pdf (Viewed 27.10.2024).
 16. Харламенкова, Н.Е. Понятие психологической безопасности и его обоснование с разных научных позиций [Электронный ресурс] // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 1. С. 28—37. <https://doi.org/10.31857/S020595920002985-9>

- Kharlamenkova, N.E. The concept of psychological safety and its justification from different scientific positions [Electronic resource]. *Psychological Journal*, 2019. Vol. 40, no. 1, pp. 28—37. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S020595920002985-9>
17. Maslow A. *Motivation and Personality*. Third Ed. NY: Addison-Wesley, 1987. 369 p.
18. The relationship between the environmental safety of the school educational environment and teacher burnout [Electronic resource] / Berezina T., Sechko A., Deulin D., Tyulyupergeneva R. // E3S Web of Conf.: International Scientific Conference Energy Management of Municipal Facilities and Environmental Technologies (EMMFT-2023). 2023. Vol. 458. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202345806001>

Приложение 1

АНКЕТА УГРОЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Бланк методики

Дата проведения анкетирования: _____

Укажите Ваш возраст: _____

Укажите Ваш пол:

- 1) мужской
- 2) женский.

Инструкция. Ответьте, пожалуйста, на вопросы, выбрав один из предложенных вариантов. Ответы должны отражать последний год Вашей жизни.

1. Находились ли Вы в зоне боевых действий?
 - 0) нет
 - 1) несколько дней
 - 2) несколько месяцев
 - 3) все время
2. Находились ли Вы на приграничных территориях вооруженного конфликта?
 - 0) нет
 - 1) несколько дней
 - 2) несколько месяцев
 - 3) все время
3. Находились ли Вы на территориях с желтым уровнем террористической опасности?
 - 0) нет
 - 1) несколько дней
 - 2) несколько месяцев
 - 3) все время
4. Находились ли Ваши родственники в зоне боевых действий?
 - 0) нет
 - 1) несколько дней
 - 2) несколько месяцев
 - 3) все время

5. Были ли Вы вынуждены переехать / покинуть свой дом в связи с повышенным риском террористической угрозы (*вооруженным конфликтом*)?
 - 0) нет
 - 1) всего на пару дней
 - 2) на несколько месяцев
 - 3) до сих пор не могу вернуться в свой дом
6. Посещают ли Вас мысли о войне?
 - 0) нет
 - 1) очень редко
 - 2) иногда
 - 3) часто
7. Сколько раз в день просматриваете ленту новостей?
 - 0) вообще не смотрю
 - 1) не более 2 раз
 - 2) около 5 раз
 - 3) более 10 раз
8. Сталкиваетесь ли Вы с переизбытком непроверенной информации?
 - 0) нет
 - 1) очень редко
 - 2) иногда
 - 3) часто
9. Когда читаете новости, появляется ли чувство тревоги и беспокойства?
 - 0) нет
 - 1) очень редко
 - 2) иногда
 - 3) часто
10. После просмотра новостей Вы плохо засыпаете?
 - 0) нет
 - 1) очень редко
 - 2) иногда
 - 3) часто
11. Как думаете, современная информация представляет для общества опасность?
 - 0) нет
 - 1) очень редко
 - 2) иногда
 - 3) часто
12. Часто ли Вы обсуждаете с родственниками/друзьями/коллегами новости?
 - 0) нет
 - 1) очень редко
 - 2) иногда
 - 3) часто
13. Как Вы оцениваете свои отношения с близкими людьми?
 - 0) очень хорошие
 - 1) хорошие
 - 2) удовлетворительные

- 3) плохие
14. Изменились ли Ваши отношения с близкими за последний год в худшую сторону?
- 0) нет
1) почти не изменились
2) изменились
3) очень сильно
15. Как часто Вы чувствуете себя одиноким(-ой)?
- 0) никогда
1) очень редко
2) иногда
3) часто
16. Подвергались ли Вы физическому или психологическому насилию/издевательствам?
- 0) никогда
1) очень редко
2) иногда
3) часто
17. Сталкивались ли Вы с потерей близкого члена семьи?
- 0) нет
1) скорее нет, чем да
2) скорее да, чем нет
3) да
18. Сталкивались ли Вы с потерей близкого друга?
- 0) нет
1) скорее нет, чем да
2) скорее да, чем нет
3) да
19. Как Вы оцениваете свое настоящее финансовое положение?
- 0) очень хорошее
1) удовлетворительное
2) достаточное
3) плохое
20. Меняли ли Вы место работы/учебы за последний год?
- 0) нет
1) думаю над этим
2) да, 1 раз
3) да, более 1 раза
21. Изменилось ли Ваше финансовое состояние?
- 0) в лучшую сторону
1) никак не изменилось
2) незначительно ухудшилось
3) ухудшилось
22. Снижилось ли качество Вашей жизни?
- 0) нет
1) скорее нет, чем да
2) скорее да, чем нет

- 3) да
23. Сталкивались ли Вы с ухудшением жилищных условий?
- 0) нет
1) скорее нет, чем да
2) скорее да, чем нет
3) да
24. Часто ли Вам приходится занимать деньги / брать кредит?
- 0) нет
1) скорее нет, чем да
2) скорее да, чем нет
3) да
25. Пришлось ли Вам за последний год пережить пожар?
- 0) нет
1) 1 раз
2) более 1 раза
3) более 3 раз
26. Пришлось ли Вам за последний год пережить наводнение?
- 0) нет
1) 1 раз
2) более 1 раза
3) более 3 раз
27. Пришлось ли Вам за последний год пережить ураган?
- 0) нет
1) 1 раз
2) более 1 раза
3) более 3 раз
28. Пришлось ли Вам за последний год пережить шквалы?
- 0) нет
1) 1 раз
2) более 1 раза
3) более 3 раз
29. Пришлось ли Вам за последний год пережить землетрясение?
- 0) нет
1) 1 раз
2) более 1 раза
3) более 3 раз
30. Пришлось ли Вам за последний год пережить оползни?
- 0) нет
1) 1 раз
2) более 1 раза
3) более 3 раз
31. Испытываете ли беспокойство по поводу состояния Вашего здоровья?
- 0) нет
1) очень редко
2) иногда

- 3) часто
32. Приходилось ли Вам находиться на лечении в стационарном отделении?
- 0) нет
1) очень редко
2) иногда
3) часто
33. Были ли у Вас эпизоды потери сознания?
- 0) нет
1) очень редко
2) иногда
3) часто
34. Беспокоят ли Вас головные боли?
- 0) нет
1) очень редко
2) иногда
3) часто
35. Имеются ли у Вас проблемы со сном/засыпанием?
- 0) нет
1) очень редко
2) иногда
3) часто
36. Чувствуете ли вы истощение, усталость и упадок сил?
- 0) нет
1) очень редко
2) иногда
3) часто

Ключи

По каждой шкале подсчитывается общее количество баллов.

Структура и содержание шкал:

1. Антропогенные угрозы: подсчет баллов осуществляется как среднее арифметическое по четырем шкалам (военные, социальные, информационные, экономические угрозы):

1.1. Военные угрозы: вопросы 1—6.

1.2. Информационные угрозы: вопросы 7—12.

1.3. Социальные угрозы: вопросы 13—18.

1.4. Экономические угрозы: вопросы 19—24.

2. Природные угрозы: вопросы 25—30.

3. Угрозы здоровью: вопросы 31—36.

4. Общий показатель угроз: сумма баллов по всем вопросам.

Уровень выраженности по шкалам:

0—5 баллов — низкая выраженность;

6—12 баллов — средняя выраженность;

13—18 баллов — высокая выраженность.

Уровень выраженности по общему показателю угроз:

0—35 баллов — низкая выраженность;

36—72 баллов — средняя выраженность;

73—108 баллов — высокая выраженность.

Интерпретация. Интерпретация результатов осуществляется на основе набранных баллов по каждой из шкал и общего показателя, а также определяется уровень выраженности угроз.

Описание шкал:

1) **Антропогенные угрозы** зависят от человеческого фактора и включают следующие шкалы:

- **военные угрозы:** нахождение, проживание в зоне боевых действий и на пограничных территориях, вынужденная миграция, мысли о войне, террористическая угроза;

- **социальные угрозы:** связаны с качеством межличностных отношений, проявлений физического и психологического насилия, социальной изоляцией, потерей близкого человека;

- **экономические угрозы:** финансовая нестабильность, потеря работы/учебы, отсутствие контроля над своим материальным благополучием;

- **информационные угрозы:** давление и пресыщение негативной информацией.

2) **Природные угрозы:** землетрясения, наводнения, ураганы, шквалы, пожары, оползни.

3) **Угрозы здоровью:** ухудшение психического и соматического здоровья человека (различные заболевания, стресс, усталость, нарушение сна).

Информация об авторе

Татьяна Александровна Финогорова, аспирант, преподаватель кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2814-4498>, e-mail: tatiana07finogenova@gmail.com

Information about the author

Tatiana A. Finogenova, Postgraduate student, Lecturer at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology, Faculty of Extreme Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2814-4498>, e-mail: tatiana07finogenova@gmail.com

Получена 01.11.2024
Принята в печать 14.03.2025

Received 01.11.2024
Accepted 14.03.2025

Модификация и стандартизация личностного опросника для определения типа акцентуаций К. Леонгарда, Г. Шмишека

Павлова Г.Г.

Психолог-консультант, психодиагност. Московская открытая социальная академия,
Волгодонск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8992-5997>, e-mail: doris30277@yandex.ru

Резюме

В статье раскрывается актуальность модификации личностного опросника для определения типа акцентуаций К. Леонгарда, Г. Шмишека. Проблема состоит в том, что методика широко используется в современных исследованиях, между тем в научной литературе не представлены данные стандартизации методики, в стимульном материале имеются устаревшие и неточные вопросы, что может приводить к неточным и ложным данным в исследованиях. Приводится модифицированный вариант методики К. Леонгарда, Г. Шмишека. Суть модификации состоит в замене устаревших и повторяющихся вопросов и введении трехбалльной шкалы оценки. Представлены результаты валидизации модифицированной методики на основе корреляционного анализа с результатами стандартизированного многофакторного метода исследования личности (СМИЛ) в адаптации Л.Н. Собчик в выборке из 576 человек в возрасте 18—36 лет. Также определена надежность модифицированного опросника, представлены индексы согласованности пунктов опросника и взаимосвязи пунктов опросника с общим баллом шкал. Также определены нормы в распределении баллов для интерпретации. Модифицированный вариант опросника позволит повысить его результативность.

Ключевые слова: акцентуации характера, модификация методики, стандартизация методики, личностный опросник

Для цитирования: Павлова Г.Г. Модификация и стандартизация личностного опросника для определения типа акцентуаций К. Леонгарда, Г. Шмишека [Электронный ресурс] // Экстремальная психология и безопасность личности. 2025. Том 2. № 1. С. 106—122. DOI:10.17759/epps.2025020108

Павлова Г.Г.
Модификация и стандартизация личностного
опросника для определения типа
акцентуаций К. Леонгарда, Г. Шмишека
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 106–122.

Pavlova G.G.
Modification and Standardization of the
Personality Questionnaire to Determine the Type
of Accentuation K. Leonhard, G. Shmishek
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 106–122.

Modification and Standardization of the Personality Questionnaire to Determine the Type of Accentuation K. Leonhard, G. Shmishek

Georgina G. Pavlova

Practicing psychologist, psychodiagnostic. Volgodonsk, Russia.
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8992-5997>, e-mail: doris30277@yandex.ru

Abstract

The article reveals the relevance of the modification of the personality questionnaire to determine the type of K. Leonhard — G. Shmishek accentuations. A modified version of the methodology is presented. The problem is that the technique is widely used in modern research, meanwhile, the scientific literature does not provide data on the standardization of the technique, there are outdated and inaccurate questions in the stimulus material, which can lead to inaccurate and false data in research. A modified version of the methodology is given. The essence of the modification is to replace outdated and repetitive questions and introduce a three-point rating scale. The results of validation of the modified methodology based on correlation analysis with the results of the standardized multifactorial personality research method adapted by L.N. Sobchik in a sample of 576 people aged 18—36 years are presented. The reliability of the modified questionnaire is also determined, the indices of consistency of the questionnaire items and the relationship of the questionnaire items with the total score of the scales are presented. The norms in the distribution of points for interpretation are also defined. A modified version of the questionnaire will improve its effectiveness.

Keywords: character accentuation, modification of methodology, standardization of methodology, personality questionnaire

For citation: Pavlova G.G. Modification and standardization of the personality questionnaire to determine the type of accentuation K. Leonhard, G. Shmishek *Ekstremal'naya psikhologiya i bezopasnost' lichnosti = Extreme Psychology and Personal Safety*, 2025. Vol. 2, no. 1, pp. 106—122. DOI: 10.17759/epps.2025020108 (In Russ.).

Введение

Личностный опросник для определения типа акцентуации, разработанный Г. Шмишеком в 1970 г. на основе концепции К. Леонгарда [10], является очень популярным среди исследователей. За последние два года он использован в более чем 100 научных работах. В частности, в исследовании связи стиля воспитания в семье с развитием эмотивной и педантичной акцентуаций [3], при изучении влияния акцентуаций характера на развитие профессионального выгорания педагогов [6], влияния акцентуаций характера на особенности временной перспективы у студентов [7], влияния акцентуаций характера на формирование девиантного поведения [8]. Также опросник использовался при исследовании акцентуаций

характера в контексте переживания стресса [14], стратегий принятия решений [15]. Между тем, существует проблема валидности и надежности опросника [16].

О.П. Елисеев в 1994 году для обеспечения большей дискриминативности заданий опросника дихотомическую шкалу ответов заменил на 4-балльную шкалу, однако некоторые шкалы опросника остались недостаточно гомогенными [9].

Л.Ф. Бурлачук, В.Н. Духневич [2] в 1997 году провели факторный анализ, сократив количество шкал с 10 до 8 и получив достаточную гомогенность шкал. Авторами обследовано 134 человека в возрасте от 16 до 26 лет (97 мужчин, 37 женщин), которые являлись студентами гуманитарных факультетов. Авторы указали, что выборка не является в достаточной мере, репрезентирующей всю генеральную совокупность, в нее могли не попасть субъекты с достаточно выраженными акцентуациями.

Переработка опросника с изменением заданий не входила в задачу исследования авторов. Поэтому до сих пор используется версия Г. Шмишека, она же адаптирована для компьютерной программы. Стоит отметить, что некоторые вопросы опросника устарели (опуская письмо в почтовый ящик, проверяете ли Вы, проводя рукой по щели ящика, что письмо полностью упало в него; как Вы думаете, получился бы из Вас ведущий в юмористическом спектакле) и испытуемый не может адекватно ответить на них. Также есть несколько вопросов, которые отражают только одну сторону проявления акцентуации (например, изменчивость настроения при циклотимной акцентуации), не учитывая колебания физической активности. Все это может снижать результативность методики.

Ввиду того, что опросник акцентуаций характера очень популярен, но некоторые его вопросы устарели или не полностью отражают суть проявления акцентуаций, а современных данных о его надежности и валидности нет, в данном исследовании предложена модификация и стандартизация методики К. Леонгарда, Г. Шмишека.

Цель исследования — модификация и стандартизация методики акцентуаций характера К. Леонгарда, Г. Шмишека.

Методологической основой работы являются: принцип системности, повторяемости, вариантности, теоретические подходы к исследованию акцентуаций характера (К. Леонард, А.Е. Личко, Г. Шмишек, К. Шнайдер, П.Б. Ганнушкин и др.).

Материалы и методы

Исследование проводилось с помощью Google-формы. Испытуемым предлагался модифицированный вариант характерологического опросника и опросник СМИЛ.

Инструментарий

1. Модифицированный вариант характерологического опросника К. Леонгарда, Г. Шмишека.

2. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности СМИЛ в адаптации Л.Н. Собчик.

Выборка. В исследовании приняли участие 576 человек, в возрасте от 18 до 36 лет, из них 302 женщины и 274 мужчины. Характеристика выборки:

- Образование: 46,9% испытуемых имеют среднеспециальное образование; 32,3% — высшее образование и 20,8% — среднее образование.

- Занятость: 54,5% испытуемых работают; 30,7% человек в настоящее время учатся и 14,8% не работают на данный момент.

- Семейное положение: 54,2% испытуемых не состоят в браке, 24,3% состоят в зарегистрированном или незарегистрированном браке; 21,5% состоят в разводе.

Обработка данных. Обработка данных проводилась с использованием программы SPSS 26.0. Для обработки и анализа данных были использованы дескриптивный анализ, коэффициент альфа Кронбаха и корреляционный анализ.

Результаты

Структура характерологического опросника осталась без изменений, сохранена модальность вопросов. Дихотомическая шкала ответов заменена на 3-балльную.

Были скорректированы следующие вопросы:

3. Бывает ли так, что у вас на глаза навертываются слезы в кино, театре, беседе? — Бывает ли так, что у вас на глаза навертываются слезы при трогательной беседе, чтении книги, слушании музыки, просмотре фильма?

В вопросе изменен «театр» на «прослушивание музыки», «чтение книги», что связано с досуговыми предпочтениями современных молодых людей [5].

14. Опуская письмо в почтовый ящик, проверяете ли вы, проводя рукой по щели, что письмо полностью упало в него? — Вы скорее возьмете работу на дом, чем оставите ее недоделанной?

Замена произведена ввиду того, что сейчас нет почтовых ящиков для писем. Стремление хорошо выполнить начатую работу является характерной чертой педантичных людей [12].

25. Можете ли вы зарезать курицу (овцу)? — Обычно вы уверены в себе и не беспокоитесь о том, что о вас подумают люди.

Зарезать животное — это скорее вопрос морального характера, нежели эмоционального. Сейчас большинство людей живет в городе, и для получения еды нет необходимости самим кого-то резать. Поэтому есть большая вероятность, что человек ответит отрицательно на вопрос, даже не будучи эмотивным. А беспокойство о том, что подумают окружающие, неуверенность в себе — характерная черта эмотивной личности [3].

33. Как вы думаете, получился бы из вас ведущий юмористической программы? — Думаете, могли бы вы стать стендапером, юмористом?

Сейчас более популярны отдельные выступления юмористов, в юмористических же программах заняты уже известные юмористы.

40. Общительны ли вы? — Иногда вы очень общительны, а порой не хотите никого видеть.

Вопрос дополнен, поскольку общительность циклотима проявляется в основном при гипомании, тогда как в депрессивной фазе потребность в общении значительно снижается. Именно эта перемена общительности и является признаком циклотимии [16].

50. Считаете ли вы, что ваше настроение очень изменчиво? — Вы замечали, что иногда активны, полны энергии, а иногда совсем нет сил?

Вопрос изменен, поскольку колебания настроения отражены в вопросах 6, 18, 28, 72, но колебания физической активности в шкале циклотимии не отмечены.

59. В школе вы иногда подсказывали своим товарищам или давали списывать. — Вам важнее сохранить теплые, дружеские отношения, чем доказать свою правоту.

Сейчас подсказки и списывания друг у друга редки, школьники больше полагаются на гаджеты. Отстаивание своей правоты даже при угрозе разрыва отношений является характерным качеством застреваемой личности [11].

73. В вашей молодости вы охотно участвовали в кружке художественной самодеятельности.

— В юности вы охотно участвовали в театральных постановках, коллективном творчестве, внеклассных мероприятиях.

Вопрос расширен и скорректирован, поскольку кружки художественной самодеятельности сейчас редки.

74. Вы расцениваете жизнь несколько пессимистически, без ожидания радости. — Вы склонны к необдуманным действиям, поступкам, о которых потом сожалеете.

Вопрос изменен, поскольку пессимистичность не является явным признаком возбудимой личности, между тем для нее характерны импульсивное поведение, необдуманные поступки из-за сниженного самоконтроля [1].

75. Часто ли вас тянет путешествовать? — В минуты радости у вас появляются мысли, что это лишь миг и скоро все будет по-прежнему? Вопрос изменен, поскольку склонность к путешествиям не является отличительной характеристикой дистимной личности, но для нее характерно осознание быстротечности позитивных эмоций [12].

80. Была ли у вас в школе привычка переписывать лист в тетради, если вы поставили на него кляксу? – Будучи школьником, вы нередко переписывали страницу, если ошибались или замечали «грязь в тетради».

Замена произведена ввиду того, что сейчас не пользуются чернилами.

Результаты дескриптивной статистики представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

Результаты дескриптивной статистики (N = 576) Descriptive statistics results (N = 576)

Дескриптивная статистика / Descriptive statistic						z-преобразование / z-transformation	
Параметры / Parameters	N	M	SD	Min	Max	M-SD +0,5SD	M+SD +0,5SD
Гипертимная / Hyperthymous	576	23,01	10,75	0,00	48,00	17,64	39,13
Застревающая / Stuck	576	22,95	10,10	0,00	48,00	17,91	38,10
Эмотивная / Emotional	576	23,75	10,42	0,00	48,00	18,54	39,38
Педантичная / Meticulous	576	23,51	8,89	0,00	48,00	19,06	36,84
Тревожная / Disturbing	576	21,98	11,45	0,00	48,00	16,26	39,17
Циклотимная / Cycloid	576	22,58	9,88	0,00	48,00	17,64	37,41
Демонстративная / Demonstrative	576	23,07	8,56	0,00	48,00	18,79	35,91
Возбудимая / Excitable	576	20,96	10,44	0,00	48,00	15,74	36,62
Дистимная / Dysthymic	576	22,29	10,66	0,00	48,00	16,96	38,27
Экзальтированная / Exalted	576	22,61	11,35	0,00	48,00	16,94	39,63
Среднее значение / The average value						17,55	38,05

Судя по данным линейного преобразования, нормативными данными для шкал являются значения от 18 до 38. Таким образом, акцентуированными личностями будут являться те, кто набрал 38 и более баллов по какой-либо шкале.

Конвергентная валидность модифицированного характерологического опросника К. Леонгарда, Г. Шмишека определялась путем сопоставления результатов с данными,

полученными с помощью стандартизованного многофакторного метода исследования личности (СМИЛ) в адаптации Л.Н. Собчик.

Сопоставление данных проводилось с помощью корреляционного анализа (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Связь между выраженностью акцентуаций характера и шкалами опросника СМИЛ (N = 576)
The relationship between the severity of character accentuation and the scales of the SMIL questionnaire (N = 576)

Акцентуации / accentuation	Шкалы СМИЛ / Scales of the SMIL									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
Гипертимная / Hyperthymous	-0,12*	-0,066	-0,055	0,051	-0,020	-0,093	-0,007	0,035	0,184*	-0,020
	0,006	0,111	0,189	0,217	0,625	0,025	0,859	0,404	0	0,637
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Застревающая / Stuck	0,06	0,017	-0,053	-0,014	0,03	0,339*	0,065	-0,003	-0,040	-0,045
	0,151	0,687	0,203	0,731	0,466	0	0,121	0,938	0,343	0,276
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Эмотивная / Emotional	-0,051	-0,002	0,171*	-0,003	0,224*	0,023	0,045	-0,010	0,004	0,037
	0,226	0,954	0	0,95	0	0,589	0,277	0,805	0,932	0,371
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Педантичная / Meticulous	0,379*	0,073	-0,019	-0,055	-0,006	0,161*	0,077	-0,030	-0,029	0,031
	0	0,079	0,655	0,191	0,879	0	0,064	0,465	0,486	0,46
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Тревожная / Disturbing	0,051	0,08	0,06	0,071	-0,003	0,059	0,560*	0,011	-0,009	0,066
	0,225	0,054	0,153	0,089	0,937	0,158	0	0,791	0,833	0,111
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Циклотимная / Cycloid	0,001	0,110*	0,086	0,004	0,036	-0,057	0,072	-0,037	0,198*	0,037
	0,973	0,008	0,039	0,928	0,394	0,173	0,083	0,369	0	0,37
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Демонстративная / Demonstrative	-0,005	0,046	0,412*	0,042	-0,036	-0,064	0,063	0,019	-0,025	0,058
	0,904	0,273	0	0,316	0,383	0,123	0,133	0,649	0,545	0,165
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Возбудимая / Excitable	-0,054	-0,016	-0,008	0,442*	-0,008	-0,075	-0,039	-0,011	0,012	0,022
	0,193	0,698	0,85	0	0,851	0,071	0,355	0,791	0,774	0,591
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Дистимная / Dythymic	0,06	0,516*	0	-0,017	0,061	0,053	-0,002	-0,011	-0,061	0,088
	0,149	0	0,988	0,675	0,146	0,206	0,961	0,789	0,141	0,035
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576
Экзальтированная / Exalted	-0,073	-0,046	0,055	-0,037	0,062	0,019	0,071	-0,059	0,109*	-0,038
	0,08	0,275	0,19	0,375	0,135	0,652	0,089	0,155	0,009	0,364
	576	576	576	576	576	576	576	576	576	576

Примечание: «*» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).
 Note: «*» — correlation is significant at the 0.01 level (two-sided).

Для оценки конвергентной валидности в процессе интерпретации учитывались наиболее значимые корреляционные связи при уровне значимости $p < 0,01$.

Значимые взаимосвязи представлены на рисунке.

Гипертимная акцентуация прямо связана со шкалой 9 (оптимистичность, активность позиции, высокий уровень жизнелюбия, уверенность в себе, позитивная самооценка,

склонность к шуткам и проказам, высокая мотивация достижения) и обратно связана со шкалой 1 (сверхконтроль, направленность на соответствие норм, подавление спонтанности).

Застревающая акцентуация прямо связана со шкалой 6 (ригидность, устойчивость интересов, упорство в отстаивании собственного мнения, активность позиции при противодействии внешних сил, практичность, трезвость взглядов на жизнь, опора на собственный опыт). Эмотивная акцентуация прямо связана со шкалой 3 (эмоциональная лабильность, неустойчивость эмоций, художественный тип восприятия, яркость эмоциональных проявлений) и шкалой 5, которая оценивалась одинаково для обоих полов (гуманистическая направленность интересов, сентиментальность, утонченность вкуса, потребность в дружелюбных гармоничных отношениях, чувствительность, ранимость).

Педантичная акцентуация прямо связана со шкалой 1 (сверхконтроль, направленность на соответствие норм, подавление спонтанности) и шкалой 6 (ригидность, устойчивость интересов, упорство в отстаивании собственного мнения, недостаточная гибкость, трудности переключения, трезвость взглядов на жизнь, опора на собственный опыт).

Рис. 1. Корреляционная плеяда

Рис. Корреляционная плеяда (N = 576)
 [1]Fig. The Correlation Galaxy (N = 576)

Тревожная акцентуация прямо связана со шкалой 7 (тревожность, пассивно-страдательная позиция, неуверенность в себе, высокая чувствительность, подвластность средовым воздействиям, повышенная чуткость к опасности, зависимость от мнения большинства).

Циклотимная акцентуация прямо связана со шкалой 2 (пессимистичность, избегание неудач, инертность в принятии решений, выраженная глубина переживаний, самокритичность) и шкалой 9 (оптимистичность, активность позиции, высокий уровень жизнелюбия, уверенность в себе, позитивная самооценка, склонность к шуткам и проказам, высокая мотивация достижения).

Демонстративная акцентуация прямо связана со шкалой 3 (эмоциональная лабильность, неустойчивость эмоций, художественный тип восприятия, яркость эмоциональных проявлений, демонстративность, неустойчивость самооценки, на которую влияет значимое окружение, ребячливость, незрелость установок и суждений).

Возбудимая акцентуация прямо связана со шкалой 4 (импульсивность, высокая поисковая активность, уверенность и быстрота в принятии решений, нетерпеливость, склонность к риску, высокий уровень притязаний, устойчивость которого зависит от сиюминутных побуждений и внешних влияний, раскованность, непосредственность в проявлении чувств).

Дистимная акцентуация прямо связана со шкалой 2 (пессимистичность, избегание неудач, инертность в принятии решений, выраженная глубина переживаний, самокритичность, неуверенность в себе, скептицизм, потребность в понимании, доброжелательном отношении).

Экзальтированная акцентуация прямо связана со шкалой 9 (оптимистичность, активность позиции, позитивная самооценка, легко возникающие эмоциональные всплески с быстрой отходчивостью, непостоянство в привязанностях, избыточная смешливость, влюбчивость).

Оценка надежности шкал опросника с использованием критерия альфа Кронбаха представлена в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Индексы согласованности пунктов опросника (N = 576)
Indexes of the consistency of the points in the questionnaire (N = 576)

Параметры / Parameters	Статистика надежности / Reliability statistics	
	Альфа Кронбаха / Cronbach's Alpha	N
Гипертимная / Hyperthymous	0,876	8
Застревающая / Stuck	0,874	12
Эмотивная / Emotional	0,837	8
Педантичная / Meticulous	0,816	12
Тревожная / Disturbing	0,878	8
Циклотимная / Cycloid	0,834	8
Демонстративная / Demonstrative	0,817	12
Возбудимая / Excitable	0,852	8
Дистимная / Dysthymic	0,862	8
Экзальтированная / Exalted	0,789	4

По результатам критерия альфа Кронбаха шкалы модифицированного опросника имеют хорошую внутреннюю согласованность.

Оценка надежности теста определялась с помощью метода расщепления. Результаты диагностики по каждой шкале были разделены на две группы, занимающие четные и нечетные позиции. Результаты представлены в табл. 4. Представлены результаты корреляционного анализа и коррекционные значения по формуле Спирмена-Брауна.

Таблица 4 / Table 4

Оценка надежности теста методом расщепления (N = 576)
Evaluation of test reliability by splitting method (N = 576)

Параметры / Parameters	Номера вопросов в группах / Question numbers in groups		r	r _t
	Группа вопросов 1 / Group of questions 1	Группа вопросов 2 / Group of questions 2		
Гипертимная / Hyperthymous	1, 23, 45, 67	11, 33, 55, 77	0,835	0,910
Застревающая / Stuck	2, 15, 34, 46, 59, 78	12, 24, 37, 56, 68, 81	0,857	0,923
Эмотивная / Emotional	3, 25, 47, 69	13, 35, 57, 79	0,837	0,911
Педантичная / Meticulous	4, 17, 36, 48, 61, 80	14, 26, 39, 58, 70, 83	0,902	0,948
Тревожная / Disturbing	5, 27, 49, 71	16, 38, 60, 82	0,834	0,909
Циклотимная / Cycloid	6, 28, 50, 72	18, 40, 62, 84	0,820	0,901
Демонстративная / Demonstrative	7, 22, 41, 51, 66, 85	19, 29, 44, 63, 73, 88	0,815	0,898
Возбудимая / Excitable	8, 30, 52, 74	20, 42, 64, 86	0,838	0,912
Дистимная / Dysthymic	9, 31, 53, 75	21, 43, 65, 87	0,888	0,941
Экзальтированная / Exalted	10, 54	32, 76	0,641	0,781

Группы вопросов по всем шкалам методики имеют тесную связь ($p < 0,001$). Результаты показали высокую оценку надежности теста.

Конструктивная валидность измерялась путем выявления взаимосвязи пунктов опросника с общим баллом по шкале. Результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5 / Table 5

Взаимосвязи пунктов опросника с общим баллом (нивелированные вопросы отмечены знаком *)

The relationship of the questionnaire points with the overall score (the leveled questions are marked with a *)

№	Гипертимная / Hyperthymous	№	Застревающая / Stuck	№	Эмотивная / Emotional	№	Педантичная / Meticulous
1	0,515**	2	0,397**	3	0,445**	4	0,408**
11	0,705**	12*	0,620**	13	0,649**	14	0,476**
23	0,773**	15	0,627**	25*	0,679**	17	0,560**
33	0,742**	24	0,620**	35	0,714**	26	0,615**

45	0,689**	34	0,573**	47	0,682**	36	0,505**
55	0,711**	37	0,590**	57	0,633**	39*	0,529**
67	0,668**	46*	0,686**	69	0,621**	48	0,575**
77	0,574**	56	0,652**	79	0,504**	58	0,530**
		59*	0,648**			61	0,580**
		68	0,614**			70	0,545**
		78	0,659**			80	0,503**
		81	0,524**			83	0,435**
№	Тревожная / Disturbing	№	Циклотимная / Cycloid	№	Демонстративная / Demonstrative	№	Возбудимая / Excitable
5*	0,573**	8	0,555**	7	0,547**	20	0,801**
6	0,643**	18	0,559**	19	0,517**	30	0,567**
27	0,705**	28	0,679**	22	0,458**	42	0,623**
38	0,719**	40	0,653**	29	0,485**	52	0,676**
49	0,716**	50	0,698**	41	0,531**	64	0,699**
60	0,739**	62	0,683**	44	0,585**	75	0,614**
71	0,680**	72	0,608**	51*	0,541**	86	0,598**
82	0,623**	84	0,460**	63	0,564**		
				66	0,530**		
				73	0,569**		
				85	0,579**		
				88	0,365**		
№	Дистимная / Dysthymic	№	Экзальтированная / Exalted				
9	0,805**	10	0,590**				
21	0,671**	32	0,772**				
31*	0,632**	54	0,767**				
43	0,709**	76	0,552**				
53*	0,687**						
65*	0,634**						
74	0,513**						
87	0,550**						

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне 0,001 (двусторонняя).
Note: «**» — correlation is significant at the 0,001 level (two-sided).

Все вопросы имеют тесную связь с общим баллом по шкалам опросника ($p < 0,001$).
Опросник имеет хорошую конструктивную валидность.

Обсуждение результатов

В данной статье представлен модифицированный вариант личностного опросника К. Леонгарда, Г. Шмишека. Структура характерологического опросника осталась без изменений, сохранена модальность вопросов. Дихотомическая шкала ответов заменена на 3-балльную шкалу. Переформулированы или изменены 11 вопросов.

Заключение

Модифицирован и стандартизирован личностный опросник К. Леонгарда, Г. Шмишека. Шкалы модифицированного опросника имеют хорошую внутреннюю согласованность (альфа Кронбаха 0,79—0,88). Выявлена высокая оценка надежности теста по методу расщепления. Все вопросы имеют тесную связь с общим баллом по шкалам опросника ($p < 0,001$), то есть опросник обладает хорошей конструктивной валидностью. Взаимосвязи шкал модифицированного варианта характерологического опросника и соответствующих шкал опросника СМИЛ показали, что модифицированная методика имеет хорошую конвергентную валидность. В перспективах исследования — оценка ретестовой надежности методики, разработка ее компьютерной версии.

Список источников / References

1. Бокова, З.С. (2023) Акцентуация — регулятор речевого поведения людей. *Актуальные исследования*, 50-2(180), 9—12.
Vokova, Z.S. (2023). Accentuation is a regulator of people's speech behavior. *Current research*, 50-2(180), 9—12. (In Russ.).
2. Бурлачук, Л.Ф. Духневич, В.Н. (1998). Акцентуации личности: что диагностируем? *Вопросы психологии*, 2, 136—143.
Burlachuk, L.F. Dukhnevich, V.N. (1998). Accentuation of personality: What are we diagnosing? *Voprosy Psichologii*, 2, 136—143. (In Russ.).
3. Волченкова, А.А. (2023). Взаимосвязь стиля воспитания в семье с развитием акцентуаций «эмотивность» и «педантичность». В: Будущее клинической психологии — 2023: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (с. 37—42). Пермь.
Volchenkova, A.A. (2023). The relationship of parenting style in the family with the development of accents “emotivity” and “pedantry”. In: *The Future of clinical psychology — 2023: proceedings of the XVII All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation* (pp. 37—42). Perm. (In Russ.).
4. Галеева, А.Р., Игнаткова, И.А. (2025). Особенности акцентуации характера у представителей творческих профессий. *Вестник науки*, 1, 228—234.
Galeeva, A.R., Ignatkova, I.A. (2025). Peculiarities of character accentuation among representatives of creative professions. *Bulletin of Science*, 1, 228—234. (In Russ.).
5. Захаренкова, В.А., Иванова, И.В. (2022). Результаты исследования досуговых предпочтений в молодежной среде. *Журнал социологических исследований*, 7(2), 2—21.
Zakharenkova, V.A., Ivanova, I.V. (2022). The results of the study of leisure preferences among young people. *Journal of Sociological Research*, 7(2), 2—21. (In Russ.).
6. Корниенко, А.О., Максимова, С.Л. (2023). Акцентуации характера педагогов как фактор риска профессионального выгорания. *Актуальные вопросы медицинской науки*, 1 (1), 159—160.
Kornienko, A.O., Maksimova, S.L. (2023). Accentuation of teachers' character as a risk factor for professional burnout. *Current issues of medical science*, 1 (1), 159—160. (In Russ.).
7. Куприянов, С.Н. (2022). Влияние акцентуации характера на особенности временной перспективы личности студентов младших курсов. *Наукофера*, 12-1, 192—197.

- Kupriyanov, S.N. (2022). The influence of character accentuation on the features of the time perspective of the personality of undergraduates. *Naikosfera*, 12-1, 192—197. (In Russ.).
8. Куренков, И.А. (2022). Влияние акцентуации характера на формирование девиантного поведения. *Психология и педагогика служебной деятельности*, 4, 248—250.
Kurenkov, I.A. (2022). The influence of character accentuation on the formation of deviant behavior. *Psychology and pedagogy of professional activity*, 4, 248—250. (In Russ.).
9. Лаврова, Л.И., Сапожников, М.А. (2025). Акцентуации характера как предмет психологических исследований. В: Наука, общество, инновации: актуальные вопросы современных исследований: сборник статей VI Международной научно-практической конференции (с. 97—99). Пенза.
Lavrova, L.I., Sapozhnikov, M.A. (2025). Character accentuation as a subject of psychological research. In: Science, society, innovation: Current issues of modern research: collection of articles of the VI International Scientific and Practical Conference (pp. 97—99). Penza. (In Russ.).
10. Леонгард, К. (2000). Акцентуированные личности. Ростов н/Д: Феникс, 544 с.
Leongard, K. (2000). Accentuated personalities. Eostov-on-Don: Fenix, 544 p. (In Russ.).
11. Липатов, В.О. (2023). Типы акцентуаций и их характеристика. *Студенческий вестник*, 40-2 (279), 30—31.
Lipatov, V.O. (2023). Types of accents and their characteristics. *Student Bulletin*, 40-2 (279), 30—31. (In Russ.).
12. Личко, А.Е. (2019). Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Питер, 301 с.
Lichko, A.E. (2019). Psychopathies and character accentuation in adolescents. St. Petersburg: Piter, 301 p. (In Russ.).
13. Лукьянова, М.В. (2024). Особенности эмоционально-волевой сферы личности у студентов с различными акцентуациями характера. *Проблемы современного педагогического образования*, 84-3, 444—449.
Lukyaynova, M.V. (2024). Features of the emotional-volitional sphere of personality among students with different character accents. *Problems of modern teacher education*, 84-3, 444—449. (In Russ.).
14. Хажуев, И.С. (2018). Акцентуации черт характера в контексте переживания интенсивного стресса. В: Учитель создает нацию: сборник материалов III международной научно-практической конференции (с. 576—583). Грозный.
Khazhuev, I.S. (2018). Accentuation of character traits in the context of experiencing intense stress. In: A teacher creates a nation: A collection of materials from the III International Scientific and Practical Conference (p. 576—583). Grozny.
15. Хакимова, П. (2020). Акцентуации характера и стратегии принятия решений. *Collegium linguisticum — 2020*. Тезисы ежегодной конференции Студенческого научного общества, 189—190.
Khakimova, P. (2020). Character accentuation and decision-making strategy. *Collegium linguisticum — 2020*. Abstracts of the annual conference of the Student Scientific Society, 189—190.
16. Чебарыкова, С.В., Дмитриева, Н.П. (2018). Диагностика актуальной проблемы акцентуированной личности. В: Е.Н. Ткач (Ред.). Экология человеческих отношений как

проблема практической психологии в современном обществе: сборник научных трудов (с. 34—38). Хабаровск.

Chebarykova, S.V., Dmitrieva, N.P. (2018). Diagnostics of the actual problem of accentuated personality. In: Ye.N. Tkach (Ed.). Ecology of human relations as a problem of practical psychology in modern society: Collection of scientific papers (pp. 34—38). Khabarovsk.

Приложение

Личностный опросник для определения типа акцентуаций К. Леонгарда, Г. Шмишека, (модификация Г.Г. Павловой).

Инструкция. Вам будут предложены утверждения, касающиеся вашего поведения и характера. Внимательно прочтите и выразите степень согласия, выбрав один из вариантов ответов: «да», «в некоторой степени», «нет». Не раздумывайте над вопросами долго, отвечайте так, как вам кажется в настоящий момент.

Текст опросника

Да В некоторой степени Нет

1. У Вас чаще бывает веселое и беззаботное настроение.
2. Вы чувствительны к оскорблениям.
3. Бывает ли так, что у Вас на глаза навертываются слезы при трогательной беседе, чтении книги, слушании музыки, просмотре фильма?
4. Сделав что-либо, Вы сомневаетесь, все ли сделано правильно, и не успокаиваетесь до тех пор, пока не убедитесь еще раз в этом.
5. В детстве вы были таким же смелым, как другие Ваши сверстники.
6. Часто ли у Вас резко меняется настроение от состояния безграничного ликования до отвращения к жизни, к себе?
7. Являетесь ли вы обычно центром внимания в обществе, в компании?
8. Бывает ли так, что вы беспричинно находитесь в таком ворчливом настроении, что с Вами лучше не разговаривать?
9. Вы серьезный человек.
10. Способны ли вы восхищаться, восторгаться чем-нибудь?
11. Предприимчивы ли Вы?
12. Вы быстро забываете, если Вас кто-то обидит.
13. Мягкосердечны ли Вы?
14. Вы скорее возьмете работу на дом, чем оставите ее недоделанной?
15. Стремитесь ли вы всегда считаться в числе лучших работников?
16. Бывало ли Вам в детстве страшно во время грозы или при встрече с незнакомой собакой (а может быть, такое чувство бывает и теперь)?
17. Вы стремитесь во всем и повсюду соблюдать порядок.
18. Ваше настроение зависит от внешних обстоятельств.
19. Любят ли вас ваши знакомые?
20. Часто ли у Вас бывает чувство внутреннего беспокойства, ощущение возможной неприятности, беды?
21. У вас часто бывает несколько подавленное настроение.
22. Переживали ли Вы хотя бы раз истерику или нервный срыв?

23. Трудно ли вам долго усидеть на месте?
24. Если по отношению к Вам несправедливо поступили, Вы обычно считаете нужным энергично отстаивать свои интересы.
25. Обычно вы уверены в себе и не беспокоитесь о том, что о вас подумают люди?
26. Вас раздражает, если дома занавес или скатерть висят неровно, и вы сразу же стараетесь поправить их.
27. Вы в детстве боялись оставаться в одиночестве дома.
28. Часто ли у вас бывают беспричинные колебания настроения?
29. Вы стремитесь быть высококвалифицированным работником в своей профессии.
30. Быстро ли Вы начинаете сердиться или впадать в гнев?
31. Можете ли Вы быть абсолютно беззаботным?
32. Бывает ли так, что ощущение полного счастья буквально пронизывает Вас?
33. Как Вы думаете, могли бы вы стать сендапером, юмористом?
34. Вы обычно высказываете свое мнение достаточно откровенно, прямо и недвусмысленно.
35. Вам трудно переносить вид крови, он вызывает у Вас неприятные ощущения.
36. Нравится ли Вам работа с большой личной ответственностью?
37. Вы склонны выступать в защиту лиц, по отношению к которым допущена несправедливость.
38. Было бы Вам страшно спуститься в темный подвал?
39. Вы предпочитаете работу, в которой надо действовать быстро, но требования к качеству выполнения невысоки.
40. Иногда Вы очень общительны, а порой не хотите никого видеть?
41. В школе вы охотно декламировали стихи.
42. Убегали ли Вы в детстве из дома?
43. Кажется ли Вам жизнь трудной?
44. Бывало ли так, что после конфликта, обиды Вы были до того расстроены, что идти на работу казалось просто невыносимым?
45. Можно ли сказать, что при неудаче Вы не теряете чувства юмора?
46. Если бы Вас кто-либо обидел, предприняли бы Вы первым шага к примирению?
47. Вы очень любите животных.
48. Вы иногда возвращаетесь, чтобы убедиться, что оставили дом или рабочее место в порядке, и там ничего непредвиденного не случилось.
49. Вас иногда преследует неясная мысль, что с Вами или Вашими близкими может случиться что-то страшное.
50. Вы замечали, что иногда активны, полны энергии, а иногда совсем нет сил?
51. Трудно ли Вам выступать перед большим количеством людей?
52. Вы можете ударить обидчика, если он Вас оскорбит.
53. У Вас очень велика потребность в общении с другими людьми.
54. Вы относитесь к тем, кто при каких-либо разочарованиях впадает в глубокое отчаяние.
55. Вам нравится работа, требующая энергичной организаторской деятельности.
56. У Вас хватает настойчивости добиваться поставленной цели, несмотря на то, что на пути к ней приходится преодолевать много препятствий.

57. Трагический фильм может взволновать Вас так, что на глазах выступают слезы.
58. Часто ли вам бывает трудно уснуть из-за того, что проблемы прожитого или будущего дня все время крутятся в голове?
59. Вам важнее сохранить теплые, дружеские отношения, чем доказать свою правоту
60. Вам потребовалось бы большое напряжение воли, чтобы пройти ночью одному через кладбище.
61. Тщательно ли Вы следите за тем, чтобы дома каждая вещь была всегда на своем месте?
62. Бывает ли так, что Вы ложитесь вечером спать в хорошем настроении, а наутро встаете в подавленном, которое длится чуть ли не весь день?
63. Легко ли Вы привыкаете к новым ситуациям?
64. Бывают ли у Вас головные боли?
65. Вы часто смеетесь.
66. Вы можете быть приветливым даже с теми, кого Вы явно не цените и не уважаете.
67. Вы подвижный человек.
68. Вы очень переживаете из-за несправедливости.
69. Вы настолько любите природу, что можете назвать ее своим другом.
70. Уходя из дома или ложась спать, проверяете ли Вы, закрыт ли газ, погашен ли свет, заперты ли двери?
71. Вы очень боязливы.
72. Изменяется ли Ваше настроение при приеме алкоголя?
73. В юности Вы охотно участвовали в театральных постановках, коллективном творчестве, внеклассных мероприятиях?
74. Вы склонны к необдуманным действиям, поступкам, о которых потом сожалеете?
75. Испытывая радость, у вас появляются мысли, что это лишь миг и скоро всё будет по-прежнему?
76. Ваше настроение может изменяться так резко, что состояние радости вдруг сменяется угрюмостью и подавленностью.
77. Легко ли Вас удастся поднять настроение друзей в компании?
78. Долго ли Вы переживаете обиду?
79. Долго ли Вы переживаете горести других людей?
80. Будучи школьником, Вы нередко переписывали страницу, если ошибались или замечали "грязь в тетради"?
81. Вы относитесь к людям скорее с осторожностью и недоверием, чем доверчивостью.
82. Часто ли Вы видите страшные сны?
83. Бывает ли, что вы остерегаетесь того, что броситесь под колеса проходящего поезда или выпадете из окна, расположенного на высоком этаже?
84. В веселой компании Вы обычно веселы.
85. Способны ли Вы отвлечься от трудных проблем, требующих Вашего решения?
86. Вы становитесь менее сдержанным и чувствуете себя свободнее под влиянием алкоголя.
87. В беседе вы скупы на слова.
88. Если бы Вам надо было играть на сцене, Вы смогли бы войти в роль настолько, чтобы забыть, что это только игра?

Ключ для обработки

Шкала опросника	Ответы «да»	Ответы «нет»	Коэффициент
Гипертимность	1, 11, 23, 33, 45, 55, 67, 77		3
Застревание	2, 15, 24, 34, 37, 56, 68, 78, 81	12, 46, 59	2
Эмотивность	3, 13, 35, 47, 57, 69, 79	25	3
Педантичность	4, 14, 17, 26, 36, 48, 58, 61, 70, 80, 83	39	2
Тревожность (Т)	6, 27, 38, 49, 60, 71, 82	5	3
Циклотимность (Ц)	8, 18, 28, 40, 50, 62, 72, 84		3
Демонстративность (Де)	7, 19, 22, 29, 41, 44, 63, 66, 73, 85, 88	51	2
Возбудимость (В)	20, 30, 42, 52, 64, 75, 86		3
Дистимность (В)	9, 21, 43, 74, 87	31, 53, 65	3
Экзальтированность (Эк)	10, 32, 54, 76		6

Шкалы

1. Гипертимный тип. Повышенный фон настроения в сочетании с оптимизмом и высокой активностью.
2. Застревающий тип. Характерна чрезмерная стойкость аффекта.
3. Эмотивный тип. Лица этого типа отличаются особой впечатлительностью и чувствительностью.
4. Педантичный тип. Лица этого типа отличаются повышенной ригидностью, инертностью психических процессов, неспособностью к вытеснению травмирующих переживаний.
5. Тревожно-боязливый. Склонность к страхам, робость и пугливость.
6. Циклотимный тип. Смена гипертимических и дистимических фаз.
7. Демонстративный тип. Характеризуется повышенной способностью к вытеснению.
8. Возбудимый тип. Повышенная импульсивность, ослабление контроля над влечениями и побуждениями.
9. Дистимный тип. Сниженный фон настроения, пессимизм, фиксация теневых сторон жизни, заторможенность.
10. Экзальтированный тип. Легкость перехода от состояния восторга к состоянию печали.

Нормы модифицированной методики.

Нормативными данными для шкал являются значения от 18 до 38.

- 0 – 17 баллов – низкие значения;

- 18 – 37 баллов – средние значения;

- 38 и более баллов – высокие значения (акцентуация).

Информация об авторе

Георгина Георгиевна Павлова, дипломированный специалист (Московская открытая социальная академия), практикующий психолог, психодиагност, Волгодонск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8992-5997>, e-mail: doris30277@yandex.ru

Information about the author

Georgina G. Pavlova, Certified Specialist (Moscow Open Social Academy), practicing psychologist,

Павлова Г.Г.
Модификация и стандартизация личностного
опросника для определения типа
акцентуаций К. Леонгарда, Г. Шмишека
Экстремальная психология и безопасность личности.
2025. Том 2. № 1. С. 106–122.

Pavlova G.G.
Modification and Standardization of the
Personality Questionnaire to Determine the Type
of Accentuation K. Leonhard, G. Shmishek
Extreme Psychology and Personal Safety.
2025. Vol. 2, no. 1, pp. 106–122.

psychodiagnostic. Volgodonsk, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-8992-5997>, e-mail: doris30277@yandex.ru

Получена 22.12.2024
Принята в печать 14.03.2025

Received 22.12.2024
Accepted 14.03.2025